ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

И. Дубинский-Мухадзе

БУАЧИДЗЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О замечательном жизненном пути пламенного большевика Ноя Буачидзе повествует книга писателя И. М. Дубинского-Мухадзе.

- Илья Моисеевич Дубинский-Мухадзе
  - ○
  - ○
  - ○ ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С Г. БУАЧИДЗЕ
  - ○ КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР
  - ○ ОБ АВТОРЕ
  - ○ ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22
  - ○ 23
  - ○ 24
  - ○ 25
  - ○ 26
  - ○ 27
  - ○ 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Илья Моисеевич Дубинский-Мухадзе
НОЙ БУАЧИДЗЕ

Летом 1914 года, спасаясь от преследования, из Турции в Болгарию в одежде странствующего монаха бежал российским революционер, известный в большевистском подполье под именем товарища Ноя.

У себя на родине двадцатитрехлетний учитель Буачидзе был приговорен к казни за «создание мятежной Квирильско-Белогорской республики», за «разоружение Тенгинского пехотного полка и казачьих сотен».

Но привести приговор в исполнение не удалось. Ной исчез. Этот хрупкий с виду человек в разгар зимы перешел через забитый льдом и снегом Мамисонский перевал на Главном Кавказском хребте. Вторично Ноя, неопознанного, судили в Москве. И снова Буачидзе бежит сначала в Грузию, а затем в Турцию. Здесь он поднимает революционное движение в защиту горцев, переселившихся с Северного Кавказа. Султанские власти отдают приказ об аресте Ноя, и тогда он переправляется в Болгарию. В мае 1917 года с мандатом ЦК Буачидзе приезжает во Владикавказ. Вместе с С. М. Кировым он борется за установление здесь советской власти. В марте 1918 года на II съезде народов Терека товарища Ноя избирают председателем Совнаркома Терской советской республики.

В июне 1918 года товарищ Ной был убит во время митинга.

О замечательном жизненном пути пламенного большевика

Ноя Буачидзе повествует книга писателя И. М. Дубинского-Мухадзе.

Суанидзе (Нози)

«Судьба человеческая — судьба народная».

А. С. Пушкин

1

События развивались стремительно, как обвал в окрестных горах. Горы везде — на восход и на закат — синие от леса, почти совсем голубые от снега. И название поселка при железнодорожной станции — Белогоры [1].

С утренним поездом из Тифлиса пожаловал попечитель Кавказского учебного округа граф Карл Эрнестович Ренненкампф. Учеников двухклассного министерского училища выстроили в зале. Граф расправил роскошную, расчесанную на две стороны бороду, высвободил из-под нее звезду и ордена, приступил к речи. Вначале он нудно цедил сквозь зубы обычные нравоучения, так что мальчишки, не отвлекаясь, могли наблюдать, как напротив училища во дворе благочинного Романоза Деканосидзе разделывали барашка, резали кур и индюшек — должно быть, много персон пожалует на торжественный обед в честь графа. Расходы благочинного, конечно, возместят родители учеников.

Вдруг попечитель возвысил голос:

— Крестьянскому сыну расти — ослеть, дворянскому — умнеть. Поняли, что я хочу сказать? Дети дворян обучаются не зря: со временем они сделаются полезными членами общества. Ну, а дети мужиков лишены всякого благородства, они грубы и невежественны. Сколько их ни учи, они никогда не смогут

проявить какие-либо светлые чувства, всегда останутся жестокими и тупыми тварями.

Вперед выскочил невысокий худощавый мальчик — Самуил Буачидзе. Не владея собой, он крикнул:

— Ложь, ложь!..

Ряды сломались. Торжества были безнадежно испорчены Попечитель пожелал незамедлительно отбыть в Тифлис. Перед отходом поезда приказал исключить Буачидзе из училища.

— Это черт знает что!.. Чтобы сын последнего мужика бросил в лицо дворянину, высочайше пожалованному в члены совета при главноначальствующем края, гнусное оскорбление?!

Кто-то из провожающих подогрел благородный гнев графа Ренненкампфа:

— Ваше сиятельство, яблоко от яблони не далеко падает. Отец этого безнравственного мальчишки заключен в тюрьму. Он позволил себе рубить дрова в казенном лесу и не только не повинился, а еще дерзко заявил, будто лес всегда принадлежал крестьянам.

— Исключить, обязательно исключить! — снова изрек заботливый попечитель народного образования.

Тем временем ученики заперлись внутри здания. Для верности входную дверь подперли партами, на лестнице, ведущей на второй этаж, воздвигли еще и баррикады.

Рослый красивый мальчик с большими светлыми кудрями — Серго Орджоникидзе (при крещении ему дали в честь деда имя Григория, но родные и близкие с детства ласково звали его Серго) кричал:

— Они не имеют права исключать Самуила! Пусть вернут Буачидзе, или мы все уйдем!..

В гневе Серго подбежал к окну, с силой ударил по стеклу локтем. Другие ученики тоже били стекла, ломали парты, столы, стулья. На пол полетели географические карты, глобус, кто-то сорвал со стены портрет царя.

Смотритель училища прислал для переговоров священника, преподавателя закона божьего. Ему не открыли дверей.

— Пусть придет Симон Георгиевич, его пустим, — послышалось из классной комнаты.

Недавно переведенный в белогорское училище однофамилец и дальний родственник Серго — Симон Георгиевич Орджоникидзе сразу завоевал любовь мальчиков. Его уважали крестьяне и сторонились «коллеги». Граф Ренненкампф сегодня строго предупредил смотрителя училища:

— Внимательно следите, не осмелится ли Орджоникидзе снова, как это он и позволил себе в Хоби, тайно преподавать

грузинский язык в нарушение запрета самого монарха…

Никто так и не узнал, каким образом Симону Георгиевичу удалось выполнить данное в этот бурный день мальчикам обещание. Но Буачидзе был оставлен в училище.

Самуил и Серго подружились за несколько месяцев до описанного события, притом совсем неожиданно. На перемене они из-за чего-то не поладили, дело быстро шло к драке. Самуил изловчился, подпрыгнул, чтобы достать своего более рослого противника, и… на землю упала засунутая за поясок книжка. Серго нагнулся, поднял книгу, стал листать. Фамилия автора была мальчику не знакома, и, позабыв о ссоре, он спросил:

— Что, интересно?

Самуил ответил, что успел прочесть только один рассказ. Называется «Распоряжение».

— Очень интересно, и все совсем как в жизни. После уроков почитаем вместе?

Серго кивнул головой:

— Я поведу тебя на поляну в ущелье. Там никто не помешает

Мальчики хорошо знали: грузинскую книгу можно читать только тайком, тем более если в книге «все совсем как в жизни».

Эгнате Ниношвили не называл селения, где жил герой его рассказа Кация Мунджадзе. Но едва Самуил и Серго прочли первую страничку, как им показалось, что это кто-то из их близких соседей безнадежно сказал: «Я так устал, что мясо от костей отходит». Значит, всюду в Грузии судьба крестьян одинаково безысходна?

Весь долгий летний день — от зари до густых сумерек — Кация махал мотыгой. Едва он приплелся домой, как постучал помощник старосты, приказал бесконечно усталому крестьянину отправиться караулить железную дорогу. Должен пройти поезд, в котором едет какой-то очень большой начальник, возможно даже царь.

— «Из-за горы выплыла полная луна и осветила чистое небо, — все более увлекаясь, читал вслух Самуил. — Бледный, трепетный свет ласково лился на безмолвный мир. Черные тени больших деревьев неподвижно лежали на земле, как некие таинственные существа, сладко уснувшие среди общего покоя. А соловей самоотверженно щелкал и заливался, как бы убаюкивая затихшую землю.

Кация продолжал стоять на своем месте, уставившись взглядом под куст, куда не проникал лунный свет.

Не думай, читатель, что его волновала красота этой чудесной ночи. Никакие сладостные воспоминания не связывали его с такой ночью: ни поцелуй возлюбленной, ни юношеский кутеж на

зеленом лугу. У него никогда на это не было времени… Если когда-нибудь он вспоминал о лунной ночи, то только в связи с пахотой, прополкой, ночными полевыми работами.

«Сколько забот в голове у горемычного мужика, — размышлял Кация. — Семью прокорми, одень, обуй, плати налоги, плати и учителю и писарю… И на дорожные работы выходи, и железную дорогу покараулить надо, всем прислуживай, всем кланяйся!.. Вот едет теперь большой начальник… Так много больших начальников на свете, что никак не успеваешь им услужить…»

Серго положил руку на плечо Самуила:

— Ты устал, наверное, давай я дочитаю.

«Луна клонилась к закату, а поезда все не было. Сон налил все тело Кация сладкой истомой. Он не мог больше сопротивляться. Кация лег, положил голову на рельс и рукой прижал к себе ружье. «Когда поезд станет подходить, рельс задрожит, я тотчас же вскочу», — успел он подумать и крепко заснул.

Не прошло и получаса, как показался поезд. Вагоны ослепительно блестели при лунном свете. Колеса скользили по рельсам бесшумно, словно берегли сон Кация. Поезд приближался. Кация задышал учащенно, казалось, вот-вот он проснется и вскочит на ноги. Но, увы, ему только приснилось, будто он услышал приближение поезда и вовремя вскочил.

Поезд весь золотой, и сидят в нем люди в золотых одеждах с бритыми лицами и смотрят на Кация сердитыми глазами. Как будто они уже узнали, что Кация не выдержал до конца и заснул. Кация хочет оправдаться, но язык не подчиняется ему.

«Ох, погубил я жену и детей, сошлют меня в Сибирь!» — с тоской думает Кация, и дыхание его учащается.

Поезд проскользнул по рельсу, на котором лежала голова Кация, и продолжил свой путь.

На рассвете железнодорожный сторож обходил линию и набрел на труп с отрезанной головой. Это был Кация Мунджадзе…»

Серго закрыл книжку.

— Страшно!

— Я говорил, все как в жизни, — снова напомнил Самуил.

— Откуда это тебе известно? — спросил Серго.

Самуил рассказал, что ему еще не было восьми лет, когда отец, чтобы как-нибудь прокормить большую семью — восемь сыновей и две дочери — отвез его из Парцхнали (это такое же маленькое селение, как и Гореша, где родился Серго, только в Гореша шумит незамерзающая речка Квадаура, а в Парцхнали —

Джихвела) в Ахалцихские горы, отдал в подпаски. У костра на кочевках мальчик слышал рассказы и пострашнее, видел людей на все готовых…

Прощаясь, Серго предложил меняться интересными книгами, а еще лучше читать вместе. Вскоре Самуил принес книгу о Прометее, потом стихи Некрасова, «Историю одного города» и «Господа Головлевы» Щедрина.

Самуил окончил училище на год раньше Серго, уехал в губернский центр — Кутаис и поступил там в сельскохозяйственное училище. Он часто писал другу, советовал, что читать, прислал в подарок «Утопию» Томаса Мора, «Что делать?» Чернышевского, «Историю одного молодого человека» и «Кто виноват?» Герцена, книгу Чарльза Дарвина о кругосветном путешествии на корабле «Бигль». Одно письмо было посвящено драме Карла Гуцкова «Уриэль Акоста». Самуил описывал, как он с соучениками выступил против полицмейстера Тер-Акопова, запретившего после второго акта ставить эту популярную в ту пору пьесу.

В следующем году на пасхальные каникулы мальчики снова встретились в Белогорах. Самуил приехал из Кутаиса, Серго — из Тифлиса, где он начал учиться в фельдшерской школе при Михайловской больнице. На любимой поляне, в узкой расселине между скалами, Буачидзе впервые признался, что один из преподавателей сельскохозяйственного училища — это был известный профессиональный революционер Миха Цхакая — помог ему вступить в социал-демократический кружок.

— После столкновения с Ренненкампфом, — объяснял Самуил, — я понял, что должны существовать люди, ведущие борьбу с самодержавием, надо их искать и найти. Читать запрещенные книги, втайне изучать грузинский язык и литературу — этого еще слишком мало. От одного русского студента — он был на каторге в Сибири, теперь отбывает ссылку на Кавказе — я слышал, что в нашем возрасте или еще раньше двое друзей — Александр Герцен и Николай Огарев — поднялись на гору и, обратившись лицом к Москве, поклялись, что вся их жизнь будет отдана одному — борьбе за свободу. Годы, испытания, несчастья — ничто не сломило, не поколебало их клятвы. Отправляясь во вторую ссылку, Герцен сказал больной жене, тяжело переживавшей гибель двоих детей: «У нас в России надо уметь ненавидеть из любви и презирать из гуманности. Надо обладать беспредельным мужеством, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах».

Серго порывисто обнял Самуила:

— Клянусь всем, что дорого мне, памятью отца и матери!

— Значит, до конца?

— На всю жизнь!

Самуил вытащил из-за подкладки своей форменной тужурки тетрадь.

— На, прочти, потом вернешь.

Это была отпечатанная на гектографе работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

2

Как-то в 1904 году поздней ночью на сходку сошлись крестьяне села Парцхнали. На укромной лесной поляне собралось около двухсот человек. Среди них были отец, мать и четыре брата Буачидзе. Крестьянам заранее сказали, что приедет представитель из центра, возможно из Тифлиса. Действительно, вскоре показались трое неизвестных. Один, пожилой, рыжеватый, заметно хромал. Собранию его представили как прибывшего издалека большевика — товарища Ноя. Он и выступил с докладом.

Наутро, ничего не подозревая, мать — Алваси Окропировна — недовольно заметила двадцатидвухлетнему Самуилу:

— Почему вчера не пришел на собрание, ты бы много хорошего услышал.

Отец — Григорий Глахинович — добавил:

— Видно, этот Ной сам из крестьян, знает, чем нашу беду лечить. Правильно он объясняет, надо свои вооруженные отряды создавать, старшин и полицейских народными избранниками заменять, а поджигать леса без разбору — это вредное дело, свое будущее богатство уничтожаем.

Самуил поинтересовался, где можно найти товарища Ноя.

Отец развел руками: кто знает, куда он направился, дело тайное!..

Из всех родных Буачидзе один Моисей с самого начала хорошо знал, что его двоюродный брат, мягкий, застенчивый сельский учитель Самуил, и боевой пропагандист, любимец имеретинских крестьян товарищ Ной — одно и то же лицо.

Товарищ Ной тогда уже возглавлял уездную организацию Российской социал-демократической рабочей партии.

В партию Самуил вступил еще в выпускном классе сельскохозяйственного училища в 1902 году. Это была пора большого взлета рабочего и общественного движения на Кавказе. Почти во всех основных районах Грузии действовали социал-демократические организации и группы ленинско-искровского направления. Начала выходить нелегальная газета «Брдзола» («Борьба»). Ее первый номер открылся статьей Иосифа Сталина.

«…Грузинское социал-демократическое движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского рабочего движения с собственной программой, оно идет рука об руку со всем российским движением и, стало быть, подчиняется Российской социал-демократической партии…»

В Тифлисе на первом съезде социал-демократических организаций четырнадцатью голосами против одного был создан Кавказский союз РСДРП. Съезд одобрял ленинскую тактику, программу и интернациональный принцип построения партии.

Сразу после съезда Миха Цхакая, избранный в состав Кавказского союзного комитета, пригласил Самуила.

— Твои планы не изменились?

— Я, батоно Миха, все-таки решил стать народным учителем. Подал заявление на краткосрочные курсы.

— Народным учителем! Да, это твое призвание, Самуил… Курсы в Кутаисе?

— Нет, в Озургетах[2].

— Так не уезжай. Дадим литературу, ждем новые номера «Искры»…

После окончания курсов Буачидзе получил назначение в один из самых глухих уголков Грузии — селение Никорцминда, затерянное среди гор и лесов Верхней Рачи. Самуил принял это как удачу. В Раче крестьяне жили особенно бедно, бесправно. Интеллигентный человек туда попадал в кои-то веки!

Через несколько месяцев пришла открытка. Хорошо знакомый почерк Миха Цхакая. Текст также не оставлял сомнения. «В домашнем кругу мы посоветовались. Иного выхода нет, надо хлопотать перед начальством, может быть, войдет в положение — переведет в какую-нибудь школу нашего уезда».

Цхакая заранее нашел Самуилу влиятельную протекцию.

Прошение было благожелательно рассмотрено — Буачидзе перевели учителем в Белогоры. В то самое двухклассное министерское училище, где когда-то учился он сам. Куда лучше!

Белогоры — ключ ко многим дверям. В нескольких часах езды от Белогор раскинулись Чиатурские марганцевые рудники, едва ли не самый крупный промышленный центр Грузии — страны, по характеристике Ленина, «еще более крестьянской, чем Россия». По другую сторону, ближе к Белогорам, в толще горной гряды был пробит Сурамский тоннель. По этому своеобразному коридору длиною в несколько километров проносились десятки поездов от Каспийского моря к Черному. Навстречу бежали эшелоны из Батума и Поти с грузами для Закавказья, Персии, Турции.

Если Белогоры ключ, то чья рука в нужный момент повернет его в дверях?

Наместник Кавказа приказал окружить Белогоры ротами Тенгинского полка, а также иметь поблизости казачьи сотни. Имеретино-Мингрельский комитет РСДРП торопил народного учителя Буачидзе побыстрее приняться за исполнение его профессиональных обязанностей. Спеши, товарищ Ной!

Преподавателей в училище было всего двое. Если совсем точно, то один священник и один педагог. Батюшка читал закон божий. Учитель обучал русскому языку, арифметике, географии, отечественной истории, естествознанию, пению и рисованию. Пение решительно не давалось и самому учителю. Приходилось младшему брату Константину заменять Самуила.

На уроках предписано было неотступно придерживаться высочайше утвержденной программы. Но разве нельзя использовать и ее?

— Есть такая страна Швейцария, — объяснял Буачидзе, — там, как и у нас в Грузии, высокие горы, быстрые студеные реки, солнечные долины. Неизвестно, где красивее природа. Жителям Швейцарии надо завидовать совсем в другом. Там каждый бедняк может учиться. Там никого не бросают в тюрьму за правдивое слово, не бьют прикладом в спину.

Смекалистые мальчишки — дети железнодорожников, добытчиков марганца, ремесленников, крестьян — сразу вспоминали картинки белогорской действительности.

Учитель был также вправе спросить своих учеников, что они знают о Франции, о французах. Немедля раздавались звонкие голоса:

— Французы держат рудники в Чиатурах… Отец говорил, они спуску не дают, что не так — кулаком в лицо.

Учитель не спорил:

— Верно, среди иностранцев, расхищающих богатства Чиатуры, немало французских дельцов. Они такие же хищники, как и англичане, бельгийцы, немцы, итальянцы, греки, но только, упаси бог, разве кто-нибудь из нас уважает, считает настоящим грузином полицейского генерала Гургенидзе или священника, который неделю не разрешал хоронить труп старого Кимоти Шарикадзе за то, что бедняга в последние годы не в состоянии был платить ему драмы — налога в пользу церкви?

Возможно, учитель не очень умело распределял свое время. Но вскользь упомянув о Людовиках, сменявших друг друга, и не высказав особой симпатии к Наполеону, он пространно рассказывал о парижских блузниках, о штурме Бастилии, о величии и роковых ошибках Коммуны и почему-то о восьмичасовом рабочем дне.

Других легальных возможностей было не так уж много — библиотека и читальня при училище, драматический кружок На короткое время — в 1905 году— кооператив.

В час, указанный приставом, в читальне прекращали выдачу книг и газет, гасили лампы. Рабочий день учителя Буачидзе кончался. Начинал действовать руководитель нелегальной партийной организации товарищ Ной.

Собрания в училище, железнодорожных будках, на горе Сабадура и в кукурузнике двоюродного брата Моисея Буачидзе, ночные сходки крестьян становились все чаще и многолюднее. Порою приходилось отступать от строгих требований конспирации. Что поделаешь, люди искали встречи с пожилым, заметно припадавшим на правую ногу приезжим агитатором Ноем. Некоторые разделяли недоумение Григория Буачидзе — городской тифлисский житель, а во всех подробностях знает крестьянскую нужду. Постепенно обычное недоверие и подозрительность крестьян сменялись уверенностью — хромой Ной действительно знает, чем лечить мужицкую беду. В случае чего надо его держаться!..

Перевод Самуила в Белогоры оправдывался.

3

Начался 1905 год. Владимир Ильич Ленин писал 10 января — наутро после Кровавого воскресенья:

«…Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!» [3]

Всеобщая политическая стачка в Тифлисе. Расстрел рабочих на Головинском проспекте[4]. «Лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера», — писала матери свидетельница расстрела украинская писательница Леся Украинка.

Всеобщая политическая забастовка в Батуме.

Стачки в Кутаисе, Чиатурах, Сухуме, Поти.

Прекращение железнодорожного движения на линиях Рион — Батум и Самтредиа — Поти.

Уполномоченные сельских обществ Озургетского уезда вручили Султану Крым-Гирею — члену совета при главноначальствующем на Кавказе — крестьянские требования: «Существующий строй должен коренным образом измениться и замениться новым, для чего необходим созыв Учредительного собрания представителей всего народа. Мы требуем того же, что и вся Россия…» Уезд объявили на военном положении. Против крестьян выступил генерал Алиханов-Аварский во главе отряда, насчитывающего до пяти тысяч штыков и сабель. О дальнейшей судьбе генерала вскользь упомянул Маяковский в автобиографии: «…Мой товарищ, повар священника — Исидор, от радости босой вскочил на плиту — убили генерала Алиханова. Усмиритель Грузии. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо…»

Поздним вечером 22 августа [5] на железнодорожном полотне, между станциями Белогоры и Марелиси, было найдено тело Иакинте Маградзе — большевика, начальника «красной

сотни». Помощник пристава Миха Сакварелидзе доверительно сообщил старшему брату Буачидзе Николаю Григорьевичу: «За отсутствием следов розыски прекращены. Убийца на свободе. Поберегся бы ваш Самуил. Полиции известно, они с покойным Маградзе один интерес имели».

Буачидзе тут же направился в Кутаис. Он упрямо настаивал, и Имеретино-Мингрельский комитет РСДРП согласился: в день похорон Маградзе устроить демонстрацию и митинг на кладбище.

Едва солнце коснулось снежных вершин, со всех концов Белогорья люди устремились в Марелиси. Железнодорожники отцепили от одного из пригородных поездов три вагона, предоставили их товарищам, ехавшим на похороны. Безопасность людей в пути, на демонстрации и митинге охраняли бойцы «красной сотни». Над головами реяли красные знамена, окаймленные черным крепом. Люди не расходились, покуда с речью не выступил Ной:

— Нас хотят запугать убийством Иакинте Маградзе. Мы не из пугливых. Надо создавать новые боевые дружины, готовиться к решительной схватке.

Сакварелидзе снова предупредил Николая Григорьевича: не этой ночью, так следующей Самуила заберут.

Оставалось одно: за семафором сесть на тормозную площадку к знакомому кондуктору товарного поезда. Ехать лучше всего было на Карскую линию. Там, возле станции Ашаг-Сараль, километрах в шестидесяти от Тифлиса, на строительстве моста работал мастером двоюродный брат — Ражден Буачидзе.

В артели строителей укрыться легче и без дела не будешь.

Неделю-другую Самуил не отлучался из Ашаг-Сараля, довольствовался беседами со строителями. Может быть, и на дольше хватило бы терпения, но из Белогор наведался бойкий паренек — Моисей Эбаноидзе. Он привез своему учителю Самуилу крохотный лоскуток бумаги. Буачидзе сразу заторопился в Тифлис: Кавказский союзный комитет просил помочь организаторам всеобщей забастовки железно дорожников и взять на себя дискуссию с меньшевиками.

…Возвращение в Белогоры — в двадцатых числах октября, сразу после манифеста царя о «свободах», — было особенно радостным. Впервые можно было не закрывать лицо башлыком, не надевать парика, хотя и сегодня полицейские присутствовали на митинге. Буачидзе поднялся на груду камней, заменявшую трибуну. Звонким молодым голосом (тогда ему шел только двадцать третий год) обратился к огромной толпе, собравшейся у ручья:

— Не верьте царю! Сегодня он напуган, выпустил манифест,

обещает свободу, завтра соберется с силами и будет свирепствовать еще хуже… Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Вступайте в «красные сотни», берите в руки оружие!

Оружия у Буачидзе еще не было Оружие для дружины предстояло добыть. Вскоре представился и подходящий случай.

В горах — страшный ливень. Бешеные потоки воды яростно волочат, швыряют вниз огромные камни. Кажется, все живое забилось под крышу. Но нет, по малоизвестным тропам, напрямик через высокие горы пробираются из Белогор в Боржом несколько человек, только что присягнувших на верность будущей народной власти. На всех — одна берданка, отнятая у лесничего в Парцхнали, родном селении Буачидзе.

А утром на курорте Боржом — сенсация, веселый гомон в духанах и на базаре, смятение в полицейском управлении. Шутка сказать: кто-то связал охрану в имении дяди царя — великого князя Михаила — и забрал все оружие! Все до последнего патрона, вплоть до кинжала самого великого князя.

На той же неделе — нападение на полицейское управление Шорапанского уезда. Еще сотня винтовок и револьверов досталась революционерам. А ручные гранаты, легкие бомбы, заказанные еще ранней осенью 1905 года мастерам Аллавердского медеплавильного завода, доставлял на служебной дрезине двоюродный брат Ноя — Ражден.

Население бойкотировало царскую администрацию, выгоняло чиновников. Крестьяне отказывались платить налоги, отнимали у помещиков землю. «Политическое состояние, — доносил начальник полиции на Кавказе наместнику, — приняло характер не просто «анархии», более или менее всегда поддающейся воздействию военной репрессии, а какого-то особого государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасающихся оружием для открытого восстания… Происходящие события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами русской государственности».

Средь бела дня в квирильское казначейство вошли не то четыре, не то пять дружинников. Именем восставшего народа они объявили, что деньги, несправедливо отнятые под видом царских налогов, сборов, бесконечных штрафов, по приказу Квирильско-Белогорского штаба боевых дружин пойдут на нужды революции. Двести одну тысячу рублей аккуратно уложили в казенные кожаные мешки, запечатали и унесли.

Весть о вывозе денег из казначейства мгновенно разнеслась по всей округе. А много позднее Ной с гордостью узнал, что Ленин в статье «Задачи отрядов революционной армии» писал: «Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям»[6].

Связной из Кутаиса доставил Ною сообщение Имеретино-Мингрельского комитета — в уезд едет из Тифлиса опытный пропагандист, гроза меньшевиков Вскоре Буачидзе обнимал… своего самого близкого друга — Серго. Молодые, полные сил, чудесно настроенные, они, конечно, не подозревали, что это их последняя встреча.

Пока что оба друга энергично громили меньшевиков. Орджоникидзе полностью оправдывал свою славу, он действительно был грозой для отступников, для тех, кто в своих речах доказывал, что «не надо готовиться к восстанию, не надо организовывать революцию, может, она будет через пятьдесят, а то и через сто лет». Крестьяне, не говоря о рабочих, отвечали им с усмешкой — «в таком случае приходите после и учите наших детей и внуков, а теперь для нас вы, меньшевики, лишние».

Настал день, когда и винтовки и гранаты понадобились. Тридцатого октября боевая дружина Ноя атаковала одиннадцатую роту Тенгинского пехотного полка. Солдат было намного больше дружинников, они были лучше вооружены и обучены.

Буачидзе не дал противнику воспользоваться этим преимуществом. По обе стороны железнодорожного полотна, у моста, через который обязательно должны были пройти вагонетки с солдатами, повстанцы свалили обломки взорванной скалы и укрылись за ними. Первыми выстрелами был убит начальник сводного отряда капитан Давыдов. После короткой стычки большинство солдат и офицеров предпочло сдаться в плен. Их снова, уже без оружия, посадили в вагонетки и отправили в Чиатуры, под присмотр горняков. Впрочем, так поступили не со всеми пленными.

С одним поручиком Буачидзе обошелся иначе. Из документов Самуил узнал, что это младший брат попечителя Кавказского учебного округа графа Ренненкампфа — того самого, который приказал исключить его, Самуила, из училища.

Буачидзе позвал поручика и объявил:

— Ступайте к своему брату. Передайте ему, что сын мужика

Григория Буачидзе снова называет графа Карла Эрнестовича Ренненкампфа лжецом. Каждый раз, когда он будет вас видеть, пусть снова и снова вспоминает, как он лгал школьникам, будто дети крестьян бессердечны и не способны проявить какие-либо светлые чувства.

Поручика отпустили, и очень скоро он показал себя, вновь напомнив о «высоком благородстве» графов Ренненкампфов.

У самого входа в Сурамский тоннель дружинники дали бой еще одной роте Тенгинского полка. Солдат поддерживали казаки, присланные командующим Кавказским военным округом после телеграфного донесения Ренненкампфа-младшего. Пришлось казаков загнать в узкую расселину между скалами. Там они и попросили пощады.

Овладев тоннелем, дружинники столкнули в нем два паровоза. Больше ни один поезд из Тифлиса не мог пройти ни в Кутаис, ни в Батум, ни в Поти. Но было уже слишком поздно. Декабрьское вооруженное восстание в России потерпело поражение. Всеобщая забастовка прекратилась. Всюду — от Балтики до Черного моря, от Владивостока до Варшавы — с неслыханной жестокостью свирепствовали карательные отряды.

Над огромной территорией Российской империи снова воцарилась черная ночь реакции. В полном смятении Плеханов осуждающе бросил: «Не надо было браться за оружие».

Ленин ответил, что, напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие. И с полной верой в будущее напомнил слова Энгельса: «Разбитые армии превосходно учатся».

А пока что Квирильско-Белогорская республика, одинокая, крохотная точка на карте Российской империи, тогда — в последние дни декабря 1905 года — неизбежно должна была исчезнуть. Не было никакого смысла боевой дружине Буачидзе удерживать Сурамский тоннель и две-три ближайшие станции в ущелье. Имеретино-Мингрельский комитет Российской социал-демократической рабочей партии приказал спрятать оружие до более благоприятного времени, а людям напомнить, что нет силы, способной изменить вечный закон природы: чем темнее ночь, тем ближе рассвет.

Самуил в последний раз обходил своих боевых друзей — с детства знакомых ему имеретинских крестьян, рабочих, железнодорожников, рудокопов из Чиатуры, матросов — участников восстания на Черноморском флоте.

Русские военные моряки приехали из Батума, чтобы выразить свои симпатии повстанцам, потом захотели принять участие в борьбе и остались. И теперь Буачидзе должен был, глядя друзьям

в глаза, произнести наполненное горечью слово «прощайте».

Ной мог позаботиться лишь о том, чтобы ни одна винтовка, ни один револьвер не достались карателям В горах нашлись надежные тайники. Чуть приметные тропы вели на запад и север. Только бы заранее знать, за какой скалой притаилась полицейская засада, за каким поворотом ждут казаки?

Буачидзе шел вдвоем с Нико Кикнадзе, земляком и школьным товарищем.

Рискнули спуститься в долину. У самого Кутаиса из придорожного духана вышел жандарм, окликнул их. Хорошо, что как раз в ту минуту к духану на собственном фаэтоне подкатил старик доктор, знакомый Кикнадзе. Полиция иногда приглашала его на вскрытия, прибегала к его услугам для освидетельствования бродяг, и врач пользовался репутацией благонадежного человека.

Жандарма снова отправили в духан промочить горло. Словоохотливый доктор поделился последними новостями губернский следователь по особо важным делам Сенкевич надеется сделать большую карьеру. Предстоит грандиозный процесс: провозглашение мятежной Квирильско-Белогорской республики, вооруженное нападение и убийство чинов армии и полиции, захват тоннеля, и прочее, и прочее. По каждой статье — смертная казнь!

Ной не стерпел, деликатно поинтересовался, многих ли уже арестовали. Оказалось, что Сенкевич покуда недоволен. Главари куда-то исчезли. Из Тифлиса затребовали опытных филеров, поговаривают, будто прибыл знаменитый сыщик Фукс.

Доктор покатил на фаэтоне дальше. Отошли от духана и Ной с Нико. Внезапно Буачидзе остановился, попросил друга повернуться лицом к белевшей на горизонте громаде Кавказского хребта. Показал:

— Вон она, наша дорога.

Кикнадзе не сразу решился:

— Пропадем там, замерзнем или сорвемся в пропасть с обледенелой тропы — зима, метели, в двух шагах ничего не видно. Если не представляешь, что делается на Главном хребте, вспомни, даже в наших имеретинских горах сейчас никнут к земле лохматые от снега деревья.

Ной настаивал:

— Идем! По крайней мере лишим следователя удовольствия сделать карьеру.

По ущельям добрались до Верхней Рачи. Буачидзе заметно повеселел, пообещал товарищу роскошный ужин, если они прибавят шагу и до темноты успеют в село Никорцминда.

— Я там учительствовал после окончания краткосрочных курсов, — напомнил Самуил, — и организовал первый в Рачинском уезде социал-демократический кружок и первое профессиональное объединение учителей.

Надежды Самуила оправдались. У крестьян удалось достать продукты и теплую одежду. Нашелся и проводник. Правда, он не ручался за успех: кажется, зимой еще никто не ходил за перевал.

Перед зарей покинули гостеприимное село. Снова — сумрачное ущелье Риона и его всегда беспокойного притока Чанчаха. Над головой нависли тяжелые серо-черные облака. Повалил снег. Где-то в стороне, за дубовыми и буковыми лесами, осталось Шови. До Мамисонского перевала двадцать пять километров. Все выше и выше по водораздельному хребту. Быстро стемнело. Завернулись в бурки, легли, прижавшись друг к другу. Проводник рассказывал: летом здесь очень красиво, природа щедро разбрасывает по альпийским лугам цветы и травы. Даже утренний туман, пронизанный косыми солнечными лучами, приобретает розово-красный оттенок. Высокие травы, колеблемые ветром, напоминают море, подернутое зыбью. Только несравненно ярче их краски…

Утром, как и накануне, вокруг царило сплошное белое безмолвие. Побрели цепочкой. Снег по колено, снег со вмерзшими кусками льда по пояс, завалы. Вторая ночь застала их все еще по эту сторону перевала.

Снова день, снова снег над головой, снег и лед под ногами, тысячи остреньких гвоздиков-льдинок вонзаются в лицо. И неожиданная радость — ветер донес лай собак. Первый осетинский аул — Калак, в десяти километрах от Мамисона.

4

У осетин не трудно было подрядить лошадей до Владикавказа Приятный зеленый городок с «домами для проезжающих по казенной нужде или для личного удовольствия господ», с Александровским проспектом, густо засаженным каштанами и липой, был не только местом, где охотно селились, доживали век отставные военные, ушедшие на покой крупные чиновники. Он был еще и важным административным и военным центром — резиденцией начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска.

На левом берегу Терека, на Тифлисской улице, по соседству с публичным домом тянулись серые, приземистые здания казарм. С декабря 1905 года в казармах стоял карательный отряд полковника Ляхова. В ознаменование особых заслуг Николай Второй собственноручно начертал на рапорте Ляхова: «Читал с удовольствием». Полковник тут же получил производство в генералы и… «международное признание». Усмиритель Терской области был послан ко двору шахиншаха, где руководил расстрелами сотен или тысяч (кто считал?) персидских крестьян.

В те дни Ляхов еще свирепствовал на Тереке. Владикавказ был переполнен жандармами, филерами, казачьими и армейскими офицерами. А у Ноя и Нико Кикнадзе, как на грех, ни одного знакомого, ни одной явки. Искать связи вслепую, опять испытывать судьбу «авось и обойдется» было слишком рискованно.

Снова путь — на Грозный. Даже в «официально дозволенном к пользованию» ежегодном календаре-справочнике о Грозном было сказано: «В городе промышленности и торговли, полностью оправдывающем свое выразительное наименование — Грозный, цель жизни — нефтяной фонтан, мечта — хорошая заявка на нефтеносный участок, идеал — нефтепромышленник с миллионом в кармане».

Положим, о хорошем нефтеносном участке, еще не захваченном иностранной фирмой, могли мечтать только очень наивные люди. Все богатства Грозного уже были разделены — не очень-то полюбовно — между пятнадцатью акционерными компаниями. Десять из них официально принадлежали англичанам, французам и бельгийцам. А остальные? Самый богатый участок, где из скважины № 7 ежедневно — три года кряду! — фонтан выбрасывал миллион пудов нефти, считался «делом на паях Ахвердова и компании». В Грозном это расценивали как проявление английского юмора: распространенная на Кавказе фамилия Ахвердов служила лишь ширмой для Лондонского банка. Компаньоны, правда, были

бельгийские финансисты. Нехитрый камуфляж был удобен и для хозяина земли — областного правления Терского казачьего войска. Так легче было подавлять ропот станичников, недовольных тем, что земля, якобы принадлежавшая всему казачеству, уходит в руки чужеземцев.

Эти подробности как-то позднее поведал Ною его хороший знакомый и коллега — грозненский учитель Шалва Лежава. Его гостеприимством воспользовались в самые трудные дни Самуил и Нико. Нашелся и другой земляк — Константин Бакрадзе, преподаватель реального училища и заведующий народной читальней. В секретной жандармской переписке Бакрадзе был назван «душой грозненской группы Бакинского комитета РСДРП», а читальня — «революционным клубом, где на тайных собраниях обсуждали вопросы антиправительственного характера». Характеристика довольно точная! С помощью Бакрадзе Ной снова вошел в круг единомышленников, друзей по партии.

Работать Буачидзе все-таки предстояло во Владикавказе. Большевистская группа там была малочисленна и слаба. Вернее сказать, были лишь одиночки, обособленные, напуганные непрекращавшимися арестами, провалами. Рабочий класс города еще только формировался. Единственный большой завод «Алагир» был пущен недавно, некоторые цехи только строились. Давало себя чувствовать и пагубное влияние меньшевиков. Одни из них — по преимуществу русские — спешили приспособиться к легальным условиям, уверяли, что революция окончательно похоронена, демократические преобразования и землю крестьянам даст I Государственная дума.

Другая группа отступников — осетинские меньшевики-националисты — их лидер Ахмет Цаликов приложит еще много усилий, чтобы укоротить жизнь Ною, — всячески распространяла «теорию» об особенностях общественного строя Осетии, клялась, что интересы крестьян и алдаро-баделят [7] едины, общенациональны. По «теории» и вывод — борьба осетинской бедноты за землю бессмысленна, вовсе не к чему копировать аграрное движение русских мужиков.

Работать во Владикавказе надо было на свой страх и риск. Надеяться на Терско-Дагестанский областной комитет не приходилось, там верховодили меньшевики. Насколько же легче было в Белогорах под началом Имеретино-Мингрельского комитета! В последние месяцы Буачидзе и сам входил в руководство комитета. В какой-то мере и к нему относилась высокая ленинская опенка деятельности этого партийного комитета. В статье, озаглавленной «Имеретино-Мингрельский комитет», газета «Пролетарий» писала, что «взоры всех были

обращены на комитет, на который привыкли смотреть как на официальное учреждение. Туда стекались запросы и требования, и комитет работал без устали, печатал и редактировал листовки, организовывал демонстрации…» [8].

Листовки позарез нужны были Ною и сейчас. Сторонник ленинской тактики активного бойкота Государственной думы, Буачидзе при этом стремился использовать малейшие возможности куцей избирательной кампании. В области, все еще находившейся на военном положении, иначе нельзя было проникнуть в осетинские селения, казачьи станицы, горные аулы.

— Живое слово и прокламация — на этом надо сосредоточить все наши усилия, — говорил Буачидзе на первой короткой сходке владикавказских большевиков.

Смелее других оказалась учительница Елена Казахишвили. Под благовидным предлогом навестить тяжело заболевшую одинокую старушку мать Елена отправилась в Тифлис. Дальний родственник, работавший в одной из типографий, помог достать шрифты. Он же подыскал наборщика, согласившегося за двадцать пять рублей в месяц отправиться с Казахишвили во Владикавказ, работать в подпольной типографии.

По обычаю грузинских подпольщиков на прокламациях, отпечатанных на квартире Елены Казахишвили, Ной поставил строку «Дозволено цензурой, Владикавказ. Типография Едзие и К°». Немало жандармов попались на эту злую шутку: «Едзие» по-грузински значит «ищи»…

Месяц спустя все-таки нашли. 1 апреля 1906 года заведующий полицией на Кавказе телеграфировал в Петербург министру внутренних дел: «Сегодня во Владикавказе взяли в момент работы подпольную типографию с принадлежностями, некоторое количество отпечатанных воззваний, рукопись. Арестованы застигнутые на месте преступления учительница Елена Казахишвили и назвавшийся Иосифом Бабиладзе. Генерал-лейтенант Ширинкин».

Удар был тяжелый. Елену ждала каторга, но оборвать выпуск подпольных изданий власти не смогли. Уже была создана запасная «кочующая» типография. Печатник Василий Кудрявцев, Буачидзе и Кикнадзе, последовавший вслед за Ноем во Владикавказ, переносили хозяйство типографии с места на место. Листовки печатали на русском, грузинском, осетинском языках. Начальник жандармерии вынужден был донести заведующему полицией на Кавказе, что «благодаря подпольной печати социал-демократам крайне левого толка удается координировать свою деятельность, усилить революционизирование войск… возбуждать сельское население к активным выступлениям в

борьбе со властью».

В разгар лета «кочующая» типография — это было во время забастовки рабочих пищевых предприятий Владикавказа — обосновалась в первом переулке от Александровского проспекта, если ехать к вокзалу. Тут ее накрыла полиция. Полуодетые подпольщики выбрались через подземный ход, прорытый в подвал соседнего дома.

Снова стали добывать шрифты, искать печатную машину, такую, чтобы работала без шума. Прокламации нужны были позарез. В Беслане как раз намечалась забастовка паровозных машинистов и рабочих депо. Кроме того, из Петербурга доставили текст «Манифеста ко всем русским крестьянам». Надо было размножить и разослать его по области.

Буачидзе нервничал. Он, постоянно доказывавший подпольщикам, что безвыходных положений не бывает, что это отговорка людей, собравшихся на покой, теперь сам не находил выхода.

Как-то на глаза попалось объявление: предприимчивый господин Казаров расхваливал свою новую типографию «Казбек», уверял, что «качество печати гарантируется». Ной решил: пожалуй, эта типография подойдет.

В середине дня Буачидзе с несколькими друзьями вошел в типографию. Хозяина и служащих конторы быстро свели в одну комнату. Спустили на окнах шторы, у дверей поставили охрану. Рабочие, не говоря ни слова, посмеиваясь, быстро набрали тексты, стали печатать на двух машинах сразу.

С улицы в контору беспрепятственно пускали всех, кто заходил. Заглянул казачий офицер — пожалуйста, и ему нашли место. Выходить, конечно, никому не позволяли. Операция длилась три-четыре часа. Одного «Манифеста» напечатали несколько тысяч экземпляров. Закончили, вышли, заперли за собой наружную дверь.

Во Владикавказе поднялся невероятный шум. Один из «очевидцев» — казачий офицер — сообщил репортерам, будто в типографии распоряжалось не менее тридцати вооруженных до зубов, с масками на лицах злоумышленников.

Наказной атаман Терского казачьего войска — начальник области — лично допрашивал Казарова. Даже этого крупного и ловкого дельца, владельца двух газет, нескольких типографий, домов и прочего «недвижимого имущества» во Владикавказе и Пятигорске заподозрили в «принадлежности к социал-демократам». Только получив солидную взятку, приличествующую генеральскому чину, атаман разрешил Казарову вновь открыть типографию, а дальнейшее следствие

поручил вести правителю военной канцелярии господину Зиновьеву. Тот тоже развил очень энергичную деятельность, но какие-то непредвиденные обстоятельства — так слышал Ной — помешали успеху.

Дольше оставаться во Владикавказе было нельзя. Слишком уж часто Буачидзе ловил на себе быстрые, изучающие взгляды подозрительных любителей прогуливаться по грязной, заболоченной Ильинской улице. Они заглядывали и во двор дома № 27, где Ной снимал комнату в квартире Осиповых. Один господин даже любезно посоветовал хозяйке забить вторую калитку, выходившую на пустынный берег Терека: дескать, как бы жулики не забрались к жильцу — он, кажется, поздно возвращается.

Знакомые ингуши проводили Ноя через горы в Грозный. Но и оттуда надо было убираться побыстрее. Только что полиция произвела обыски у учителя Бакрадзе и инженера-путейца Каракашвили. Ничего предосудительного не нашли, но обоих арестовали. Почему обоих сразу? Очевидно, нащупали следы грозненской группы большевиков. Пришлось пробираться в Ростов и оттуда в Москву.

5

В известную в Москве книжную лавку «Сан-Ремо» заглянул приехавший с юга молодой состоятельный господин, князь Иван Самсонович Абуладзе. Он искал какие-то редкие, очень важные для него книги и заранее заручился рекомендательным письмом. Оно было адресовано не самому владельцу лавки, а продавщице Розе Шабалиной. Ее хорошая знакомая, сестра грузинского поэта, курсистка-медичка Варвара Гаприндашвили просила не оставить без внимания впервые приехавшего в Россию симпатичного земляка.

Роза Шабалина, изящная черноглазая девушка, приложила максимум усилий, но в тот день нашлись всего две книги. Молодой грузинский князь просил ее не слишком тревожиться, он охотно зайдет еще. Когда? Завтра к вечеру.

Понадобились еще более редкие книги. Господин Абуладзе познакомился с владельцем лавки, стал постоянным клиентом. Иногда он разрешал себе принести коробку конфет, букет цветов. Нежное лицо Розы вспыхивало. Иван Самсонович всегда был весел, много шутил и безмятежно смеялся, вовсе не подозревая, что над ним уже нависла угроза. Она притаилась пока в папке светло-салатового цвета, запертой в столе отдельного корпуса жандармов ротмистра Кулинского.

На обложке в верхнем углу господин ротмистр пометил красным карандашом: «Совершенно секретно»— и дважды подчеркнул. Листов в деле № 168 тогда было еще немного.

Журналистка, деятельница политического Красного Креста и, наконец, просто обаятельная женщина, Анна Серебрякова сообщила, что ее журфиксы стал посещать приехавший откуда-то с Кавказа князь Абуладзе. Он активен и очень скрытен. Умеет

держаться, располагает к себе окружающих.

В результате двадцати лет тайного сотрудничества с Серебряковой московская охранка знала: на журфиксах красавицы Анны в ее квартире в одном из переулков Арбата, недалеко от Сивцева Вражка, бывают революционно настроенные интеллигенты, студенты, симпатизирующие большевикам, подпольщики, ищущие встречи с нужными людьми, явки, тайную литературу. Серебрякова уже выдала несколько составов Московского комитета РСДРП. Среди ее жертв — сестра Ленина, Луначарский. Уж коль скоро князь Абуладзе стал каждую субботу приходить на журфикс, значит у него какая-то своя цель. Но какая и кто же он?

17 января пошел запрос в Кутаис: «Телеграфьте срочно, кому выдан паспорт Кутаисским уездным полицейским управлением 17 февраля 1905 года номером 94».

Ответа пока не было. Все же ротмистр Кулинский принес на подпись начальнику отделения полковнику Климовичу бумагу:

«М. В. Д. Срочно
Отделение
по охране общественной безопасности
и порядка в Москве
25 января 1907 г.
ПРИСТАВУ 2 УЧАСТКА
№ 1274 ПРЕСНЕНСКОЙ ЧАСТИ

Охранное отделение просит ваше высокоблагородие с получением сего произвести, руководствуясь утвержденной 19 августа 1900 года инструкцией по производству следственных действий, самый тщательный всесторонний обыск у князя Ивана Самсоновича Абуладзе, имеет жительство в доме № 9 Егорова по Владимиро-Долгоруковской улице. Причем обратите особое внимание на бесцензурные издания, переписку, фотографии и визитные карточки и адреса.

Все эти предметы по просмотре должны быть опечатаны и с протоколом обыска препровождены в отделение.

Обыскиваемый подлежит безусловному задержанию.

Начальник отделения полковник Климович».

На следующий день помощник пристава Пресненской части Пажель произвел обыск. В протоколе он указал: «…У вышеупомянутого князя было обнаружено 4 рукописи и 4 номера газет. Все это отобрано, и Абуладзе арестован».

Пришла и ответная телеграмма из Кутаиса: «№ 2053. 17 февраля 1905 года билет № 94 никому не выдавался. Выдан 12 мая Георгию Николаевичу Марджанишвили. Управление Кут. уезда Гецадзе».

Ротмистр Кулинский не замедлил вызвать из тюрьмы князя Абуладзе. Ротмистр привычно писал:

> «Протокол № 3/о. с.
>
> 1907 года февраля 1 дня, в г. Москве, я, отдельного корпуса жандармов ротм. Кулинский, на основании ст. 21 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общ. спокойствия, допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, который показал:
>
> Зовут меня Абуладзе Иван Самсонович,
>
> Лет от роду — 25.
>
> Вероисповедание — православное.
>
> Звание — князь.
>
> Занятие — без определенных занятий.
>
> На предложенные мне вопросы отвечаю: я действительно Абуладзе, родина моя местечко Багдады Кутаисской губернии, приехал в Москву 11 января с целью поступить слушателем на Коммерческие курсы. Паспорт мой безусловно настоящий, не поддельный. В м. Багдады меня может удостоверить полиция и мои однофамильцы. Родных и родственников у меня нет.
>
> От подписи отказался».

Папка светло-салатового цвета приютила и Постановление № 71.

> «1907 года, февраля 4 дня, я, московский градоначальник, свиты его величества генерал-майор Рейнбот, получив сведения, дающие основание признать князя Абуладзе И. С. весьма вредным для порядка и спокойствия, постановил: означенного Абуладзе заключить под стражу при Московской пересыльной тюрьме. Дело направить господину прокурору Московской судебной палаты».

…Варвара Гаприндашвили явилась в книжную лавку «Сан-Ремо» с печальной вестью — страшное недоразумение. Князь Иван арестован. Он в Бутырках. Но невесте, если очень хлопотать, свидание могут разрешить.

Роза носила передачи, ходила на свидания. Как же могло

быть иначе, если она и Абуладзе состояли в одной и той же большевистской подпольной организации? Может быть, она только слишком часто ходила в Бутырки, слишком порывисто вбегала в комнату свиданий? Что ж, ей недавно исполнилось двадцать два года, мнимый же князь Иван был старше всего на три года!

Строгие законы конспирации запрещали излишнюю откровенность, но Роза действительно была невестой Ноя, они строили планы совместной жизни, борьбы, и, конечно, оба знали правду друг о друге. Роза жила в Москве по чужому паспорту, ей пришлось бежать из родного Минска. Дочь бедного еврейского ремесленника, она с ранних лет участвовала в революционном движении. Признался и сиятельный князь Абуладзе, что он сын едва влачащего существование грузинского крестьянина из горной деревушки Парцхнали.

А в Грузии, в городе Чиатурах, Николай Григорьевич Буачидзе получил письмо ст младшего брата Самуила. Оно пришло окольным путем, минуя почту, но все фразы были очень осторожны. Какой-то «Ной находится в железной клетке», он объявил себя бродягой, не помнящим родства, а отобранный у него паспорт на имя Абуладзе — найденным на пристани. Этому Ною не поверили, и паспорт Абуладзе вместе с фотографиями самого Ноя послали в Кутаис на проверку. Еще «бродяга» Ной интересовался, как поживает господин Сенкевич, закончил ли он свою работу и получил ли повышение в должности. Ответ на письмо надо было быстро послать по адресу магазина «Сан-Ремо» Розалии Шабалиной.

При содействии одного из руководителей кутаисской большевистской организации Бибинейшвили, человека чрезвычайно энергичного и изобретательного (он был известен под не совсем обычным псевдонимом «Барон»), Николай Буачидзе нашел общих знакомых с регистратором губернского жандармского управления. Регистратор «случайно» нуждался в деньгах — солидной сумме. Буачидзе тоже «случайно» желал заполучить паспорт и фотографии некоего Абуладзе. Соглашение состоялось. Николай Григорьевич срочно выехал в Москву, через Розу передал Ною, что запрос из Бутырок уничтожен.

В Кутаисе следствие о «мятежной Квирильско-Белогорской республике» в разгаре.

Николай Григорьевич не знал, что по любопытному стечению обстоятельств в тех же двадцатых числах января в Петербург из Тифлиса пришла шифрованная телеграмма от наместника Кавказа. Генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков просил согласия министра юстиции на передачу дела «главарей

Квирильско-Белогорской республики» военному суду.

В списке под № 1 значился: «Бывший учитель Белогорского министерского училища Самуил Гигоев Буачидзе, житель села Парцхнали Шорапанского уезда Кутаисской губернии, 25 лет, рост ниже среднего, волосы, брови и усы черные, глаза коричневые. Бороду бреет. Одевается в штатский костюм, иногда носит блузу».

Министр юстиции Щегловитов, не колеблясь, написал коллеге — министру внутренних дел: «Я со своей стороны не встречаю препятствий для осуждения учителя Буачидзе и других означенных лиц по законам военного времени».

26 января, в тот самый день, когда помощник пристава Пресненской части арестовал молодого князя Ивана Абуладзе, товарищ министра внутренних дел сообщил военному министру:

> «Исходя из высших государственных интересов и по соглашению всех заинтересованных министерств, признано необходимым дела, возникшие в пределах Кутаисской губернии: 1) о вооруженном нападении в Шорапанском уезде на две роты Тенгинского полка и 2) об открытом похищении 201 тысячи рублей из квирильского казначейства, изъять из общего порядка подсудности и передать на рассмотрение военно-окружного суда для осуждения виновных по законам военного времени.
>
> О последующем благоволите уведомить».

В секретной переписке наместника Кавказа и министров пока еще ничего не говорилось о том, что в боевую дружину Буачидзе, в круг нескольких сот мужественных славных людей, был заслан провокатор. Этого неделикатного предмета старались не касаться.

Сам Ной так никогда и не узнал, что единственный человек, долго и шумно протестовавший против сохранения жизни сдавшимся в плен офицерам Тен-гинского полка и освобождения поручика Ренненкампфа, давно уже сотрудничал с Тифлисским жандармским управлением. И в самый последний час, когда Ной прощался с боевыми товарищами, провокатор снова подбивал дружинников не слушаться «мягкосердечного учителя».

— Кто чувствует себя настоящим революционером, не сложит оружия, пойдет со мной убивать царских слуг… — уговаривал провокатор.

В боевую дружину провокатор вступил под именем крестьянина Арсения Палавандишвили, позднее он подвизался в Кутаисе как Георгий Цицианов, а в тайных документах жандармерии именовался дворянином, жителем села Зерта

Горийского уезда Арсеном Коридзе. Четким писарским почерком указано: «Арсен Давидов Коридзе, 26 лет, крепкого телосложения, полный, с густыми черными усами, закрученными вверх, с коротко подстриженной бородкой «а ля буланже». Имеет заживленную пулевую рану на правой ноге».

Ной Буачидзе не подозревал, что перед ним провокатор. Но два с половиной года спустя политические заключенные Кутаисского тюремного замка составили себе достаточно ясное представление о Коридзе-Палавандишвили-Цицианове. Вот-вот должно было свершиться возмездие. В Петербург полетело срочное донесение:

Сов. секретно
«Врем. генерал-губернатор
Кутаисской губернии и Сухумского округа
21 августа 1908 г.
Г. Кутаис
№ 111
В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

В Кутаисском тюремном замке содержится арестант Арсен Коридзе, приговорен Кавказским военноокружным судом к каторжным работам. Названный Коридзе, содержась в тюрьме, своими добровольными и обстоятельными сообщениями чинам полиции способствовал выяснению многих весьма важных преступлений (как-то: захват учителем Буачидзе Сурамского тоннеля, дерзкая экспроприация, совершенная Тер-Петросяном (кличка Камо) в Тифлисе, и т. п.). Об услугах, оказанных Коридзе администрации, начали подозревать другие арестанты Кут. тюрьмы, которые из мести решили его убить и для исполнения этого выбрали из своей среды несколько человек.

Ввиду этого представляется необходимым перевести Коридзе из Кут. тюрьмы, причем перевод его в одну из тюрем Кавказа не достигнет цели, так как местные арестанты сумеют сообщить о поведении Коридзе его новым товарищам по заключению, и там его ожидает та же участь.

Сообщая об этом, прошу департамент полиции не отказать в безотлагательном сношении с Главным тюремным управлением и его высокопревосходительством министром на предмет скорейшего распоряжения о переводе Коридзе в одну из

тюрем России или полном его освобождении по усмотрению департамента.

Генерал-губернатор (подпись).

Управляющий канцелярией (подпись)».

Тем временем поединок между Ноем и следователями московской жандармерии и судебной палаты закончился как бы вничью. Ною не удалось убедить их в том, что он бродяга, не помнящий родства, а следователи не смогли разгадать, кто в самом деле Абуладзе и с кем он связан в Москве, хотя жандармский ротмистр Кулинский с самого начала дал следствию довольно правильное направление. Ротмистр, а по его стопам и другие следователи настаивали, чтобы Абуладзе объяснил, с кем он ежедневно искал встречи на Патриарших прудах, почему так часто прогуливался по Бронной улице, кто рекомендовал его в кружок студентов и курсисток, содержавших в складчину столовую на Девичьем поле, в доме № 6.

— Если это вам не наскучило, я с удовольствием повторю, — с полной готовностью отвечал на допросах Ной. — По дороге в Москву в вагоне я встретился с приятным господином в золотых очках и с аккуратно подстриженной бородкой клинышком. Узнав, что я князь, но сейчас несколько стеснен в средствах, этот отзывчивый господин, наверное он приват-доцент или даже присяжный поверенный, написал на своей визитной карточке несколько слов и велел отнести в столовую на Девичьем поле. Русские фамилии очень трудные, к сожалению, я их не запоминаю…

Господин сказал, что он нередко бывает на Патриарших прудах. Он еще добавил, что эти пруды все равно как Латинский квартал в Париже: там можно познакомиться с уважаемыми профессорами и студентами. Я для того и приходил на Патриаршие пруды, заглядывая на Бронную, мечтал завести знакомства или встретить, что было бы совсем хорошо, студентов-грузин. Москва — такой большой город, очень трудно прожить без земляков. Они, наверное, придумали бы, как помочь мне в этом неожиданно обрушившемся несчастье… Я все-таки не теряю надежды, бог поможет — правда восторжествует!

В рассказе Абуладзе была доля истины. На Бронной жила Варвара Гаприндашвили. Вблизи Патриарших прудов снимал комнату ее будущий муж, студент Московского университета Александр Канделаки — с ним Ной не раз бывал на собраниях социал-демократов в Кутаисе и в Квирилах, на сходках крестьян в Верхней Имеретии. Здесь, в Москве, Гаприндашвили и Канделаки

помогли Ною осмотреться. Варвара нашла ему недорогую комнату, устроила кредит в студенческой столовой и, что самое главное, отыскала нужные Буачидзе явки.

Немного позже Гаприндашвили по просьбе Ноя объявила себя именинницей. Варвара пригласила знакомых студентов-грузин. Буачидзе пришел с чеченцем и несколькими молодыми осетинами. Особенно долго засиживаться не рискнули. На прощанье Ной предложил и все охотно поддержали тост за взаимное уважение и дружбу людей всех национальностей. Чеченец, задорно улыбаясь, заметил, что священная книга — коран — запрещает правоверным употреблять вино, но ради такого тоста он готов осушить целый рог, лишь бы сбылось чудесное пожелание.

А за день или два до ареста Ноя, во время их последней прогулки по Москве, Роза сказала, что получила письмо от матери из Минска, там очень тревожно, боятся еврейского погрома. Ной осторожно привлек девушку к себе, взглянул в ее большие печальные глаза:

— Роза, я рад, что могу вам это сказать: ни в глубокой древности, ни в наше время в Грузии не было еврейских погромов. Мой народ никогда не знал этого звериного чувства — антисемитизма. Я верю, мы еще доживем до той поры, когда исчезнет всякий национализм.

…Итак, поединок между Ноем и следователями закончился как бы вничью. «На всякий случай» суд приговорил Буачидзе к четырем годам каторги и бессрочной ссылке. Отбывать наказание предстояло в вологодской тюрьме.

По случайному ли совпадению, или в силу высших государственных интересов, но в Вологду — губернский центр на севере России — отправляли отбывать наказание многих выдающихся деятелей большевистской партии. Здесь побывали И. В. Сталин, А. В. Луначарский, М. И. Ульянова, В. В. Воровский, П. А. Джапаридзе. После поражения революции 1905 года в Вологде оказалось более восьми тысяч политзаключенных. Среди них несколько сот грузин.

В апреле 1906 года местная прогрессивная газета «Северная земля» описывала похороны грузинского революционера Иосифа Хизанашвили: «В три часа дня процессия двинулась к кладбищу. Гроб несли на руках товарищи по заключению, земляки-грузины. Над головами идущих взвились красные флаги с надписями: «Смерть палачам!», «Да здравствует свобода!», «Долой самодержавие!» Раздавались торжественные звуки шопеновского похоронного марша, и тысячи голосов слились в одном протестующем гимне: «Вы жертвою пали в борьбе роковой, любви

беззаветной к народу…»

«Потом речь ссыльного грузина. На далеком севере они не ждали найти братьев по духу, товарищей по борьбе. Они ошиблись. Теперь в их сердцах навсегда останется чувство признательности и благодарности к северянам. Теперь они знают, что сила борцов велика, и с новой отвагой пойдут в бой за светлое будущее…»

«Один из присутствующих предлагает увековечить память умершего крестьянина-борца выражением братских чувств к кавказским народам и негодующего протеста против ужасных насилий, творимых казаками и чиновниками на Кавказе: сделать денежный сбор в пользу семьи умершего товарища. Все согласны. Тут же на могиле собрано 78 рублей 71 копейка, золотой браслет и кольцо… Так вологжане хоронили крестьянина-грузина».

Через три дня «Северная земля» опубликовала обращение ссыльных грузин к вологодскому обществу. «Брошенные презренной рукой опричников в тюрьмы и ссылку, — писали грузины-революционеры, — мы ехали сюда с невеселыми думами. Здесь ожидали встретить вражду и холодное равнодушие. Мы ошиблись. Вы встретили нас, как братья, отзывчиво и горячо. Такие встречи не скоро забываются…»

«Вы пожертвовали на семью сосланного из дальнего края революционера… Одна из вас снимает с руки кольцо и браслет. Тронутые до глубины души поступком вологодской гражданки, мы с общего согласия решили отослать кольцо и браслет на Кавказ семье покойного. По обычаю Кавказа, семья будет хранить эти предметы как святыню. Грузины и грузинки, старые и молодые, придут и будут смотреть на них, они вспомнят товарища Хизанашвили, зарытого в далекой земле, все они мысленно пошлют свой душевный привет прекрасной гражданке и всем вам, гг. вологжане».

Неделю спустя —1 мая 1906 года — редакция газеты «Северная земля» была разгромлена черносотенцами, дальнейший ее выход запрещен губернатором.

Теперь, в середине 1907 года, в вологодской тюрьме оказался и «князь Абуладзе». В Вологду тотчас же отправилась Роза Шабалина. Она связалась с местной большевистской организацией. К радости Ноя, он получал передачи, обменялся записками с Розой. В камеру доставили маленькую круглую пилку. Как будто все обещало, что побег будет удачным. Еще несколько часов, и Ной был бы на свободе, рядом с любимым человеком.

Что послужило причиной провала — неизвестно. Ноя избили, заковали в кандалы, бросили в одиночку. Ко всему прибавилась

мучительная неизвестность; что с Розой?

…1910 год. Начальник вологодской каторжной тюрьмы с большим неудовольствием слушал рапорт врача. Кто бы мог подумать, что отсидевший столько времени в одиночке, давным-давно не получавший ничего, кроме хлеба и горячей воды, заправленной тухлым пшеном, этот грузин Абуладзе перенесет еще сыпной и возвратный тиф, не умрет от воспаления легких.

Начальник напомнил, что всего четыре дня назад Абуладзе считали безнадежным. Врач снова подтвердил, что по всем законам медицины заключенный должен был умереть, непостижимо, как он выкарабкался. Долго он все равно не проживет.

Много лет спустя в письме к Миха Цхакая Ной признавался, что он и сам считал себя обреченным, И все-таки жизнь победила смерть!

В кандалы Ноя больше не заковывали, слишком уж был он худ и немощен. Повернуться с боку на бок и то сам долгое время не мог.

Наконец каторгу заменили ссылкой в одно из самых отдаленных, глухих сел Якутии. Это несколько облегчало положение, снова можно было готовить побег.

Подходящий паспорт соглашался продать один из вышедших на «вольное поселение» каторжников. Но где взять для этого сто пятьдесят рублей? Деньги нужны были и на дорогу — далекую и трудную. Обратиться к братьям нельзя — это немедленно навело бы полицию на подозрение. Ной припомнил, что недалеко от Белогор, на небольшой железнодорожной станции Даркветы, начальником работал друг его брата Ираклий Джаошвили. Прямых связей с подпольщиками он как будто не имел, но симпатии революционерам выражал недвусмысленно. Неужто Джаошвили не догадается, что открытку, присланную из Якутии, надо отдать кому-нибудь из братьев Буачидзе, даже если она адресована лицу, вовсе не существующему?

Ной рискнул. Написал: «Станция Даркветы Закавказской железной дороги, Карлу Карловичу Бауэру…» («Бауэру» потому, что на марганцевых рудниках тогда работало много иностранцев. Почти все они забирали свою корреспонденцию на вокзале в Даркветах). Некий беспутный бродяга Ной сообщал почтенному Карлу Карловичу, что он снова остался без денег, очень тоскует, и спрашивал, не подбросит ли ему господин Бауэр от щедрот своих.

Джаошвили оказался догадливым человеком: открытка была передана по назначению.

Переписка наладилась. Весной 1911 года брат Ноя выхлопотал разрешение отправить «желающему вновь

приобщиться к святой религии слово божье о жизни, деяниях и учении господа нашего Иисуса Христа». В кожаный переплет евангелия искусно заделали триста рублей. Собрали их с большим трудом, пришлось лишиться многих необходимых вещей, влезть в долги.

Во второй половине мая весна, наконец, наступила и в далекой Якутии. Река Лена освободилась от сковывавшего ее льда. Вверх по течению потянулись первые пароходы. Ной бежал!..

…Снова Грузия. Кутаис, Батум, уездные центры, десятки сел. Заочно приговоренный военным судом к смертной казни[9], Ной с обычной энергией и бесстрашием занят революционной борьбой, с риском каждый час нарваться на провокатора или лицом к лицу столкнуться со старым знакомым — шпиком из охранного отделения. Работать ведь приходилось в губернии, где Буачидзе слишком хорошо знали, где в 1905 году он разоружал войска, отнимал землю у помещиков, призывал к свержению царя.

В конце августа 1911 года Ной снова изменяет свой внешний вид и «профессию». В огонь вместе со старым париком и наклейками — черными кудрями и роскошными усами — полетел и хорошо послуживший фальшивый паспорт на имя кутаисского городского фельдшера Малакия Болквадзе. На смену щеголеватому мундиру фельдшера пришел скромный костюм чиатурского рабочего Калистрате Гурули.

Подлинный Гурули только что отдал брату Ноя, Николаю Григорьевичу, новенький заграничный паспорт, самым законным путем полученный в канцелярии кутаисского генерал-губернатора. Калистрат Спиридонович страдал какой-то неизвестной местным врачам болезнью глаз. В Кутаисе никто не брался его лечить, и как губернатор ни тянул, все-таки пришлось уступить настояниям больного. Гурули выдали паспорт для поездки к зарубежным окулистам. Калистрате, никогда в действительности не помышлявший о заграница, но всегда готовый помочь революционерам, охотно пошел на риск и передал свой паспорт Буачидзе.

Брат провожал Ноя до Батума. Пароход в Константинополь отправлялся через три дня. Ной считал, что брать номер в гостинице и посылать паспорт на прописку в полицию рискованно. Он попрощался с Николаем Григорьевичем и пошел на Барцхану, рассчитывая переночевать у кого-нибудь из знакомых рабочих.

Верный своему давнишнему правилу никогда не входить в дом, покуда не убедился, что позади нет хвоста, не увязался филер, Буачидзе и на этот раз внимательно огляделся, на всякий

случай прошел до ближайшего угла. На секунду остановился. Его издали, за несколько домиков, окликнул какой-то человек — не найдется ли у господина спичек?

Ной прибавил шагу. Незнакомец сделал то же самое и, видимо убедившись, что ему не догнать Ноя, поднес к губам полицейский свисток. Тотчас же раздался ответный свисток городового, метнувшегося наперерез Ною. Пришлось бросить под ноги городовому небольшой саквояж с приготовленными на дорогу вещами, перемахнуть через забор и бежать.

Разными окольными путями Буачидзе добрался до Новороссийска, затем и до Одессы. Отсюда было уже не так трудно уехать в Турцию. Потянулись тяжелые годы скитаний на чужбине. В Самсуне удалось устроиться преподавателем русского языка во французский коллеж при монастыре грузин-католиков.

Можно было бы жить тихо, если бы только Буачидзе снова не занялся пропагандистской работой, с головой не ушел в яростную борьбу с давно окопавшимися в Турции грузинскими национал-демократами, социал-федералистами, всеми, кто стремился оторвать Грузию от России.

Лидеры этих крайних националистических групп открыли в Константинополе нечто вроде филиала «Комитета независимой Грузии», созданного германской разведкой. Буачидзе предложили на весьма выгодных условиях заявить о «полном сочувствии движению за независимость». Как только представился случай — на собрании грузинской колонии в Самсуне, — Ной выступил и во всеуслышание заявил:

— Сегодня каждому должно быть ясно, что национальные, расовые, сословные, религиозные и другие подобные им границы и различия круто ломаются. Недалеко то время, когда не станет и следов этой розни. В действительности счастье или несчастье человечества зависит исключительно от исхода борьбы между трудом и капиталом, между порабощенными и поработителями.

Надвое делится светлое понятие «родина». Ей совершенно по-разному служат, ее совершенно по-разному понимают два класса, стоящие на противоположных ее полюсах. Назначение родины в глазах одних — подавлять, унижать, разорять человека. Такая «родина» — олицетворение страданий и произвола. Другая, с большой буквы Родина, возносит человека, дает ему крылья и счастье. У обреченного класса и класса, еще только заявившего о своем существовании, полного сил, разные родины. Поэтому свободу Грузии и личное счастье каждому из нас принесет не вероломное, оплаченное правительствами Турции и Германии отторжение Грузии от России, а наша помощь пролетариату

России в его скорейшем освобождении. Свобода России — это свобода Грузии. Победа русского народа — наша победа. Это истина!

Спустя несколько дней в Константинополе грузинские социалисты, принципиально называвшие себя российскими социал-демократами, приняли предложенную Ноем Буачидзе резолюцию[10]:

«Группа российских с-д. в Кон-ле заявляет, что она, стоя на почве классовой борьбы и учитывая настоящее положение, отказывается от переговоров и порицает всякие соглашения, якобы направленные к освобождению угнетенных народов, с каким ни было бы правительством из ныне существующих.

Группа Рос с-д в К-ле.

Сентябрь 1914 г. г. Константинополь».

Так же энергично и непримиримо Ной повел кампанию в защиту горцев, переселившихся в Турцию с Северного Кавказа Турецкие власти преследовали и мучили горцев — «братьев по вере» — еще больше, чем царские усмирители.

Эти годы, проведенные в Турции, навсегда остались в памяти Ноя На третьем съезде народов Терека, в мае 1918 года, он, волнуясь, говорил:

— Я избороздил всю Турцию и видел, как живут переселившиеся туда горцы. За ними султанские власти охотились, как за зверьми Эмигранты находятся там в ужасном положении Они мечтают о возвращении на Кавказ, и в этом мы им обязаны помочь. Турция — древняя страна, турки — прекрасный народ, но народ этот забит, скован, с него сдирают не две, а десять шкур.

После очередного бурного столкновения Ноя с социал-федералистами, усиленно занявшимися переброской в Грузию диверсионных групп для организации летом 1914 года восстания в Аджарии и Абхазии, турецкие власти отдали приказ о немедленном аресте «возмутителя спокойствия». Недвусмысленные указания о дальнейшей судьбе Буачидзе получил и некий Церетели — главарь банды, занимавшийся похищениями и убийствами неугодных, слишком беспокойных эмигрантов-грузин.

Буачидзе тайно в одежде странствующего монаха перешел турецко-болгарскую границу, направился в Софию. Он был уверен, что в Болгарии задержится очень недолго. Со дня на день Миха Цхакая, живший тогда в Швейцарии, должен был известить о дате встречи Буачидзе с Лениным Цхакая не обманул надежд своего питомца. Он отправился в Берн к Владимиру Ильичу. Ленин обрадовался гостю; вдвоем они поднялись на альпийские

луга, в нескольких километрах от города. Время от времени Ильич срывал, подносил к лицу цветы.

— Прелесть, и Россией пахнет! Надя уверяет, что я отчаянный прогулист, — рассказывал Владимир Ильич. — Она шутит, будто у нас тут образовались две новые партии, «синемистов» — любителей ходить в синема — и «прогулистов», ладящих всегда убежать на прогулку.

Посмеялись Потом Ленин уже с некоторой долей тревоги в голосе спросил:

— А вы, батенька, Михаил Григорьевич, не пристрастны к нему?

Цхакая возразил:

— Он мне больше чем сын!

Ильич напомнил, что отцы и дети далеко не всегда оказываются по одну сторону баррикад. По наследству, дескать, передаются имения, сословная спесь, предрассудки, но не революционные идеи. Миха запротестовал:

— У нас родство духовное. Я ввел его в первый социал-демократический кружок Никакой он не был тогда товарищ Ной Просто крестьянский мальчик Самуил Буачидзе, милый и очень бедный Но доложу вам, Владимир Ильич, с большим характером!

Миха, все более увлекаясь, рассказывал Ильичу о Буачидзе. Наконец воскликнул:

— Теперь вы решайте, Владимир Ильич!

Ленин, прищурив глаз, внимательно рассматривал вершину горы, белевшую громадной снежной шапкой. Чуть погодя, по привычке потирая руки, попросил:

— Известите товарища Ноя, можно экспрессом, авось наша касса выдержит, ему следует остаться в Софии. Действовать он должен архиэнергично, архиделовито. Надо всячески уширять работу. Центральному Комитету до зарезу нужен на Балканах умный и верный человек. Это архиважный для нас район. Болгария, Сербия, Румыния, Греция! Обстановка к тому же предельно сложная и путаная. Ей-же-ей!

6

Первым знакомым Буачидзе в Софии был Тодор Данаилов, незадолго до того избранный секретарем городского комитета партии тесняков[11]. Тодор привел Ноя на улицу Веслец, к рабочему военного арсенала Ефтиму Бончеву.

За три месяца до приезда Буачидзе на заседании Софийского комитета партии решено было подыскать квартиру, по возможности вблизи Народного дома, чтобы она служила надежным прибежищем для товарищей из-за границы. Самым подходящим показался небольшой двухэтажный дом под черепичной крышей, со стенами, увитыми виноградом, на тихой и на редкость зеленой даже для Софии улице Веслец, 63. Владелец дома слыл добросовестным и честным человеком. В партии он официально не состоял, но был давнишним членом союза металлистов и много лет поддерживал близкие связи с тесняками.

Теперь, придя к Бончеву, вместе с порядком смущенным Ноем (денег у него не было ни гроша, и он стеснялся пользоваться гостеприимством совсем чужих людей, с которыми даже не мог толком объясниться), Данаилов спросил:

— Наш уговор в силе?

Бончев улыбнулся:

— Я на тебя, брат, обидеться хотел, подумал, не понравилось у меня или не доверяют. Идемте наверх, все давно готово.

Едва переступив порог этой светлой, с веселыми солнечными зайчиками на обоях комнаты, Ной почувствовал себя как дома. Он понял, что хозяева действительно рады незнакомому гостю и от души постарались, чтобы ему было хорошо. Хозяйка ничего не пожалела. Широкая деревянная кровать с резным национальным орнаментом была застлана красивым одеялом, обшитым тонкими кружевами. На стенке и полу — коврики домашней работы и на одном из них — доброе материнское наставление, вышитое

гарусом: «Онаго, коего ты мразишь, другому да не правишь»[12]. В углу, подле окна, обращенного на восток, небольшой стол. Над кроватью и столом картины.

Условились, что другой член партийного комитета — Василь Мулетаров, имевший солидные связи в высших кругах, займется легализацией Буачидзе, подыщет для него подходящую работу. Покуда же Ной мог выходить только по вечерам, в сопровождении «связной» — работницы партийной типографии Цонки Христовой-Ганевой. На Цонку же возложили и заботу о питании Ноя. Завтрак и обед она обычно приносила от живших поблизости Мулетарова и доктора Исакова или из «коммуны» — столовой, помещавшейся во флигеле позади Народного дома. Содержали столовую в складчину постоянно стесненные в средствах партийные и профсоюзные работники. Продукты и домашние сладости заносила жена Данаилова. Позже спутниками Ноя по вечерним прогулкам стали столяр Баниглавов и металлист Слави Зидаров.

По давнишнему обычаю, с наступлением вечера жители Софии устремлялись на улицы — погулять, посидеть в «сладкарнице», в «пивнице». Особенно людно и шумно было в центре. Ной не любил этих мест. Его влекли к себе старинные парки. Там он дышал полной грудью, как у себя на родине.

Вынужденное безделье продолжалось недолго. Как-то вечером Тодор Данаилов повез Ноя к Димитрию Николаевичу Благоеву. Благоев в совершенстве владел русским языком, учился в Петербургском университете и еще в 1883–1884 годах создал одну из первых в России социал-демократических групп.

Димитрий Николаевич долго не отпускал Ноя, беседовал с ним подолгу, особенно подробно о том, какую позицию он занимает в отношении войны, как представляет себе разрешение национального вопроса, с какими работами Ленина успел познакомиться.

У Благоева Ной встретился и с одним из руководителей революционных профсоюзов товарищем Георги — Георгием Димитровым.

У Ноя и Георги сразу нашлось много общих интересов. Оказалось к тому же, что они родились в одном году — 1882 и даже в один и тот же день — 18 июня! Было и другое приятное совпадение. Оба двадцатилетними юношами вступили в революционное движение.

В ближайшее воскресенье Георги пригласил Ноя присоединиться ко многим тысячам жителей Софии, которые, захватив с собой еду на весь день, целыми семьями поднимаются на гору Витоша. Кто посильнее и понастойчивее, добирается до самых снежных вершин, чтобы в разгар лета поиграть в снежки.

Другие, постарше, с удовольствием располагаются под сенью старых дубов, достают из заплечных мешков кашковал — добрый болгарский сыр, наполняют рюмки сливовой и с чувством поют:

Мило родино,
Ти си земен рай…

В глубине ущелья, у скамейки, сделанной из ствола белой березы, Буачидзе остановился, радостно сказал:

— Спасибо, Георги, у меня такое чувство, будто сегодня конец недели, до утра понедельника я отпущен из училища и сейчас по хорошо знакомой тропе шагаю домой — в свое селение в горах. Если не за этим, так уж обязательно за следующим подъемом меня встретит кто-нибудь из младших братьев с горячей кукурузной лепешкой.

Еще один поворот, и друзьям открылась небольшая церковь, сложенная из каменных плит. У входа Ной заметил надпись «1259 год».

— Зайдем?

— Обязательно, — согласился Георги. — Как истинный болгарин, я в этом очень заинтересован. Но, вероятно, надо объяснить? Церковь на горе Витоша, в сущности, не такая уж древняя. Ваш знаменитый земляк философ Иоанэ Петрици и его сорок друзей, грузин-книжников, построили свой монастырь возле болгарского города Пловдива почти на два столетия раньше. Мы там еще побываем и отведаем черного вина из лоз, некогда привезенных с вашей родины и великолепно чувствующих себя в Болгарии. А церковь, на пороге которой мы беседуем, славна другим. Ее внутренние стены покрыты фресками, выполненными с неподражаемым мастерством. Специалисты считают, что из всех фресок, сохранившихся в монастырях и соборах Болгарии, эти самые удачные и самые ранние по времени.

В Софию возвращались вечером. Над снежными вершинами гор сияли крупные звезды, а город, как ни удивительно, открывался в густом тумане. Отовсюду доносились песни, и Ной снова, уже в который раз, отмечал огромное сходство грузинских и болгарских музыкальных мелодий. Тут же он с радостью вспомнил, что слова «родина» и «брат» одинаково произносят и имеют одинаковый смысл и в русском и в болгарском языках.

Болгарским революционерам удалось устроить Ноя, по паспорту все еще Калистрате Гурули, управляющим крупным имением во Фракийской долине, там, где ее рассекает река Марица. Солидное положение на время избавило Ноя от

назойливого внимания полиции и заботе о хлебе.

За подписями Гуриели и Самбуа[13] Буачидзе публиковал статьи против «беспримерной войны народов», против того, чтобы в угоду буржуазии «изо дня в день десятки тысяч молодых, здоровых людей устилали своими трупами перевалы Карпат, поля Галиции, Франции, Малой Азии и кровью своей окрашивали воды Немана, Вислы, Сены…».

На собраниях болгарских рабочих в Пловдиве и в Бургасе, в беседах с крестьянами Буачидзе терпеливо разъяснял, почему народ не должен защищать «престол и отечество». Оружие, говорил он, надо направить против своей буржуазии.

Через руки Ноя проходили и транспорты с ленинской газетой «Социал-демократ». «Вероятно, вам будет интересно узнать, — сообщал Буачидзе Владимиру Ильичу, — что «Социал-демократ» для болгарских и румынских товарищей является путеводной звездой».

У Ленина возникало множество различных вопросов к своему посланцу. Отвечать на них Ною порой было довольно трудно. Болгарские революционеры вспоминают, что Ной нередко тайком отправлялся в Сербию и Румынию, проникал в Грецию. Буачидзе бывал в самых отдаленных уголках Балкан, особенно в период подготовки к созыву в Софии— февраль 1915 года — общебалканского социалистического митинга.

В одном из писем Ленину Буачидзе сообщал: «…Влияние германской с.-д. тут огромное, если не сказать больше, и этим объясняется, что буржуазная русофильская пресса кличет балканских товарищей «германофилами»… что же касается низов, вот куда бы я рекомендовал показаться всем позорно выжидающим «хвостистам» (простите за неудобное выражение «хвостизм») вроде Огеевых и Аксельродов; вот где им задали бы жару».

Строки из другого письма: «И если балканский пролетариат высоко и незапятнанно держит свое революционное социалистическое знамя, это прежде всего благодаря своему здоровому классовому инстинкту и политическому опыту».

Еще одна характеристика, впоследствии вполне подтвержденная историей: «Под лозунгом «мир» рабочие идут, но спросите любого из них, как он понимает борьбу за мир, и вы убедитесь, что это не мир, а война пролетариата против нынешнего порядка вещей». И далее: «Масса везде с нами, но из лидеров только на Благоева и Димитрова можем всегда и везде рассчитывать».

Как-то в Пловдиве Буачидзе раздобыл тележку и отправился

за шестьдесят верст в Калофер. В час, когда соскользнувшее на заре с вечных снегов Стара-Планины солнце пестовало розы Казанлыка и фруктовые сады Калоферской долины, Ной добрался до места. Вот и огромные красно-черные камни, некогда сорвавшиеся с крутолобых вершин Большого Купена, а может быть, и с самого Юмрукчала[14]. На них, вблизи отчего дома с большим широким балконом и резными деревянными решетками на окнах, часами сидел, вбирая в себя очарование родной природы, думал, творил человек, которого Ною никогда не пришлось видеть. Но любил его Ной безгранично, перед мужеством и талантом его безмерно преклонялся. И сюда, в Калофер, Ной приехал единственно для того, чтобы побывать в доме, где родился и провел беспокойное детство великий болгарин, народный поэт и революционер Христо Ботев.

Из многих тысяч строк, написанных Ботевым, сейчас Ною прежде всего вспомнился короткий и звонкий, как военная команда, клич, брошенный Христо в последнем роковом бою с турками: «Бессмертен тот, кто свою жизнь отдал за свободу».

Ной подумал, что когда во главе Болгарии, наконец обретшей свободу, встанут друзья тесняки, на красно-черных камнях памятника Христо Ботеву будут высечены именно эти слова.

До глубокой ночи Ной бродил по Калоферу, и, наконец, он услышал то, что хотел, — любимую песню Ботева. Она неслась откуда-то снизу, с берега реки Гунджи, где не раз в воскресном коло[15] вместе с другими парнями и девушками бешено вертелся Христо. Слова песни Ной хорошо знал. Он вторил вполголоса:

Кто из нас не пожелает
За Болгарию погибнуть,
За отчизну дорогую, —
Пусть того господь погубит,
Проклянет пусть мать родная,
Пусть отец его зарубит,
Плюнет сын в его могилу…

Первую статью, написанную после возвращения из Калофера, Буачидзе начал, пожалуй, не совсем обычно: «Каждому человеку должны быть известны слова Христо Ботева: «Все угнетенные и трудовые люди, где бы они ни жили, — братья».

А болгарская полиция со все большим недоверием наблюдала за Калистрате Гурули — управляющим имением во Фракийской долине. При встречах господин весьма любезен и щедр, но застать его на месте чинам полиции удавалось слишком редко. Всё в разъездах. В Софии у главного почтамта Гурули арестовали.

Снова поединок Ноя со следователями. Связи грузина Калистрате Гурули с партией тесняков не были доказаны. Но, чтобы избавить себя от дальнейших хлопот, софийская полиция выслала Буачидзе как «нежелательного» иностранца.

Впереди была Швейцария, встреча с Лениным.

…Пройдут два с лишним десятилетия. После прогремевшего на весь мир Лейпцигского процесса Георгий Димитров и Серго Орджоникидзе по пути в Кисловодск остановятся в Пятигорске. Они увидят небольшую синюю табличку — «Улица Ноя Буачидзе». Серго воскликнет:

— Ной был моим товарищем по школе, моим любимым другом!

Димитров немедля поправит:

— Серго, дорогой, он был нашим общим другом!..

7

В Женеве Ноя ждали старые друзья — Миха Цхакая и Нико Кикнадзе. «Старожилы» помогли снять крохотную — денег снова не было! — комнату на Рю де Клюз.

— Теперь ты, сынок, вполне устроен, — пошутил Цхакая. — Кормиться будешь, как все, в «каружке» — так Ленин окрестил нашу эмигрантскую столовую на улице Каруж. Ильич там столовался еще в 1908 году, когда приезжал в Швейцарию с паспортом финского повара. Обычное место встреч — русская библиотека Вячеслава Карпинского. Славный человек. О тебе наслышан…

— Миха, извините, я… — Буачидзе смутился. — Это не праздное любопытство: где живет Ленин? Он из Берна уехал?

— К Ильичу придется тебя повести. Ты сам просто не

найдешь эту крохотную горную деревушку. Я и название ее не сразу запомнил — Со-рен-берг. Врачи предписали Надежде Константиновне переселиться в горы, болезнь у нее обострилась. Ильич очень волновался… Сейчас на поправку пошло.

Ленин весьма одобрительно отнесся к стремлению Буачидзе жить в Швейцарии не в качестве эмигранта, занятого только интересами своей далекой родины, но и работать на благо швейцарского народа. На гостеприимство простых людей, вместе с которыми Ной выполнял самые различные работы, он отвечал по-грузински щедрой дружбой.

«…Взялся было за изучение банковского дела, — писал как-то в 1916 году в Белогоры мнимый чиатурский горняк Калистрате Гурули (в Швейцарии Буачидзе также жил по паспорту Гурули). Я наивно полагал, что это занятие даст такой заработок, что возможно будет мне учиться. Мечта моя не осуществилась. Тогда я взялся за черные работы: стал служить в ресторане, работал на поле, научился косить. Вот на той неделе бросил косить: прошел сезон. Зарабатывал по пять франков в день, накопил, таким образом, около двухсот франков и теперь, как алчущий, принимаюсь за книги, за науку. Я здоров, бодр, энергия неиссякаемая, и уверен, что добьюсь своего».

Как бы ни складывалась жизнь, по ночам Ной обязательно часок-другой занимался, читал. В Соренберге Надежда Константиновна между делом открыла Ною простое и верное средство получать любую книгу в самой большой глуши:

— Пошлешь открытку в библиотеку с адресом и просьбой прислать такую-то книгу. Никто не спрашивает тебя ни о чем, никаких удостоверений, никаких поручительств о том, что ты книгу не зажилишь, — полная противоположность бюрократической Франции. Книжку, обернутую в папку, получаешь через два дня, бечевкой привязан билет, на одной его стороне надписан адрес запросившего, на другой — адрес библиотеки, пославшей книгу.

Осенью 1916 года Буачидзе почувствовал себя счастливцем. Он студент Женевского университета.

«Я выбрал социально-экономический факультет, — сообщал Самуил брату. — Наш факультет в смысле содержания и серьезности превосходит все другие… Имею 37 лекций в неделю. Обязательно, кроме русского и французского, еще два языка (английский, немецкий, итальянский или испанский — по выбору).

…Ты не смейся, если я скажу, если я убежден, что мне все-таки везет, в конечном счете везет… Мое положение тут было одно из лучших. Имел за один урок (математики) роскошный

обед, им я был сыт 24 часа. На днях этот урок потерял (ученик уехал). Достал другой (девять уроков французского языка в месяц за 10 франков, но этого мало). Ничего: потерял — найду, найду — потеряю, потеряю — найду».

После переезда Ленина в Цюрих — на узкую крутую улочку Шпигельгассе, 12, в квартиру революционно настроенного сапожника Каммерера, — Ною видеться с Ильичем приходилось не так уж часто. И все-таки Ленин продолжал держать Буачидзе в курсе партийных дел, переписывался с ним[16], послал ему свои тезисы «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии». Кстати, к тому времени у Ноя завязались прочные связи с левыми социал-демократами Швейцарии.

Владимир Ильич особенно интересовался мнением Ноя по национальному вопросу, советовался с ним по кавказским делам. По просьбе Ленина Буачидзе через близких ему грузинских революционеров окольными и сложными путями раздобыл обстоятельную информацию о состоявшемся 4 октября 1915 года в Баку совещании закавказских большевистских организаций.

По существу, это была очень важная партийная конференция. Ее решения «о текущем моменте» и «об улучшении взаимоотношений между народами Кавказа», ее призыв готовиться к неизбежной гражданской войне отстаивали большевистские ленинские идеи и ленинскую тактику. Обнадеживающим было и то, что в состав избранного конференцией Кавказского бюро РСДРП вошли С. Г. Шаумян, Ф. Е. Махарадзе, И. Т. Фиолетов — видный руководитель рабочих-нефтяников, впоследствии один из двадцати шести бакинских комиссаров, зверски расстрелянных в 1918 году англичанами.

Сообщение о бакинской конференции, ее резолюции и «манифест», добытые Ноем, показались

Ленину крайне важными. Газета «Социал-демократ»[17] немедля выступила со статьей: «Нам сообщают, что с.-д. большевики выпустили от имени кавказских интернационалистов — русских, грузин, армян и татар — манифест, излагающий их точку зрения на войну. Документ стоит всецело на почве Манифеста ЦК РСДРП».

…Как-то в конце лета 1916 года Буачидзе и Цхакая отправились навестить Ильича и Надежду Константиновну, отдыхавших в недорогом альпийском пансионе Чудивизе во Флумзских горах. Неисправимый «прогулист» Ленин поднял всех на ранней заре, наказал надеть горные сапоги и увлек в лес за грибами. Увлекательному занятию предались с таким азартом, что не заметили, как пошел дождь и все основательно промокли. Ной развел костер, обсушились, закусили. Разговор зашел о

личной жизни революционеров, об их праве на любовь, на семью. Буачидзе не выдержал, сказал, что где-то на Дальнем Севере России отбывает ссылку его невеста. Ильич отозвался: ему кажется, что он очень хорошо знает эту девушку, хотя никогда ее не видел. Добавил:

— Должно быть, вы ее очень любите, Ной… Мы с Надей попытаемся узнать о ее судьбе через моих сестер в России.

Покидая Швейцарию, Владимир Ильич предложил Ною Буачидзе задержаться в Женеве и взять на себя хлопоты, связанные с возвращением в Россию второй группы эмигрантов. На вокзале в Берне Ильич предупреждал Ноя: будьте архиосторожны, архисдержанны.

Предупреждение Ленина оказалось далеко не лишним.

Поезд, увозивший из Швейцарии Ильича и его единомышленников, отправился вскоре после полудня 27 марта 1917 года. Три часа спустя за Ноем Буачидзе прислал своего секретаря господин Роберт Гримм, национальный советник Швейцарии, лидер социалистической партии, редактор столичной газеты «Бернер тагвахт». Дело, видимо, было крайне важное. Господин национальный советник даже сделал несколько шагов навстречу Ною, указал ему рукой на кресло.

— Прошу, господин Гурули. Что будете пить, кофе, шоколад? Или рюмку коньяку?! У вас сегодня тяжелый день. Проводы… э… духовного пастыря. Я надеюсь, что господин Ленин покинул наш милый Берн в добром здоровье? В Петрограде его ждут колоссальные неприятности. Правительство России выдвигает против него обвинение в государственной измене. Законы военного времени… Ни за что нельзя… э… поручиться!

Буачидзе пожал плечами:

— Представьте, господин Гримм, цари из дома Романовых никогда не гарантировали русским революционерам безопасности и… — где-то в глубине чуть удлиненных коричневых глаз мелькнули и тут же погасли озорные огоньки, — прожиточного минимума.

Господин национальный советник сел.

— Милый друг, вы не подозреваете, как ваши слова облегчили мою задачу. Я все-таки прикажу подать шоколад… С господином министром Гофманом я имел приватный, совершенно дружеский разговор. Я забываю ваши темпераментные выпады против меня на собраниях молодых швейцарских интернационалистов.

— Что за неожиданная милость, господин национальный советник?

Гримм поднялся, пододвинул кресло и сел напротив Буачидзе.

— Поговорим как социалист с социалистом. Господин Ленин уехал, вы остались. Это есть хорошее доказательство вашего благоразумия и способности принимать самостоятельные решения. Я всегда подвергал критике крайнее пристрастие Ленина к дисциплине.

После недолгой паузы лидер швейцарских социалистов продолжал:

— В силу… э… некоторых особенностей военного времени нам стало известным содержание вашего письма к брату в давно покинутую вами Грузию.

Ной молчал, левой рукой теребя бороду. Так бывало всегда, когда он боялся вскипеть. С каким наслаждением он отхлестал бы сейчас господина национального советника по отвислым щекам! Напомнил бы ему, что лишь по крайней необходимости люди терпят военную цензуру. К сожалению, трогать Гримма нельзя, новой ссоры надо всячески избегать. Он, Ной, несет всю ответственность перед Центральным Комитетом за отъезд в Россию второй группы эмигрантов. Скорей бы уж!

— Из вашего письма, — не унимался Гримм, — легко заключить, что вы критически оцениваете свое положение в обществе. Именно поэтому я хотел бы вам напомнить поучительную карьеру мудрого Аристида Бриана. Он также начал с крайне левых взглядов, а заняв пост первого министра Франции, был уже почти реакционером. Бриан справедливо говорил нам, что до двадцати пяти лет каждый полноценный мужчина по-своему революционер, дуэлянт, заговорщик. Позднее приходит забота о чем-то более… э… жизненном! Вы, милый друг, вкусили достаточно революционных страстей, вас приговаривали к смертной казни, вы совершали какие-то непостижимые для ума европейца побеги… Предельно романтично и… вам почти тридцать пять лет. Вы кормитесь случайными уроками, счастливы, когда родители ученика дают вам возможность один раз в день сытно поесть. Два лета вы нанимались косить сено к нашим добрым швейцарским крестьянам.

— Это очень дурно для социалиста? — возможно спокойнее произнес Буачидзе.

— Не будем касаться этого вопроса так (абстрактно. Два года вы собирали деньги, чтобы поступить в Женевский университет. Счастье улыбнулось вам, вы студент социально-экономического факультета. Открывается широкое поприще, разумеется, если… последует протекция нашей социалистической партии, господина министра Гофмана!

— О, это высокая протекция!

— От вас, мой друг, требуется совсем немногое. Вы помещаете в моей газете маленькое письмо о принципиальной невозможности для вас, русского социал-демократа, последовать… э… опрометчивому шагу Ленина. Эмигранты вас знают как оруженосца Ленина. Свой полемический талант вы всегда направляли на его поддержку. Тем сильнее прозвучит сейчас ваш протест. Вы категорически отказываетесь от проезда через территорию Германии, ведущей войну против России… И без хлопот заканчиваете университет.

Ной Буачидзе прикрыл глаза. Подумал: «В одном этот прохвост прав — годы берут свое. Раньше меня так не раздражали даже тупые лица жандармских ротмистров, и я никогда не лишал себя удовольствия подурачить их… Почему же сегодня мне так трудно владеть собой?» Вслух сказал:

— Значит, небольшое извещение?.. Так… Но я не пойму ваших целей, господин национальный советник. Недавно вы выступали за возвращение эмигрантов в Россию…

Гримм нахохлился, посмотрел на него испытующе-сердито.

— Английское правительство и без того обвиняет господина министра Гофмана в том, что будто из-за его неосторожности Ленину стало известно стремление Великобритании не допускать в Россию социалистов… э… недостаточно патриотически настроенных… Но вернемся к делу. Я полагаю, что будет лучше, если вы свое небольшое письмо пришлете на имя редакции «Бернер тагвахт» почтой из Женевы. Надеюсь, у вас больше не осталось никаких сомнений?!

Оба встали.

— Примите мою искреннюю благодарность, господин национальный советник, — холодно и жестко сказал Буачидзе. — Вы представили вполне убедительные доказательства. Нет, Ленин не ошибся, когда в открытом письме к Шарлю Нэну назвал вас предателем!

— Я… я… — ярость мешала тучному Гримму перевести дыхание.

8

20 мая 1917 года, как и каждое двадцатое число, во Владикавказе выдавали денежное содержание господам офицерам Терского казачьего войска и казенное жалованье господам чиновникам. Сразу наступил конец тревожным слухам и кривотолкам. Теперь местная власть могла рассчитывать на доверие пестрого и весьма своеобразного владикавказского общества.

С утра на улицах гремели военные оркестры, гарцевали всадники. Среди пышной зелени бульваров, под розовыми свечками каштанов, бурно расцветавших после весенних дождей, мелькали темные черкески, сияли серебром газыри, отливали золотом погоны. В универсальном магазине Каракозова дамы из местного «света» делали покупки к балу, «имеющему быть» у нового атамана Терского войска, члена Государственной думы, комиссара Временного правительства Михаила Александровича Караулова.

В театре Сагайдачного объявили оперетту «Мотор любви». В театре «Мозаика» — нравоучительное представление «Радий в чужой постели» (только для взрослых). В кинематографе братьев Риччи — «Последняя песня любви и страдания». В кино «Патэ» — «редкий по красоте, роскошный по постановке боевик — «Тьма и ее сокровища, или вызов смерти». Американская социально-уголовная драма в 6 сериях, 48 частях, 12 148 эпизодах». В купеческом клубе — открытый диспут «Революция и ломбард».

Редактор независимой газеты «Терский казак» Вертепов утверждал на этом диспуте, что Владикавказский Совет, сразу после своего возникновения прибравший к рукам ломбард, занимается ростовщичеством. «Тридцать две копейки с рубля — это же чистый грабеж!» А председатель Совета эсер Гамалея, господин в черной визитке и в черных перчатках, темпераментно возражал: «Повышение процентов в ломбарде — благородная

жертва обывателя на алтарь отечества. Все доходы на «заем свободы»!

На диспут в купеческий клуб направился было и сотрудник газеты «Терек» Сергей Киров. Было в этом человеке что-то располагающее, влекущее и в то же время непреклонное. Внимательный, терпеливый в отношениях с теми, кто искренне заблуждался или чего-то еще просто не понимал, он был беспощаден ко всяким охотникам ловить рыбу в мутной воде, к искателям «счастливого случая» и бесчестной политической карьеры. Выступит, разгромит и снова где-нибудь в задних рядах тихонько покуривает свою трубку. На широкоскулом лице с редкими рябинками — следами перенесенной в детстве оспы — и небольшой темной бородкой опять добрая улыбка.

До клуба уже было недалеко, но на углу Московской улицы и центрального Александровского проспекта Кирова встретил молодой рабочий Вазген Будагов.

— А я за вами! Полякова просила бегом бежать. Вот записка.

На листе бумаги карандашом было написано: «К нам залетела удивительная птица. Приходите сейчас же. Е. П.».

Без особой нужды Полякова звать не станет — в этом Киров был уверен. Что ж, придется вместо купеческого клуба пойти в Объединенный комитет социал-демократической организации.

Большевиков во Владикавказе тогда было очень мало, лишь немногие к тому времени вернулись из ссылки и с каторги. А положение на Тереке сразу создалось трудное. Сложнейшим образом переплелись классовые и национальные противоречия среди казаков и горских народов. И чтобы выиграть время, чтобы постепенно сплотить, повернуть на сторону революции многонациональные, искусственно разделенные на десятки остро враждующих лагерей трудовые массы, Киров пока поддерживал существование объединенной социал-демократической организации.

Сергей Миронович подхватил Вазгена под руку.

— Пойдем, показывай, что за жар-птица такая.

А в комитете случилось вот что.

С наступлением сумерек большевики по одному, по двое приходили сюда дежурить. Сегодня была очередь Евдокии Поляковой. И едва она открыла двери, зажгла лампу, как вошел человек в низко надвинутой серой шляпе, в светло-сером костюме, в крахмальной сорочке, с галстуком-бабочкой и с тростью в правой руке.

Полякова, привыкшая видеть в этом скромном помещении рабочие куртки, засаленные пиджаки и особенно часто серые шинели солдат, нахмурилась. Ясно, господин ошибся адресом.

Она строго спросила:

— Вам кого угодно?

В это время хлопнула дверь, и в комнату вошел Будагов. Незнакомец, спокойно улыбаясь, сказал:

— Вас, друзья, вас мне нужно!

Горячий, откровенный в своих чувствах Будагов сразу отрубил:

— Давно вы, барин, с рабочими дружите?

Полякова потребовала, чтобы господин объяснил, кто он такой.

— С радостью это сделаю, — с еще большей теплотой в голосе ответил посетитель.

Он снял шляпу и вместе с пальто и тростью положил на свободную табуретку. Из внутреннего кармана пиджака достал бумажник с монограммой. Бережно извлек оттуда и протянул небольшую книжечку в картонной обложке. Полякова раскрыла и прочла: «Петроградская организация Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Партийный билет… Буачидзе Ной (Самуил) Григорьевич. Год рождения — 1882. Время вступления в партию — 1902 год».

Она попросила Буачидзе присесть и минутку подождать. Торопливо написала несколько слов Кирову и, ничего не объясняя, увлекла растерянного Вазгена в коридор. Шепнула:

— Беги за Кировым. В редакции не будет — ищи!

В тот майский вечер Вазгену Будагову пришлось разыскать и привести в комитет еще нескольких товарищей. Киров срочно собирал большевиков. Оказалось, что у Буачидзе есть не только полный текст Апрельских тезисов, но еще и совсем неизвестные во Владикавказе ленинские «Письма из далека». Одно из них, озаглавленное «Первый этап первой революции», дошло из Берна в Петроград и было опубликовано в «Правде». Остальные в печати еще не появлялись. У Ноя — копия с рукописи Ильича.

«Таких собраний во Владикавказе еще никогда не было, — внесла в протокол аккуратная Полякова. — Впервые перед нами выступил человек, приехавший из Петрограда, от Ленина… Буачидзе поставил все точки над «i». Свои доводы в пользу диктатуры пролетариата он подкрепил лично слышанными речами Ленина, его письмами и тезисами. Потом говорил Киров, совсем недолго. Он рассказал, что значит для России такая житница, как Северный Кавказ, подчеркнул, что это отлично понимают заправилы контрреволюции. За сто лет национальной розни накопилось много взаимных обид, это является отличной почвой для контрреволюционного казачьего офицерства и националистических проходимцев, для всякой нечисти,

всплывшей сейчас на поверхность. Чья-то властная рука стягивает на Терек казачьи, артиллерийские и пехотные полки. Назревает братоубийственная война между казаками и горцами, между ингушами и осетинами.

Предотвратить ее — самое главное для большевиков».

…Киров и Буачидзе долго не могли расстаться. Незаметно для Ноя оказались у дверей редакции «Терека». Сергей Миронович сказал:

— Я вам, Ной, этой ночью спать не дам. Сейчас попрошу сторожа, он отомкнет дверь, самоварчик сообразит. У меня к вам тысяча вопросов! Знаете ли вы, что судьба давно соединила наши дороги? После того как вы в 1906 году уехали из Владикавказа и подпольная организация была разгромлена, на Терек прислали меня. Память о себе вы оставили добрую! В одном только я, грешный человек, сомневался: как вы смогли зимой прийти во Владикавказ через Мамисонский перевал? Непостижимо!

Буачидзе расхохотался:

— Что, слишком немощен?

Киров нетерпеливо повторил:

— Скажите же, вы на самом деле взяли в январе перевал?

— Выбор у меня тогда был небольшой, — напомнил Ной. — Или Мамисонский перевал, или военный суд. В приговоре сомневаться не приходилось — смертная казнь!

Киров кивнул головой. Слова Буачидзе воскресили в памяти грозные и трагические события первой русской революции.

— А о ваших владикавказских занятиях я кое-что знаю, — продолжал Киров чуть позднее, угощая Ноя всем, что нашлось в ящике письменного стола и в каморке старика сторожа.

Добродушно ворча на своего любимца Мироны-ча, старик тонко наколол лучину, разжег самовар. Нашелся и кувшин местного вина. Без него какая же беседа!

— Мне рассказывал о них хозяин дома, где мы с вами сейчас беседуем, владелец газеты «Терек» господин Казаров.

— Казарашвили, — поправил Ной. Он весело прищурился, с трудом сдерживая улыбку. — Хочет продолжить так хорошо начатое знакомство? Или тревожится, не стану ли снова печатать в его типографии прокламации?

Киров положил руку на плечо Буачидзе:

— Смелый вы человек!

— Вовсе нет! — покачал головой Ной. — Просто так сложились обстоятельства… Кстати, чем закончилось тогда следствие? Правитель военной канцелярии господин Зиновьев, помнится, грозился, что он из-под земли достанет всех, кто участвовал в захвате типографии.

Киров расхохотался.

— Финал потрясающий! Правитель канцелярии, любимец владикавказского высшего света, самый желанный в городе жених, оказался… беглым разбойником, убийцей. И фамилия его была вовсе не Зиновьев. Управление военной канцелярией, а по существу, и всей Терской областью он долго совмещал с руководством двумя крупными шайками.

Ной пошутил:

— Вот у кого мне следовало покупать паспорта для подпольщиков.

…Они все больше и больше нравились друг другу — невозмутимый Киров и порывистый Буачидзе.

Внимательно глядя в глаза Ною, Сергей Миронович спросил:

— Митинг во Владикавказской грузинской школе— ваше дело?

— Там вообще часто собирались родители учеников. Вы, вероятно, знаете, что школа была построена Обществом по распространению грамотности среди грузин на деньги, собранные по подписке. В глазах грузин, живущих вне родины, это была не просто школа!

— Согласен. Но тогда — десятого апреля — было нечто особенно взволновавшее весь Владикавказ. В тот день из кубанской станицы Ново-Георгиевской доставили тело Коста Хетагурова.

— К сожалению, Сергей Миронович, — заговорил Ной, — мое участие в похоронах Хетагурова самое скромное. Мне удалось сказать несколько слов публике, бывшей на перроне в Беслане, когда железнодорожники задержали поезд… И маленькое собрание в грузинской школе. Поверьте мне, взволнованные люди сами спешили в дом, где бывал, читал свои стихи, страстно звал бороться за свободу смелый и, я не боюсь сказать, бессмертный Коста. Он всегда был близок к грузинскому народу. Возможно, я выступил тогда слишком резко…

Тут же Буачидзе припомнил и рассказал Кирову, что в Швейцарии он несколько месяцев посещал кружок, основанный Лениным. Владимир Ильич не раз говорил, что плох оратор, не умеющий управлять «внутренним огнем». Пошла ли ему на пользу эта наука, Ной не мог сказать — после революции он еще ни разу не выступал на больших собраниях.

Слушая его, Киров молча рылся в ящиках письменного стола. Вытащил какую-то бумагу.

— Недавно удалось достать некоторые документы Терского жандармского управления. Посмотрите, это донесение в департамент полиции. Вас оно должно заинтересовать.

Ной взял бумагу, стал читать:
Секретно

«Начальник
Терского областного
жандармского управления
30 июня 1906 г.
№ 3715
г. Владикавказ
В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Около двух часов дня, 29 июня сего года, вблизи гор. Владикавказа состоялся митинг преимущественно из рабочих, на котором присутствовало до 1 000 человек. Наблюдавшие за данной местностью два городовых были задержаны 7-ю неизвестными им лицами, по-видимому, дозорными от собравшихся. Доставленные к месту митинга городовые были посажены на землю с таким расчетом, чтобы они не могли видеть в лицо ораторов, говоривших внутри толпы. Здесь городовым была вручена брошюра под названием «Революционное движение в России» с приказанием сидеть и читать эту брошюру.

По окончании митинга, около 6 часов вечера, рабочие разошлись, «а городовые были отпущены.

Донося об изложенном Департаменту полиции, присовокупляю, что за неустановлением личностей ораторов не представляется возможности приступить к производству по означенному делу формального дознания.

Полковник Лупаков».

— Должен же я был чем-то занять этих городовых, — засмеялся Буачидзе. — А полицейское донесение не очень грешит. В мою пору во Владикавказе было принято устраивать загородные пикники у Сапицкой будки.

В одно июньское воскресенье комитет решил воспользоваться этим пристрастием горожан и устроить сходку в километре или в двух от полуразрушенной сторожки лесника. День выдался погожий, солнечный и не очень знойный. Длиннопалые листья дубов мягко колебал ветерок. Между ольхой и осиной краснел орех, Под поваленными чинарами желтел мох.

По всем мало-мальски доступным тропам пробирались люди. Впервые пришли рабочие свинцово-цинкового завода

«Бельгийского общества», с которыми мне долго не удавалось наладить связь.

Уже хотели начинать, когда один из наших дозоров сообщил, что появились двое городовых. Решили эту пару пропустить подальше и тихонько захватить.

Прошел час-другой, мы говорили о сокращении рабочего дня, увеличении платы, перешли на политику. У всех лица живые, веселые. Подумал: «Пусть и эти двое «верноподданных» чем-нибудь разумным займутся, вдруг и в их одурманенные головы светлая мысль западет». Чем черт не шутит! Подошел, дал им брошюру «Революционное движение в России», приказал: «Читайте вслух по очереди, потом спрошу, поняли ли что-нибудь».

Отзвучали последние такты вальса в офицерском собрании. Разъехались гости. Закрылся ресторан летнего сада «Палас». Погасли керосиновые фонари на бульваре. Тих и безлюден Александровский проспект. За наглухо закрытыми ставнями давно спит Владикавказ, угомонился после получки. Слава богу, прожито 20 мая 1917 года.

Только в угловой комнате редакции «Терека» все мерцал огонек. Сторож снова разжигал самовар.

Кому не приходилось с сожалением замечать — майская ночь чудесна, но, ох, как коротка! Первые, еще совсем робкие лучи солнца заглянули в комнату.

— Пойдемте, Ной, — позвал Сергей Миронович, — я знаю место на бульваре, откуда утром, пораньше, и перед закатом открывается чудесный вид на город. Поспешим. Вы снова увидите лесистые предгорья северного склона Главного Кавказского хребта, плоскую вершину Столовой горы и на дальнем плане — ледяные вершины Казбека. Вы, грузины, зовете его Мкинварцвери.

Ной радостно удивился:

— Вы знаете?

— А как же! Знаю, что в восемнадцатом столетии первым покорил Казбек грузинский пастух Иосиф Мохеве. Когда-нибудь я дам вам, Ной, прочесть, я записал свои впечатления от восхождения на Казбек. Какой простор! Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах, бесконечной цепи гор, теряющихся где-то далеко-далеко… Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Грешен, люблю горы… «Приветствую тебя, Кавказ седой, твоим горам я путник не чужой». Помните?.. Люблю слушать в диких горных ущельях песни затаенных надежд… Убежден, и вы любите!.. Сделаю все, чтобы вы, Буачидзе, остались во Владикавказе.

Ной заговорил не сразу.

— Сергей Миронович, я не хотел начинать этот разговор, могло показаться нескромным. После возвращения из Женевы я совсем было решил остаться в Петрограде. Скажу уж вам все до конца. Направляясь к Владимиру Ильичу, я лицом к лицу столкнулся со своей невестой. Мы не виделись более десяти лет. Ее арестовали после неудачной попытки освободить меня из вологодской тюрьмы. Она отбывала ссылку в Архангельской губернии, где-то на берегу Белого моря… Теперь Петроградский комитет направил ее на Ижорский завод, совсем рядом с Питером. Мы были уверены, что уже ничто не может нас разлучить!.. Часом позднее Ильич сказал мне: ей-же-ей, заждался, товарищ Ной. Надо архисрочно отправиться на Северный Кавказ, там позарез нужны люди, знающие национальный вопрос.

Я подумал: «Терская область трудная и чертовски интересная. И души горцев почти никем еще не прочитанный иероглиф». У нас был обстоятельный разговор. Я привез мандат Центрального Комитета партии. Вот он!

9

Репортеры владикавказских газет нашли, что Ной Буачидзе был слишком резок и по этой причине его лекция в кинематографе «Патэ» разочаровала публику. Дамы и господа негодовали. «Мы пришли послушать интеллигентного человека, и что же мы услыхали? Какие-то призывы к восстанию! Представляете, он уверял, что власть должна перейти в руки рабочих и горцев!» Газета «Терский казак» удивлялась: «Господин Буачидзе вначале произвел впечатление вполне культурного человека. С ним интересно разговаривать, и вдруг — сюрприз! Он

большевик! Непостижимо!!»

Всполошились меньшевики с эсерами. Они категорически потребовали, чтобы в воскресенье на общегородском митинге, где с докладом должен был выступить Ной, председательствовал меньшевик Скрынников[18].

К двум часам дня актовый зал Ольгинской женской гимназии был переполнен. Пришли рабочие с завода «Алагир», из железнодорожных мастерских, с электростанций — других промышленных предприятий в городе не было. Явились почтово-телеграфные и банковские служащие, чиновники. В передних рядах шумно уселись солдаты. Ближе к выходу поместились адвокаты, врачи, педагоги. Позади особняком держались горцы, по преимуществу осетины и ингуши.

Скрынников чинно открыл митинг. Поздравил собравшихся с тем, что в последние дни в Петрограде социал-демократы заняли видные посты в министерствах Временного правительства. Новость была принята с заметным удовлетворением.

Несколько привычных слов о земле и воле немедленно ввернул председатель Владикавказского Совета эсер Гамалея. Прилипчивый и развязный, как коммивояжер, рекламирующий подтяжки и дамское белье, Гамалея пользовался популярностью среди мелких служащих, части солдат и особенно в профессиональном союзе домашней и ресторанной прислуги — наиболее многочисленном из всех недавно появившихся во Владикавказе профессиональных союзов. Рабочие не любили Гамалею, да и он их сторонился. Особенно после того, как в ответ на требование установить восьмичасовой рабочий день Гамалея провел резолюцию Совета: «Не возражать в принципе, но сейчас считать неактуальным».

Появление на трибуне Буачидзе собравшиеся встретили напряженным молчанием. Ной сообщил, что в объявлениях, развешанных по городу, тема его доклада указана не совсем точно. Он с удовольствием поделится и своими впечатлениями о Петрограде, но главное, о чем он хочет говорить, — это Ленин и революция.

Гамалея закричал:

— Долой! У революционеров есть один вождь — Александр Керенский.

Вскочил другой лидер эсеров — присяжный поверенный Карапет Мамулов. Еще накануне он грозил Буачидзе: «Погодите, я натравлю на вас массы так, что от вас посыплются перышки…» Мамулов требовал:

— Лучше расскажите, как вас везли в запломбированном вагоне… Сколько вам платят враги отечества — немцы?

Буачидзе покачал головой:

— А вы, Мамулов, нисколько не поумнели за те годы, что я вас не видел. Не бережете голос, охрипнете, не сможете выступать в суде, растеряете выгодных клиентов.

Во Владикавказе знали: за деньги Карапет Мамулов возьмется за любое грязное дело. Адвокаты посолиднее старались не подавать ему руки.

Реплика Буачидзе вызвала смех. Контакт с залом был установлен.

Собрание длилось до четырех часов утра. Последним слова попросил военный врач с аккуратно подстриженными усами и бородой, с немного прищуренными, должно быть близорукими, глазами. Высокий и плотный, он легко поднялся на трибуну, по военной привычке коротко представился:

— Мамия Дмитриевич Орахелашвили, прибыл из действующей армии. Я задержу ваше внимание совсем ненадолго. Хочу только от имени моих товарищей — фронтовиков предложить послать приветствие в Петроград… — маленькая пауза, — Ленину.

Аплодисменты, негодующие крики, гортанные возгласы горцев — все перемешалось. Скрынников поспешил объявить, что собрание закрыто. Опрокидывая стулья, грохоча сапогами, в президиум бросились солдаты 248-й Самарской дружины. Ингуши на всякий случай обнажили кинжалы.

Орахелашвили легко завладел колокольчиком председателя, поставил свое предложение на голосование. Меньшевики и эсеры принуждены были отступить. Телеграмму Ленину послали.

Бурлящий людской поток, наконец, увлек Буачидзе к выходу. Ной заметил идущего впереди военного врача, вызвавшего такой переполох. Он бережно вел под руку красивую даму — хорошо знакомую Ною учительницу грузинку Марию. Лица у обоих были откровенно счастливые. Буачидзе удивился. Тут же вспомнил: на днях Мария говорила, что ждет с фронта мужа. Она увлекательно рассказывала, как они, уроженцы соседних районов Грузии — Кутаисского и Самтредского, познакомились в Петербурге — Мария приносила своему будущему мужу в Военно-медицинскую академию прокламации Невского районного комитета большевиков.

Родители очень хотели, чтобы их любимица Мария имела высшее образование. Девочкой ее отвезли в Петербург, и она действительно получила отличное образование, только не в той области науки и не в том порядке, как желали старики.

За участие в студенческих демонстрациях 1905 года Марию исключили из женского педагогического института, арестовали,

выслали на родину. Через несколько месяцев она снова очутилась в столице. Теперь это уже не просто симпатизирующая революции восторженная слушательница юридического факультета Бестужевских женских курсов. Мария — член партии, активный работник подпольной большевистской организации.

Поздней осенью 1906 года в Петербург вернулся и Мамия Орахелашвили. Его возили в Тифлис — судить по делу Авлабарской подпольной типографии. Прямых улик не было. Мамия упорно утверждал, что, кроме медицины, он решительно ничем не интересуется. Да и давным-давно не был в Грузии, вначале учился в Харьковском университете, затем в Военномедицинской академии. Ложное обвинение оскорбляет достоинство дворянина и военного врача.

Суду пришлось оправдать Орахелашвили. Мамия, не теряя времени, вернулся к своим занятиям в медицинской академии и в подпольной организации Орахелашвили был большевиком — с 1903 года вел пропаганду марксизма в рабочих кружках за Невской заставой, писал статьи для подпольных газет. Одну из его статей охранка как раз и нашла при налете на Авлабарскую типографию.

Позднее Мамия служил военным врачом в Туркестане и Персии. Мария была с ним. Оба занимались революционной работой. В 1912 году Мария поехала во Францию, закончила в Париже университет. Война на долгие годы разлучила ее с Мамия. Он был на фронте, создавал большевистские организации, налаживал доставку литературы в окопы, врачевал тела и особенно души солдат.

Вернувшись из-за границы, Мария поселилась во Владикавказе. Ее небольшая уютная квартира рядом с дворцом наказного атамана была надежной явкой и едва ли не главным штабом большевистского подполья на Тереке в годы войны.

…Ной окликнул Марию, попросил обязательно подождать его во дворе гимназии.

— Не тревожьтесь, Мария, никакого особого дела у меня нет, — чуть погодя говорил Ной. — Просто я хочу поздравить вас обоих. Встреча двух любящих людей — что может быть лучше.

Мария предложила:

— Вон под липами скамейка, присядем.

Мамия Орахелашвили усадил Ноя между собой и Марией. Мягко улыбнулся:

— Рад, рад, что встретились. Сюда ехал, думал — во Владикавказе, кроме Марии, никого близкого. Оказывается, есть у меня и здесь друзья, близкие, надежные. Правда, Ной?

Буачидзе энергично пожал руку Мамия.

— Друг по партии, по жесточайшей борьбе, по-моему, это много больше, чем родственник по крови. Друг навсегда!

…При других обстоятельствах, в другом городе, когда уже не было в живых Ноя Буачидзе, Орджоникидзе произнес почти те же слова: «Наша партия — это союз друзей, и если бы не было у нас дружеского отношения между собой, любви друг к другу, мы не сумели бы проделать Великую Октябрьскую революцию».

10

Буачидзе все чаще и чаще отлучался из Владикавказа. На расспросы он отвечал словами писательницы Жорж Санд: «Что может быть прекраснее дороги! Это символ деятельной, полной разнообразия жизни».

Ной хотел увидеть, как живет разноплеменное и многоязычное население Терской области. Она простиралась от Минеральных Вод и дикого Скалистого хребта до Ливанов Каспийского моря. На ее территории — побольше иного европейского государства — было все: ледники Большого Кавказа, безграничные ногайские степи, нефтяные вышки Грозного, рудники Садона, табуны кабардинских скакунов, кизлярские виноградники. Были казачьи станицы, где пятьдесят десятин земли считалось небольшим наделом. При выходе на пенсию генерал получал тысячу пятьсот десятин, штаб-офицер — четыреста десятин, обер-офицер — двести. И в тех же станицах, в землянках, ютились иногородние — русские крестьяне, переселившиеся на Северный Кавказ. Своей земли они не имели и здесь, на желанных берегах Терека и Сунжи, Малки и Сулака. У кого водились деньги, тот брал землю в аренду у казаков. Большинство если не в первый год, так на второй нанималось в

батраки. Вражда между иногородними и казачьей верхушкой никогда не затихала. Да и среди самих терских казаков было немало бедноты, особенно к концу войны.

Над станицами и городами громоздились горы — лесистые, снежные или совсем гололобые островерхие скалы. Там, в недоступных каменных теснинах, в аулах, что часто лепились выше орлиных гнезд, голодали обреченные на вымирание чеченцы, ингуши, кабардинцы, осетины, балкарцы.

Всякий раз, попадая в эти места, Ной вспоминал два очень различных, но отнюдь не противоречивых свидетельства. В 1859 году главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский телеграфировал в Петербург: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Кавказ под моим командованием». В «Анти-Дюринге» Энгельс, негодуя по поводу бесчинств некоего генерала во вновь завоеванной стране, писал: «…сжег их шатры, а жен и детей велел умерщвлять на настоящий кавказский манер».

Так оно и было на Кавказе. В петиции, адресованной I Государственной думе, ингуши писали: «В настоящее время наши наделы земли — что бешмет рваный. Две трети наших земель, насильственно оторванных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам с лишком триста тысяч рублей арендной платы. Это не что иное, как налог в пользу казаков. Налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежавшей нам тысячелетиями. Но, к нашему несчастью, казаки не довольствуются этим. Они, по-видимому, окончательно решили истребить наше племя.

Казаки пользуются всяким случаем, чтобы придраться к нам, взыскивать штрафы, убивать, а областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощряет их в этом направлении».

В речи, произнесенной во II Государственной думе, депутат Терской области Маслов заявил: «Кавказ называют погибельным, то есть обреченным русским правительством на погибель. Туземцы находятся в ужасном состоянии. Земельный вопрос стоит там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, например, чеченцев: одна десятая, одна восьмая десятины. Кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом туземцы существуют».

Именно об этих людях и рассказывал в свое время Лев

Толстой: вышел как-то поутру горец в поле пахать. Снял бурку, наладил деревянную соху, а поле тем временем исчезло. Искал человек, искал — нету поля. Так и промучился до вечера. И только, когда собрался назад в аул, обнаружил, что поле его все уместилось под буркой.

Лето 1917 года выдалось сухое, знойное. Под беспощадно палящими лучами солнца, казалось, поблекла даже голубизна неба. В степи под Моздоком Ной впервые в жизни увидел морочливое марево. Мираж мгновенно превращал бурьян в леса, а бугры и редкие кустарники — в живописные берега полноводных рек.

Старожилы объясняли Ною: «Сухота и марево — верные приметы близкой грозы и освежающих ливней».

Нередко тучи окутывали ближайшие к Владикавказу горы. В городе отчетливо слышались раскаты грома. Ной уже не раз ловил себя на мысли, что погода как-то очень соответствовала настроению людей, да и всей обстановке на Тереке: марево и тягостная духота перед освежающим грозовым ливнем.

Вскоре после шумного собрания в Ольгинской гимназии раздраженно напомнил о своем существовании Гражданский комитет[19]. Он заявил, что граждане, находящиеся под защитой Временного правительства, не должны устраивать митинги и демонстрации. В случае крайней необходимости «организаторы обязаны заранее подать ходатайство комиссару Временного правительства». Ощутимо ограничивалась и свобода собраний.

Вслед раздался грозный окрик войскового круга терского казачества, также считавшего себя высшим законодательным органом в области. Если в центре России было двоевластие — Временное правительство и Советы, то на Тереке на власть претендовали Гражданский комитет, войсковой круг с наказным атаманом, Союз горцев Кавказа, Владикавказская дума, Совет рабочих и солдатских депутатов.

Так что же было угодно войсковому кругу? Его приговор был строг и краток: «По усмотрению господина начальника Владикавказского гарнизона и господ станичных атаманов, лица, допустившие разные бандитские действия, подвергаются смертной казни в возможно более короткий срок». Нетрудно было понять, кого господа атаманы завтра же признают виновными в «разных бандитских действиях».

Депутаты-большевики потребовали, чтобы Гамалея немедленно созвал Владикавказский Совет. Ной собрал свой кружок рабочих пропагандистов, распределил силы для выступлений на митингах протеста. На себя Буачидзе взял

железнодорожные мастерские.

С несколькими знакомыми рабочими он пришел в цех, где ремонтировали паровозы. Поднялся на тендер, предложил побеседовать. Посыпались вопросы. Рабочие требовали объяснить, из кого состоит Временное правительство, почему большевики не хотят воевать за Россию, правда ли, что он, Буачидзе, приехал во Владикавказ из Германии, на чью сторону станут большевики, если ингуши и чеченцы нападут на русских? Были вопросы и враждебные и провокационные. Ной терпеливо и обстоятельно отвечал. Говорил он тихо, неторопливо, словно делился своими мыслями.

На тот же тендер, с успехом заменивший трибуну, взобрался пожилой усатый рабочий в прожженном кожаном фартуке, в промасленной кепке, сдвинутой на затылок. В упор строго оглядел Ноя. Высоким звучным голосом с досадой сказал:

— Полной веры к вам, гражданин, не могу иметь. Удивляетесь, почему? Я повторю вам сейчас личные ваши слова: «Сожительство с меньшевиками в одной организации — это незаконная связь». Говорили?

Буачидзе подтвердил:

— Да, любви здесь нет. Сожительство незаконное, но его еще надо терпеть! Обязательно придется согласиться с великим русским дипломатом и писателем Александром Сергеевичем Грибоедовым, утверждавшим, что «терпение есть азбука всех прочих наук».

Так снова всплыл вопрос, который уже не раз обсуждался большевиками Владикавказа, — расколоть или завоевать объединенную социал-демократическую организацию.

Буачидзе и Киров настаивали: надо выиграть время, повести за собой рабочих и тогда вышибить меньшевиков. Кто-то в знак протеста прислал Ною почтовую открытку. На ней большими буквами было написано:

Не увлекаясь, приспособляясь,
Тише вперед, рабочий народ!

Ной прочитал открытку вслух на занятиях кружка рабочих-пропагандистов. Поблескивая живыми глазами, добавил:

— Я плохо выполняю свои обязанности. Все еще не сумел растолковать, что на пользу революции, а что на руку врагу. Если мы, небольшая группа профессиональных революционеров, хвастаясь своей старой принадлежностью к большевикам, уйдем из объединенной организации, покинем рабочих на попечение меньшевиков, отвернемся от наших товарищей, еще не

разобравшихся в событиях и своих политических симпатиях, то это будет худшим видом дезертирства. В условиях Владикавказа такой шаг неизбежно поведет к отрыву от трудящихся и немедленному разгрому сил свободы казачьей и горской контрреволюцией. Ленин требует от нас совсем иного: подвести рабочих и беднейших крестьян к пролетарской революции.

Буачидзе не стал скрывать правды и от рабочих железнодорожных мастерских:

— Дайте срок, мы возьмем быка за рога! Сейчас я обязан предупредить: и в Петрограде и у нас, на Тереке, начинается полоса провокаций. На этих днях в Грозном, ожидая поезда, я невольно стал свидетелем того, как в вагонах якобы с останками горцев, погибших на фронте и сейчас доставленных для похорон в родные аулы, нашли… оружие. Неосторожные грузчики уронили гроб, слетела крышка, и на перрон вывалились винтовки и цинки с патронами. Тогда вскрыли и другие гробы. Они также были заполнены винтовками, разобранными пулеметами, гранатами и патронами. Решение Гражданского комитета, постановление войскового круга о введении смертной казни — это проба сил. Хотят прощупать, будете вы, рабочие Владикавказа, защищать свободу или отступите, склоните головы.

Дружно приняли решение послать делегатов на завод «Алагир», с тем чтобы завтра совместно выйти на демонстрацию ко дворцу атамана Караулова.

На следующий день и Владикавказский Совет круто изменил курс. Меньшевики, эсеры, «беспартийные» казаки и даже «мусульманский вождь» Цаликов — все заявили, что они не могут признать для себя обязательным постановление Гражданского комитета, а тем более приговор войскового круга. Совет пошел за депутатами-большевиками.

Через три дня разразилась новая провокация. Теперь уже со стрельбой, кровью, с десятками ни в чем не повинных жертв. Пьяные казаки и солдаты окружили базар во Владикавказе. Они хватали безоружных мирных ингушей, издевались, убивали. Из ближайшего к городу ингушского селения Базоркино в горы поскакали всадники. Бело-зеленые повязки на рукавах черкесок свидетельствовали об особой важности данного им поручения. Самозванный председатель ингушского «национального совета» Вассан-Гирей Джабагиев звал всех, «кто считает себя мужчиной», идти громить Владикавказ.

Ной понимал: горцы захотят мстить за убитых на базаре. Нападение на переполненный войсками город приведет к страшной резне. Надо во что бы то ни стало удержать ингушей. Но как это сделать? Прочных связей с горцами у объединенной

организации не было. Меньшевиков это меньше всего интересовало.

Перед рассветом Буачидзе вышел из Владикавказа. Он благополучно миновал казачьи разъезды и, обходя колесную дорогу, тропинками приблизился к Базоркино.

Ной увидел: старая липа распростерла свои широкие ветви над весело журчащим ручьем. Зачерпнул пригоршней воду, напился. Еще зачерпнул, с удовольствием плеснул на лицо, на лоб. За этим приятным занятием Ноя и застали трое ингушей. Старший из них деловито спросил:

— Больше воды не хочешь?

Ной поблагодарил, сказал, что у него есть дело к почетным старикам. Он знал, что по обычаям ингушей последнее слово всегда за седобородыми мудрецами.

Ни о чем больше не спрашивая, ингуши молча отвели Ноя на противоположный конец к старику Сеиду. В кунацкой у Сеида — комнате, специально предназначенной для приема гостей, — и состоялась первая встреча самых уважаемых, почетных стариков ингушей с человеком, назвавшим себя большевиком. Старики, ничем не выдавая интереса, слушали Ноя, просили извинения, уходили, снова возвращались. Несколько раз до кунацкой доносился отдаленный шум толпы. С гиканьем и свистом под окнами проносились на разгоряченных конях молодые ингуши. Старики как бы между прочим замечали: «Настоящий джигит добрый. Только трусливые бывают злые».

На следующий день Сеид объявил:

— Вассан-Гирей хочет газават, священную войну против русских. Ингуши говорят: «Нет! Уаллахи-биллахи» *. Ты приходи еще, думать будем. Твоя правда трудная…

Почетные старики проводили Буачидзе далеко за Базоркино. Пожелали:

— Живи, пока катится камень в горах и журчит на равнине ручей.

Ной все еще не имел постоянного пристанища, хотя бы такой маленькой комнаты, как в Женеве на Рю де Клюз. Чаще всего он ночевал на клеенчатом диване в столовой своих старых друзей Чхубиани — у них Буачидзе не раз скрывался от полиции еще в 1906 году.

Люди, хорошо знавшие Ноя, недоумевали: откуда такое противоречие — постоянная, очень умелая забота о других и на редкость небрежное отношение к себе. Быть может, это «логика» известного героя Леонида Андреева, утверждавшего: «Люди живут плохо — значит, я тоже должен плохо жить». Едва ли! За подобную «философию» Ной в Женеве долго сердился на Миха Цхакая и заставил его принять помощь.

И Нико Кикнадзе, с которым Буачидзе особенно часто встречался в Швейцарии, рассказывал: «Ной близко принимал к сердцу нужды эмигрантов-большевиков. Однажды, получив деньги от брата из Чиатур, он их тут же разделил между наиболее нуждавшимися политэмигрантами, а сам нанялся батрачить у помещика под Женевой».

Все годы в Швейцарии, до самого возвращения в Россию, Ной был бессменным председателем Комитета помощи политическим эмигрантам. Положение было трудное. Осенью 1916 года даже безгранично скромный и терпеливый Владимир Ильич писал сестре: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем… это вполне серьезно, вполне, вполне»[20].

Помимо всех других обязанностей, Буачидзе взял на себя и роль заведующего хозяйством знаменитой «каружки». Русская

колония удивлялась изобретательности и энергии Ноя. За мизерную плату — восемьдесят сантимов в день — эмигранты могли здесь вполне сносно питаться.

На устройство своей жизни времени никогда не оставалось ни в подполье, ни в эмиграции, тем более сейчас, во Владикавказе. После Базоркино понадобилось срочно ехать на нефтяные промыслы в Грозный, оттуда в Кабарду. Снова несколько бурных собраний во Владикавказе и в паровозном депо станции Беслан, потом новая встреча с почетными стариками в Ингушетии, поездка в далекое Дигорское ущелье.

В Дигоре Ноя ждал Георгий Цаголов. Совсем еще молодой, встретивший только свою двадцатую весну, он успел пройти хорошую школу. Отец Георгия, Александр, был священником в едва ли не самом большом осетинском селении — Христиановке. За участие в крестьянских волнениях и за проповеди, «не угодные богу и церкви», старший Цаголов в 1905 году был лишен сана и сослан в отдаленный монастырь. Несколько лет спустя ему удалось выйти «за штат», снять рясу и поступить учиться на юридический факультет Московского университета. Сын пошел дальше отца. В январе 1917 года, будучи студентом того же юридического факультета, Георгий вместе с другими большевиками защищал от конной полиции рабочую демонстрацию на Тверском бульваре. В феврале участвовал в боях за Манеж, был ранен.

В начале лета Георгий Цаголов вернулся в родные места. В осетинских селениях, как и всюду на Тереке, бушевали страсти, вот-вот должны были схватиться две силы. По меткому замечанию Сергея Кирова, в Осетии «современность успела провести особенно глубокие социальные борозды… Осетины давно знают, что такое капитализм не только отечественный, но и заокеанский. Многие и многие из них годами живали в Америке, Канаде и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию… Это очень содействует… усвоению деревенской беднотой лозунгов революции».

К приезду Цаголова разгорелась острая борьба между осетинским «национальным вождем», меньшевиком, недурно разыгрывавшим роль проповедника «социалистического панисламизма», — шумным, толстым господином Ахметом Цаликовым и молодыми студентами Колкой (Николаем) Кесаевым, Деболой Гибизовым и Андреем Гостиевым.

В честь весьма почитаемого им Карла Маркса молодой и физически очень сильный Колка завел себе лохматую шевелюру и поразительно густую бороду. Еще более знаменит Кесаев был тем, что, убежденный социалист, он в поисках правды без гроша в

кармане обошел Германию, Францию, Швейцарию. На стороне молодых выступал и известный в Осетии революционер Сахаджери Мамсуров.

Ахмет Цаликов поспешил послать Цаголову свою визитную карточку с любезным приглашением посетить его на городской квартире во Владикавказе или совсем запросто в деревне, «как будет удобнее моему молодому другу».

Случай столкнул их под сенью чинар в аллее городского сада, вблизи Терека. Цаликов, играя набором массивных серебряных брелоков, навешанных на толстую цепь от часов, поздравил Цаголова с приездом. Тут же высказал свое неудовольствие:

— Удивляюсь я вам, Георгий Александрович, сын такого почтенного родителя, сам без пяти минут адвокат, ну чего ради, голубчик, вы путаетесь с этими босяками? Или вам по молодости лет невдомек, что очаг осетинского дома до основания рушится?!

У Георгия хватило выдержки. Он вежливо осведомился:

— Позвольте спросить, господин Цаликов, Кермена вы тоже считаете босяком?

Именем Кермена — легендарного героя осетинского народа, крепостного крестьянина князей Тулатовых, поднявшего оружие против феодального рабства, — назвали партию осетинской бедноты ее организаторы — Гибизон, Цаголов, Кесаев, Гостиев. В недалеком будущем эта партия должна была слиться с большевиками.

Буачидзе и Киров с самого начала поддерживали керменистов. Они не боялись того, что партия «Кермен» имела не очень четкую программу, в частности по национальному вопросу.

— Для нас, — подчеркивал Ной, — главное, что «Кермен» открывает путь к осетинской да и ко всей горской бедноте. Это чрезвычайно важно! Надо приблизить керменистов к себе, повести за собой, и в этой совместной с нами борьбе они быстро отбросят некоторые свои иллюзии и, ручаюсь, научатся более точно излагать программу.

Буачидзе не ошибся. 24 ноября 1917 года керменисты телеграфировали Ленину:

«Осетинская революционно-демократическая партия «Кермен» приветствует рабоче-крестьянское правительство.

Путь трудящихся всего мира — один: к любви и правде на земле через победу над эксплуатацией, насилием и рабством. Под вашим Красным знаменем, символом свободы труда, свободы земли, свободы человека, и мы, сыны трудовой Осетии, жаждем осуществления лозунгов большевиков».

В труднодоступном Дигорском ущелье Буачидзе рассказывал крестьянам о Ленине, о большевиках, объяснял, почему горцы

должны навсегда покончить с национальной враждой, раздирающей Терскую область. Только объединившись в один крепкий союз, рабочие, горцы, иногородние, казачья беднота смогут завоевать власть, а с нею и землю.

— Вы, горцы, — обращался Ной к неспокойной толпе мужчин на ныхасе[21], — встречаете путника душевным приветствием: «Приход твой к счастью». Но далеко не всему, что гость рассказывает, не всякому красивому слову вы верите. Другое дело — опыт собственной жизни. Так пусть же вспомнят старики, как «родные» осетинские князья и помещики захватывали общественные земли, пастбища, на которые не смели посягнуть даже царские власти. Точно так же разорили свой народ и кабардинские феодалы. Сердце сжимается от боли, когда вспоминаешь, что произошло на Зольских лугах.

…Был 1913 год. Промотавшиеся кабардинские помещики и коннозаводчики решили обогатиться. Они объявили своей собственностью высокогорные луга, пастбищные земли всей Большой Кабарды. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков, а за ним и сам царь поспешили выразить свое полное согласие. Ничего не подозревавшие кабардинские крестьяне в обычное время погнали скот на Золку. Отряды стражников преградили путь чабанам. Тринадцать тысяч крестьян, шестьсот тысяч голов скота остановились. Коровы, лошади, овцы растянулись на сто километров. Не было ни воды, ни кормов. Волчьи стаи на глазах у людей рвали баранов…

Охваченные гневом, кабардинцы рванулись вперед и разметали отряды стражников. Скот хлынул на луга. Тогда по требованию помещиков и коннозаводчиков начальник Терской области с трех сторон двинул на Золку пехотные дивизии, казачьи и артиллерийские полки. От Владикавказа, от Пятигорска, от Моздока пошли войска громить восстание ограбленных горцев, которым руководил кабардинский юноша, сын табунщика и сам табунщик Бетал Калмыков. И дед и прадед Бетала также были пастухами, крепостными рабами кабардинских князей. Прадед не стерпел издевательств — убил князя. В семье Калмыковых, не скрывая радости, говорили, что Бетал всем похож на прадеда, такой же непокорный, сильный, смелый.

У горцев были только охотничьи ружья, у царских солдат пулеметы и пушки. Осиротели тысячи детей кабардинских крестьян. Ощутимо приумножили свое богатство несколько десятков кабардинских помещиков и коннозаводчиков.

Тогда же, в 1913 году, Сергей Киров разыскал в пещерах на Кинжал-горе Бетала Калмыкова и других руководителей

восстания. Новая встреча произошла во Владикавказе знойным летом 1917 года, когда сухота и марево предвещали близкую грозу и освежающие ливни. Теперь Киров был не один. Он познакомил Бетала с Ноем Буачидзе.

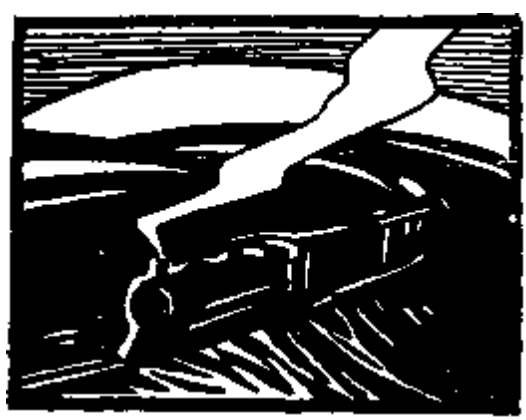
Ной, не скрывая интереса, рассматривал Бетала. Он уже много слышал об исключительной смелости и силе Бетала. Не так давно на глазах у всего отряда князя Пшухова Калмыков схватил князя поперек туловища и, как кутенка, бросил с моста в пенящуюся реку Малку. За Пшуховым вниз головой туда же последовал и его вооруженный до зубов охранник. Затем Бетал вскочил на коня и поскакал в родное селение на свадьбу к двоюродному брату.

А в другой раз, когда уже никак нельзя было вырваться из плотного кольца стражников, обложивших деревенский домик, где отдыхал Калмыков, Бетал поставил условие: он не сделает ни одного выстрела, без сопротивления отправится в Нальчик в тюрьму, но пусть ему дадут исполнить любимый танец «кафа» и не пытаются связывать руки. Командир стражников ротмистр Атаужкин счел за благо согласиться, очень уж ему хотелось захватить ненавистного Калмыкова живым и получить награду, объявленную наказным атаманом и начальником Терской области.

Десять минут длился танец. Наконец Бетал вышел, сел на лошадь и с поразительной покорностью направился в Нальчик,

Ночью Бетал Калмыков бежал из тюрьмы, любезно оставив записку: «Я дал слово приехать в Нальчик. Вам угодно было посадить меня в тюрьму. Я сел. А насчет того, как долго я там останусь, разговора не было».

12



Из Дигорского ущелья Ной вернулся совсем больным. Ночью у него горлом шла кровь. Рано утром Чхубиани послали за Мамия Орахелашвили, понимая, что другого врача Буачидзе к себе не допустит. Но и Мамия добился немногого. Вечером Ной заставил дежурившую возле него Евдокию Полякову нанять извозчика и поехал на митинг в Апшеронские казармы.

Встревоженные друзья решили действовать по-иному. Киров как-то неожиданно завел разговор о том, что чувствует себя очень виноватым перед матерью и отцом Ноя. Они столько лет не видели сына и так много пережили из-за него, что Буачидзе следовало все-таки сначала навестить стариков, а потом вернуться во Владикавказ. Ну, да ошибку не поздно исправить и сейчас!

Тут уж Ной устоять не мог. Он очень любил родных. Где бы Буачидзе ни был, как бы трудно ни складывалась его жизнь, он всегда старался успокоить, подбодрить их. Его особенно тревожила судьба младших братьев.

Своим бисерным почерком — крохотными и очень ясными буквами — Самуил писал брату Николаю:

«30/I 1912 г. Турция.

Друг мой!.. И пусть они, наши младшие, наша надежда, пока еще не поздно, подумают серьезно о своем положении. Я понимаю круг их мыслей. Но что же, коли они хотят быть человеками, коли они желают стать лучшими строителями того великого и сложного здания, что называется жизнью, — все это должны перебороть и, поднявшись, стать на крепкие ноги, а не шататься на ходулях, как теперь предпочитают некоторые интеллигентные господа…

В одиночной камере каторжной тюрьмы я также раздумывал о пути, по которому должны пойти наши младшие. Убежден, они должны готовиться к борьбе, и началом всего явятся обширные знания. Мне хотелось быть их первым наставником, самому их учить. Нечего говорить, что такие побуждения усиливали мое стремление к свободе. Я бросался было и к железной решетке и к штыкам, и застенок пробовал ломать, но все вотще!

…А что молодежь смыслит в музыке? В игре, пении, танцах? А спортом занимается? Мне представился раз случай, с риском понятно, удрать от жандармов на велосипеде. Увы, я не умел ездить…»

Младшему брату Петру:

«1914 год. София.

Сердечный привет молодежи от старика!

Что делаете и как живете? Видно, что учебный план не получен от меня. Проходите ли языки, по каким учебникам?

Какие учебы выбрали из математики?

Рекомендую прочесть книгу «Национальный вопрос с.-д. партии» О. Бауэра. Выводы и замечания даны не в нашем духе…»

«1915 год. Женева.

Здравствуй, брат!

Если действительно хочешь что-нибудь понять в жизни — читай, учи языки, снова читай. Познакомься с Ломоносовым (отец русского печатного слова), Пушкиным (отец русской поэзии, художества), Лермонтовым, Тургеневым, Гоголем, Достоевским, Белинским, Грибоедовым, Гончаровым, Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым, Писаревым, Успенским, Надсоном, Чеховым, Толстым, Горьким, Андреевым, Соллогубом, Буниным, Куприным, Вересаевым.

Из иностранцев: Шекспир, Байрон, Франс, Гюго, Гёте, Ибсен, Шиллер, Бальзак, Гауптман, Мольер, Лондон…»

…Итак, Самуил не устоял перед соблазном повидать родных. В первый и в последний раз в своей жизни он ехал по личному делу, просто на отдых. Впрочем, Грузия в ту пору была не очень подходящим местом для отдыха.

На улицах Тифлиса офицеры из «батальона смерти» арестовывали большевиков. Для «верности» они сверялись со списком, составленным для комендантского управления эсером Ребрухом. Разгоралась жестокая борьба большевиков с грузинскими меньшевиками, националистами, с кандидатами в местные бонапарты. И прежде чем Ной попал в свое селение Парцхнали, обнял мать, ему пришлось выступить на нескольких митингах.

Родственники, друзья, бывшие ученики нетерпеливо ждали Самуила на станции в Белогорах. Поезд из Тифлиса прибыл, постоял, двинулся дальше, а Буачидзе так и не появился. Куда он исчез, неужели что-нибудь случилось после отъезда из Тифлиса?

Ничего особенного для того времени не приключилось. Просто в вагоне вспыхнула жаркая перепалка о войне, большевиках и будущем Грузии. Буачидзе увлекся. Он едва успел выскочить из вагона на следующем разъезде. Предстояло шагать назад, в Белогоры.

Крестьянский дом старика Гиго — так односельчане обычно называли отца Ноя, Григория Буачидзе, — не мог вместить даже небольшой части гостей. Одним из первых приехал повидаться двоюродный брат — Моисей Буачидзе. В его доме в Белогорах Самуил и Серго Орджоникидзе не раз устраивали тайные сходки крестьян и железнодорожных рабочих, бурные дискуссии с меньшевиками и эсерами, заседания штаба боевой дружины. У Моисея в тайниках, вырытых в подвале дома и на кукурузнике,

хранилось оружие, прокламации.

После падения Квирильско-Белогорской республики каратели жестоко избили Моисея Буачидзе, дом его и все вещи сожгли дотла, большую семью пустили по миру. Кое-как став на ноги, Моисей Захарович вновь оказывал приют и всяческую помощь революционерам, снова делился с ними последним.

Моисей всегда внимательно следил за деятельностью двоюродного брата и часто говорил:

— Я буду считать себя самым счастливым человеком, если доживу до того, когда мой первенец Теймураз (домашние чаще его называли Сосо) пойдет по пути Самуила.

…Родственники, друзья, совсем незнакомые крестьяне с утра до позднего вечера навещали Ноя, задавали всевозможные вопросы, требовали самого подробного рассказа о событиях в Петрограде и Тифлисе, спрашивали, когда вернутся с фронта сыновья и когда будут делить землю. Ной говорил о близости настоящей революции, той, что покончит с войной, отдаст власть в руки народа.

— Дай бог, дай бог! — неожиданно заключил одну из таких бесед крестьянин Меланчий Табукашвили. — Может быть, тогда и мой Лукиан вернется?!

— Где он? — с живым интересом спросил Ной.

— Письмо недавно получил, а что за город и где он, извини, дорогой, не знаю.

Лукиан был одним из учеников Буачидзе. Способный и озорной мальчик очень напоминал Ною Серго. Он так же легко учился, был прям и горяч, не боялся заступиться за товарища. И Ной, не колеблясь, преподавал Лукиану науки, совсем не предусмотренные «высочайше утвержденной» программой для двухклассного министерского училища, давал мальчику книги из библиотеки, открытой в Белогорах социал-демократами. А когда у Ноя собирался подпольный кружок, Лукиан устраивался со своими самыми надежными дружками на дворе. Для виду затевалась какая-нибудь игра, а тем временем маленькие часовые зорко следили, чтобы никто чужой тихонько не приблизился, не заглянул в окошко.

В более поздние годы Ной не встречался со своим воспитанником. Знал только, что после училища Лукиан поехал в Баку, стал со своими старшими братьями работать на нефтепромысле. Затем его забрали в солдаты.

Сейчас Лукиан писал отцу, что находится на узловой станции Коростень Юго-Западной железной дороги. Состоит в революционном солдатском комитете и еще в феврале вступил в партию большевиков. «Молодец Лукиан», — с удовлетворением

подумал Ной.

Тем же простым и ласковым словом «молодец» встретит в сентябре 1919 года Лукиана Табукашвили Ленин. К тому времени земляк и ученик Ноя стал одним из руководителей забастовки двухсот тысяч украинских железнодорожников, этого грандиозного выступления против гетмана Скоропадского и немецких оккупантов, испытал на себе все муки германского концентрационного лагеря. Ноябрьская революция в Германии освободила Лукиана, он вернулся в Коростень, снова окунулся в водоворот революционной борьбы.

Табукашвили выбрали командиром бронепоезда «Коммунист Коростенского района», а вскоре и начальником бронеколонны. О поразительных подвигах Лукиана Ленину рассказал Подвойский, бывший в решающие дни Октября председателем Военно-революционного комитета Петрограда, затем народным комиссаром по военно-морским делам Украины.

Ленин, чтобы лучше познакомиться с героем, пригласил Лукиана домой. Отвечая на расспросы Владимира Ильича, Табукашвили сказал, что его любимым учителем был сын простого, бедного грузинского крестьянина, удивительно сердечный и умный человек Самуил Буачидзе.

— Вот оно что! — воскликнул Ленин. — Товарища Ноя я хорошо знал. Его нельзя было не любить!

…К концу недели Ной заторопился обратно во Владикавказ. На день он задержался в Белогорах. Вместе с братом Андреем и племянником Сосо Ной обошел все памятные уголки, будто предчувствовал, что это прощанье, что уже больше никогда не удастся ему побывать в старой школе, помечтать на поляне в глубине ущелья — укромном месте, где мальчиками Самуил и Серго обменивались самыми сокровенными мыслями.

Старой школе пошел в наши дни восемьдесят шестой год. Она дала Грузии много замечательных ученых, общественных деятелей, военачальников. Среди ее питомцев и два младших брата Самуила — Петр и Андрей.

Под влиянием Самуила оба совсем еще мальчишками участвовали в маевках, в подпольных кружках и с оружием в руках утверждали советскую власть в Грузии. Петра арестовывали, держали в Кутаисском замке и царские власти и меньшевики.

Серго Орджоникидзе, тогда он был секретарем Закавказского крайкома партии, посоветовал Петру и Андрею поступить в университет. В трудные минуты Серго не р'аз помогал обоим, подбадривал и материально поддерживал. Оба стали профессорами.

В 1937 году Андрей, директор сельскохозяйственного института, трагически погиб. Петр Григорьевич, очень похожий на Ноя и лицом и ростом, такой же мягкий в отношениях с людьми и такой же неумолимо требовательный к себе, много лет заведует кафедрой в медицинском институте, пишет научные труды, ведет общественную работу.

13

На узловой станции Михайлово[22] Буачидзе, наконец, удалось купить петроградские газеты, и то девятидневной давности. Теперь до самой Мцхеты, где предстояло искать попутную машину до Владикавказа, а не будет — так фаэтон, Ной погрузился в чтение. Он отбрасывал одну газету, жадно хватал другую, задумывался, снова шелестел листами.

Претендовавшие на солидность «Новое время» и «Русская воля», болтливая кадетская «Речь», бульварно-черносотенное «Живое слово», меньшевистские «День» и «Новая жизнь», листок правых эсеров «Воля народа» и, наконец, «Биржевые ведомости» и «Вечерняя биржевка» наперебой кричали о чудовищной дерзости большевиков, осмелившихся созвать в Петрограде VI съезд своей партии всего лишь через три недели после того, как Временное правительство одержало «столь славную и окончательную победу». Оно расстреляло мирную демонстрацию рабочих и солдат, разгромило редакцию «Правды», запретило большевистские газеты. Прокурор Петроградской судебной палаты издал приказ об аресте Ленина.

Чванливый рупор дворянских и чиновно-бюрократических кругов «Новое время» цинично потешался: «Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара, эти знатоки котлет и бифштексов? Или пожарные?

Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного совета в промежутке между стиркой пеленок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть, слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, столяры — о почте и телеграфе?.. Будет ли это? Нет! Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история».

Впрочем, не очень-то надеясь на благоприятный ответ истории, «левые», беспартийные, промышленно-торговые, либеральные, просто бульварные газеты требовали немедленного ареста участников съезда, требовали найти, наконец, Ленина. «Вечерняя биржевка», всегда славившаяся своей близостью к полиции и охранке, авторитетно свидетельствовала, что сыщики сбились с ног, но, увы, не в состоянии найти место, где заседает большевистский съезд. Меньшевистский «День» напоминал, что Ленин всегда был чрезвычайно умелым конспиратором.

И сейчас Буачидзе внезапно почувствовал, что мучившая его уже много дней тревога за жизнь Ленина неизмеримо уменьшилась. Ной больше не сомневался: съезд партии не поддастся на провокацию, не допустит, чтобы Ильич явился на суд.

Ной не колебался и в другом. Залпы, прозвучавшие 3 июля в Петрограде, покончили с идеей о мирном переходе власти в руки народа. Еще в Швейцарии, когда Ленин работал над своими «Письмами из далека», и позднее, в Петрограде, Буачидзе не раз слышал от Владимира Ильича, что вполне возможен мирный путь развития революции. Владимир Ильич утверждал: «Взяв всю власть, Советы могли бы… обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программ разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой».

Расстрел июльской демонстрации, все события, последовавшие в Петрограде вслед за этим, убедительно свидетельствовали, что пролетариат вынужден взяться за оружие.

— …Нам надо как можно быстрее связаться с Петроградом, — говорил Ной Буачидзе на собрании владикавказской группы большевиков. — Можно не сомневаться, что Шестой съезд нашей партии созван Лениным для выработки новой тактики. В нынешних условиях это может быть только курс на вооруженное восстание!..

Чуть погодя Ной продолжал:

— У нас, в самой запущенной во всех отношениях Терской области, где рабочие составляют только маленький оазис среди

всего другого населения — казачества, иногородних, горцев, порою не сознающих свои интересы и слепо подчиняющихся национальным фанатикам, — будет, конечно, свой календарь. События будут развиваться по тем же законам, но далеко не в те же самые сроки, что в Петрограде и центральных городах. Может случиться, что уже разоблаченные в рабочих центрах претенденты на власть, всевозможные «партии» и группы еще будут у нас играть роль. Легко догадаться, на какой предмет во Владикавказе окопались около трех тысяч офицеров, начиная от подпоручиков и кончая генералами.

Киров бросил с места:

— Достаточно примера генерала Половцева, который, командуя Петроградским военным округом, слишком увлекся удушением революции и после июльских дней очутился во Владикавказе, и не рядовым лицом, а желанным гостем. Ему поручили формирование национальных горских полков.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Буачидзе. — После бурных событий в Центральной России к берегам Терека, на хранимые богом курорты Минеральных Вод, ветер революции выбрасывает много дряни… Я думаю, — закончил Ной, — мы попросим Сергея Мироновича поехать в Петроград и установить связь с Центральным Комитетом партии. Очень надеюсь — и с Лениным!

…Вскоре после отъезда Кирова в Петроград небольшая дружная группа владикавказских большевиков пожинала первые плоды своих усилий. В сентябре в результате новых выборов председателем Совета рабочих и солдатских депутатов стал Мамия Орахелашвили. В состав президиума вошли Ной Буачидзе, Сергей Киров, Мария Орахелашвили, Георгий Цаголов.

Меньшевики и особенно эсеры, привыкшие хозяйничать во Владикавказском Совете, как в собственном доме, обозлились. Главным виновником всех своих бед и огорчений они считали Ноя Буачидзе. Изгнанные из президиума Совета Гамалея и Карапет Мамулов написали донос новому комиссару Временного правительства Звонареву: как же так, в Петрограде давным-давно отдан приказ об аресте Ленина, а здесь, во Владикавказе, его агент, также приехавший в Россию при помощи врагов отечества — немцев, заседает в президиуме Совета!

Запрятать Ноя в тюрьму эсеры очень хотели еще и потому, что были объявлены выборы в учредительное собрание. Список № 7 по Терско-Дагестанскому избирательному округу — список большевиков — открывался фамилией Буачидзе.

Товарищ прокурора Ксептер, а затем и сам прокурор барон Бернгоф вызывали Ноя, задавали ему множество всевозможных

вопросов, но ордера на арест выдать все-таки не рискнули. Прокурор опасался, что, «принимая во внимание чрезвычайную популярность господина Буачидзе», такой шаг накануне выборов даст нежелательные результаты.

Меньшевики действовали несколько иначе. Они решили призвать Буачидзе и других большевиков к «партийной дисциплине». Как обычно, в актовом зале Ольгинской женской гимназии собралась объединенная социал-демократическая организация. Буачидзе с места в карьер заявил:

— Беру на себя смелость сказать, что пришло время взять быка за рога и задать вам, здесь сидящим, вопрос: с кем вы пойдете дальше — с большевиками или с меньшевиками? После Шестого съезда Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, взявшей курс на пролетарскую революцию, существование объединенной организации невозможно. Массы должны знать, кто их друг, кто враг!..

К середине октября владикавказская большевистская организация имела в своих рядах более полутора тысяч человек. «Меньшевики могли после раскола навербовать не больше тридцати членов организации, — писал Мамия Орахелашвили в газете «Кавказский рабочий». — И среди этих тридцати безнадежно затерялась пара рабочих, изображающих собой сущих белых ворон среди окружающих породистых чиновников, докторов с «порядочной практикой» и просто собственников. А в довершение скандала лучшие работники из этой, не в обиду будь сказано, партии вскоре оставили эту трясину ничтожества, чтобы присоединиться к нашей работе».

Один из таких работников, в прошлом очень влиятельный в кругах меньшевиков, Симон Такоев, рассказывал рабочим завода «Алагир»:

— После раскола мы со Скрынниковым созвали общее собрание для проверки своих сил. Подсчет дал самые курьезные результаты. На собрание явилось не больше десяти человек, из коих восемь было интеллигентов, в том числе я, а остальные — рабочие. Печальным утешением нам могло служить лишь то, что судьбу меньшевиков разделила партия эсеров. В смысле массовой организации она также перестала существовать.

Свои политические симпатии, все растущее доверие к большевикам владикавказцы убедительно продемонстрировали при выборах в городскую думу. Большевики получили почти половину мест — тридцать восемь из восьмидесяти шести! Эсеры с трудом провели пять кандидатов, меньшевики — одного.

«Увы, оправдалось дурное предчувствие прокурора барона Бернгофа, — сокрушался «Терский казак», — голоса забрал г.

Буачидзе!

Разными политическими организациями было выставлено одиннадцать кандидатских списков в учредительное собрание. Честь баллотироваться по списку № 1 само собой предоставили господам кандидатам Терского казачьего войска. В дальнейшем благоразумие и порядочность отступили на задний план. За список № 1 подано 3 062 голоса. За список № 7 — г. Буачидзе и его достойные коллеги — вечный студент Анисимов, мастеровой Фигатнер, солдат Анджиевский — 8 218 голосов. Позор, господа атаманы!

Бывшие единомышленники г. Буачидзе несравненно более патриотически настроенные социал-демократы — меньшевики собрали 458 голосов, эсеры — 1 768. Забаллотированный присяжный поверенный господин Мамулов шутит сквозь слезы: «Нет врага страшнее, если им стал твой друг. Один бог знает, что будет дальше!»

И тогда совсем уже необычный сюрприз Буачидзе, избранному председателем Владикавказского комитета партии большевиков, решило преподнести горское правительство. В лице трех своих китов — нефтепромышленника-миллионера Тапа Чермоева, князя Решид-хана Капланова и коннозаводчика кабардинского князя Пшемахо Коцева — оно любезно предложило Ною портфель министра труда. Сообщение об этом немедленно появилось во всех владикавказских, пятигорских и грозненских газетах, было перепечатано в Тифлисе, Баку, Екатеринодаре и Ростове.

В гостиницу «Бристоль» — резиденцию горского правительства — отправились Ной и Вазген Будагов. Церемония заняла не много времени. Буачидзе скромно сообщил, что кто-то, кажется Жорес, высказывал справедливое соображение: «Лучше говорить правду, чем быть министром».

В скобках стенограф отметил: «Больше речей не было. Господин Буачидзе и его спутник откланялись».

Несколько строк по этому поводу написал и сам Ной брату в Грузию: «Много шума подняли о моем министерском посте. Глупцы, я знаю, что мне здорово и что плохо. Я швырнул им портфель и многое выиграл от этого. А если я все же «нищий», бесприютный и опальный — это общая судьба подобных мне людей… В конечном счете все же победу одержал я, восторжествовала моя линия».

В ночь с 25 на 26 октября Владикавказский Совет совместно с революционными организациями города собрался на экстренное заседание. В зал удалось попасть и репортеру газеты «Вперед». Ломая карандаши, он торопливо записывал:

«Первые минуты председательствовал Карапет Мамулов, его быстро сменила Мария Орахелашвили.

Буачидзе заявил, что Временное правительство не раз провоцировало революционную Россию… Он читает отрывки из письма, полученного им от Кирова[23].

Попов (*эсер*), заведующий почтовой конторой: Сегодня телеграф сообщил, что Петроград почти полностью в руках большевиков. Сообщение подписано министром почт.

Ильин (*большевик*): Где это сообщение?

Попов: Оно задержано. Почтовые и телеграфные служащие всегда будут бороться…

Шум, крики: «Долой его, вон!»

Мария Орахелашвили: Предлагаю послать на телеграф караул из солдат Самарской дружины… — После короткой паузы она неожиданно громко провозгласила: — Да здравствует власть, направленная к народному благу!

Рискин (*меньшевик*): Власть учредительному собранию!

Крики: «Долой его!»

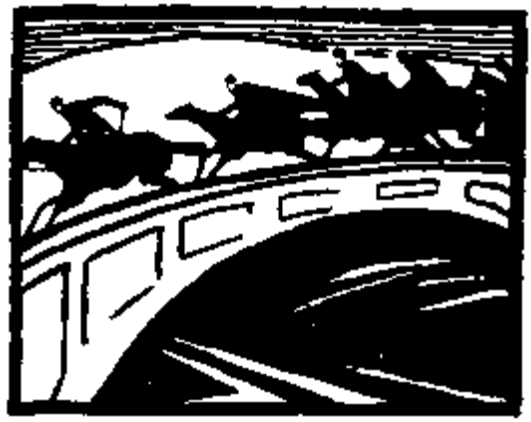
Буачидзе: Выступление большевиков есть результат здорового революционного инстинкта. Большевики не фантазеры. Они, и только они знают, что нужно народу!

Вся политика Временного правительства была направлена во вред интересам народа. Быть может, это особенно наглядно было видно у нас, на Тереке.

В сущности, после Февраля произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились новые названия, а все остальное осталось нетронутым. Революция только начинается…»

От себя репортер коротко добавил: «Собрание длилось непрерывно одиннадцать часов. Большевики провели свою резолюцию. Она гласит: «Заседание всех революционных, политических и профессиональных организаций города Владикавказа считает, что восстание пролетарских, солдатских и крестьянских масс назрело, как ответ контрреволюции. Собрание шлет свой привет и свидетельствует свою преданность новому пролетарско-крестьянскому правительству. Да здравствует революционная Россия!»

14



На втором этаже гостиницы «Бристоль» — в апартаментах князя Капланова — делили Терскую область. В конечном счете сиятельные участники торга согласились передать всю полноту власти на территории казачьего войска наказному атаману, а в горах — Терско-Дагестанскому правительству князя Капланова и миллионера Чермоева. Оно было сформировано только что здесь же, в гостинице.

Меньшевики и эсеры, узнав об этом, объявили: «Владикавказский Совет обязан оказать всю необходимую помощь правительству объединенной демократии двух соседних областей против разъедающих революцию элементов». В ответ Буачидзе предложил признать власть Совета Народных Комиссаров России и послать об этом телеграмму в Петроград.

Предложение Ноя было принято. Друзья от души поздравляли его с успехом. Он и сам радовался тому, что Совет в третий раз за короткий срок выразил свою приверженность революционному правительству. Но, как никто другой, Буачидзе знал, что и эту телеграмму отправить никуда не удастся, связи с центром России давно уже нет. Что делается в Петрограде, можно было только предполагать. Владикавказские газеты печатали самые противоречивые сообщения и слухи.

«Терский казак» на первой странице огромными буквами великодушно поделился последними новостями: «Петроград взят войсками Керенского. Московские почтово-телеграфные организации сообщают, что большевики сдают оружие без боя».

Рядом воззвание войскового круга V созыва «к единому и бодрому своим духом казачеству. Послужите родине, как служили ваши прадеды в смутное время 1612 года, когда спасли Москву, раздираемую смутой. Крепко и нерушимо держите клятву правительству, которому присягали в мартовские дни».

Редактор «Терского казака» Вертепов умолчал только о

решении, принятом войсковым кругом 14 декабря. Лаконическое, как и всякий военный приказ, оно требовало: «Немедленно созвать во Владикавказ вооруженных казаков из станиц Ардонской, Архонской, Николаевской и Сунженской. Эти силы, по согласованию с командующим войсками Терско-Дагестанского края генералом Половцевым, подчинить генералу Голощапову, которому приказать распустить Совет солдатских и рабочих депутатов».

У атаманов уже был опыт событий в Грозном. Только там, в большом промышленном центре, — нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы тридцатикилометровым мысом вдавались в гущу казачьих станиц и чеченских аулов, — роли были распределены по-иному. Атаманы играли в нейтралитет. На сцене бесчинствовали чеченские националисты — религиозные фанатики и просто платные агенты нефтепромышленника Чермоева. Общее командование любезно взял на себя английский офицер О'Рэм[24].

Поздним вечером 23 ноября Грозненскому Совету, пользовавшемуся почти совершенной полнотой власти с первых же дней революции, националисты предъявили ультиматум о разоружении 3-го запасного пехотного полка и рабочих дружин. Иначе, угрожали заговорщики, против города будут начаты военные действия. Огонь артиллерии обрушится на хранилища бензина, последуют взрывы страшной силы…

Еще до истечения срока ультиматума всадники О'Рэма подожгли и разграбили Ново-Грозненские промыслы.

В 111-м запасном полку, давно расквартированном в Грозном, была крепкая большевистская организация. Ее возглавлял опытный партийный работник, фронтовик Николай Носов. Солдаты готовы были дать бой. Того же требовали и рабочие-красногвардейцы. На беду, не они решали. Образумить слабонервных руководителей Совета не удалось и только что вернувшемуся из Петрограда со II съезда Советов участнику штурма Зимнего дворца, председателю Грозненского комитета большевиков Николаю Анисимову.

Николая Андреевича хорошо знали на промыслах. Первое знакомство произошло еще в 1913 году, когда молодой студент Петербургского университета под предлогом посещения родителей вернулся в родной город и вскоре вошел в состав подпольного комитета РСДРП. Николай редактировал нелегальный журнал «Буревестник», писал тексты листовок для нефтяников и чеченской бедноты. Наконец, в мае 1916 года Анисимов организовал нашумевшую на всю Россию трехнедельную забастовку рабочих промыслов и

нефтеперерабатывающих заводов. Николай и несколько других членов забастовочного комитета были арестованы. Все же нефтепромышленникам пришлось удовлетворить требования рабочих.

Анисимов был и первым председателем Грозненского Совета сразу после Февральской революции. От большевиков Грозного он ездил делегатом на VI съезд партии. Его выступление на съезде произвело большое впечатление.

Но сейчас и Анисимов оказался не в состоянии изменить ход трагически развивавшихся событий. На все призывы к разуму, на все доводы руководители Совета панически отвечали: «Разве вы не видите, как полыхает пожарище на Новых промыслах? Хотите, чтобы весь город так горел?!»

111-й пехотный полк с оружием в руках ушел из Грозного на Ставрополь, и тотчас же в город ворвались погромщики О'Рэма. Начался разгром рабочих организаций, разоружение красногвардейцев, расстрелы революционеров.

«Началась страшная травля нашей организации, — писал Анисимов в Центральный Комитет РСДРП (большевиков). — Чтобы отвлечь внимание трудового казачества от исконных врагов, старались все удары направить по нашему адресу.

По требованию нашего комитета я выехал из Грозного нелегально, а сейчас нахожусь в Ставрополе»[25].

…По случайному стечению обстоятельств на той же неделе, одновременно с войсковым кругом Терского казачества, в Тифлисе собрался второй съезд Кавказской армии. Слова попросил член Центрального Комитета партии большевиков Степан Георгиевич Шаумян, только что назначенный Совнаркомом чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. Удивленно и гневно спрашивал он:

— Как закавказские власти под аплодисменты меньшевиков осмеливаются уверять, что никаких патронов, никакого оружия на Северный Кавказ не посылалось? У меня имеется интересный документ — программа генерала Пржевальского, который в беседе с Половцевым сообщает между прочим следующее:

«Терские части идут с патронами… Сунженцам оружие выдано, уже грузится… Оружия из запасных полков можно набрать до сорока тысяч, не больше.

За патронами присылайте в Тифлис… Как вижу, дело у вас ладится, в чем желаю вам успеха и в дальнейшем. Передайте привет и пожелания доброго здоровья Михаилу Александровичу Караулову».

— И это не единственный документ, — продолжал Шаумян. — Тридцать два вагона патронов отправлены Половцеву,

но задержаны Бакинским Советом рабочих и солдатских депутатов. В обмен на обещанный хлеб друзья Караулова посылают ему патроны для расстрела рабочих и горцев.

В оглашенной еще вчера резолюции нашей мы определенно говорим, что требуем войск против Карауловых и Половцевых, которые провоцируют чеченцев, ингушей, часть казачества и солдат друг против друга. А к горцам мы предлагаем послать мирную делегацию для выяснения нашего дружеского отношения к трудовым элементам всех племен и наций.

Мы требуем признания необходимости решительной борьбы против контрреволюции Каледина и Караулова. Мы обвиняем в попустительстве и в поддержке контрреволюции армейский совет.

Только открытые или скрытые контрреволюционеры и их пособники могут не признать справедливости наших требований…

Степан Шаумян еще не знал, что атаман войска Терского Караулов, которому так трогательно желал здоровья и успехов командующий Кавказской армией генерал Пржевальский, внезапно сошел со сцены. На свою беду, возвращаясь из Минеральных Вод во Владикавказ, атаман слишком приналег в салон-вагоне на спиртное. На станции Прохладная Караулов с братом и еще с каким-то полковником вышли проветриться. Толпившиеся на перроне солдаты Уфимской дружины чем-то разгневали подвыпившего атамана, он велел нескольких из них задержать. Кончилось все стрельбой и убийством Караулова и его спутников.

Во всем остальном решение войскового круга и Терско-Дагестанского правительства быстро и пока что успешно осуществлялось. Снова, как и во время заговора Корнилова в Петрограде, полки «дикой дивизии»[26] и казачьи сотни против революции. И тот же Половцев на переднем плане.

Карьеру Половцеву сделал всемогущий посол Великобритании при Временном правительстве Бьюкенен. Сэр Джордж как-то в начале лета посетил члена правления Всероссийского общества сахарозаводчиков и министра иностранных дел правительства Керенского Терещенко.

— Если вы позволите, мой друг, я хотел бы дать вам частный совет. Положитесь на Половцева, этого генерала из «туземной дивизии». Он отлично знает, что делать, — играя моноклем, говорил Бьюкенен Терещенко. — Я уверен, вам понравится его проект разоружить войска Петроградского гарнизона, всех этих бунтующих мужиков и пролетариев послать на постройку Мурманской железной дороги. Кстати, я слышал, китайские кули оттуда бегут так же, как раньше не выдерживали канадцы и

финны… Если мне будет позволено, я бы высказался за назначение Половцева командующим Петроградским военным округом.

Частный совет сэра Джорджа был принят. Первый «революционный» военный министр Гучков облек Половцева властью над двухсоттысячным гарнизоном столицы.

Известный генерал старой армии, главнокомандующий войсками Северного фронта, а впоследствии консультант Высшего Военного совета, учрежденного Лениным, Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич метко заметил: «Полковник Половцев, бывший начальник штаба туземной дивизии, неизвестно зачем и за что произведен Гучковым в генералы. Лихой и невежественный кавалерист, он не разбирался в самых простых вопросах, был заведомым монархистом и за несколько дней до отречения Николая II добился в ставке приглашения к императорскому столу.

Жизнь свою Половцев закончил в белой эмиграции, приобретя на своевременно переведенные за границу деньги кофейные плантации в Африке. Протеже неудавшегося регента, великого князя Михаила Александровича, он понадобился Временному правительству не в силу своих военных талантов, а как слепое орудие в борьбе с большевиками».

Покуда же что, не успев обзавестись плантациями в Африке, Половцев свои таланты колонизатора пытался применить на берегах Терека. За три дня он роздал атаманам казачьих станиц около миллиона патронов, до десяти тысяч снарядов, много другого оружия и боеприпасов. Во Владикавказ поодиночке и группами стекались офицеры, юнкера, казачьи есаулы, урядники.

31 декабря князь Решид-хан Капланов приказал офицерам «дикой дивизии» немедленно разгромить Владикавказский Совет. В 8 часов 15 минут вечера, сразу после того, как Мамия Орахелашвили открыл заседание президиума Совета, под окнами замелькали всадники, послышались крики. Топот солдатских сапог раздался на лестнице. В зал ворвались офицеры и солдаты второго полка «дикой дивизии».

— Именем Терско-Дагестанского правительства, — вопил завсегдатай игорных притонов князь Алдаков, — руки вверх! Руки вверх! Ни с места!

Мамия бросил быстрый взгляд на Буачидзе. Ной, не поднимая рук, спокойно сидел в кресле. Только багровые пятна, покрывавшие его лицо, выдавали внутреннее волнение.

Алдаков с револьвером в руке подскочил к Буачидзе.

— Встать, руки вверх, застрелю!

Ной не пошевелился.

Бывший полицмейстер Иванов оттолкнул Алдакова:

— Не торопитесь, князь. В честь наступающего Нового года господа большевики будут повешены на Александровском проспекте… Пока отведите их в штаб.

Всадники-горцы держались довольно пассивно, зато офицеры неистовствовали. Они избивали захваченных депутатов, рубили шашками мебель, рвали в клочья боевые знамена, сохраненные подпольщиками еще с 1905 года.

«Совдеп не трудно было разогнать, — записал в дневник главноначальствующий над городом полковник генерального штаба Беликов. — Главные деятели были избиты. Доктора Рискина[27] отвели в конюшню, надели на него уздечку и привязали».

Буачидзе, Орахелашвили и других большевиков — членов президиума Совета — повели в казарму. По дороге, в Верхне-Осетинской слободке, на конвой внезапно напали вооруженные осетины — члены партии «Кермен» — и несколько рабочих из железнодорожных мастерских. Ной и его друзья были спасены.

Всю новогоднюю ночь во Владикавказе не затихала стрельба. Полки «дикой дивизии» окружили центр города. Под предлогом поисков сбежавших большевиков пьяные бандиты врывались в дома, убивали, насиловали

Никто из генералов, имевших под руками казачьи сотни и артиллерийские дивизионы, сейчас ни во что не вмешивался. В Апшеронском собрании — офицерском клубе — ярко горели огни, своим чередом шел новогодний бал. Со спокойной душой веселились и министры Терско-Дагестанского правительства. Все отвечало соглашению, достигнутому в гостинице «Бристоль».

Покуда «дикая дивизия», оправдывая свое название, лила кровь, грабила и жгла Владикавказ, казаки резали горцев, обстреливали артиллерийским огнем аулы под Грозным. Расправа началась с убийства шейха Дени Арсанова и почетных стариков чеченцев, приглашенных на очередные мирные переговоры. Всех их подло перебили из засады. В ответ горцы спалили дотла станицу Кохановскую, казаки разгромили три аула. И пошло!

5 января реакционно настроенные казаки снова заполнили улицы Владикавказа. «Дикая дивизия» ушла куда-то в горы. Резня, грабежи и пожары перекинулись за Терек. Пронизывающий резкий ветер, дувший со снежных гор, раскачивал под окнами резиденции Терско-Дагестанского правительства трупы повешенных ингушей, чеченцев, осетин-мусульман. Миллионер Тапа Чермоев, круглоголовый, широколицый, с волчьим лбом и выбитыми передними зубами, вежливо-презрительным голосом

советовал коллегам-министрам для укрепления нервов удвоить обычную порцию коньяку.

Миновал еще один день. Виселицы появились у вокзала. Белоказаки наклеивали на стены домов, на наглухо опущенные железные шторы магазинов какие-то желтые бумажки. Вазген Будагов принес два таких листка Ною, обосновавшемуся в Молоканской слободке. Ной прочел.

«Воззвание

К гражданам города Владикавказа. Революция окончена, большевики уничтожены. Это говорю вам я — главноначальствующий над городом.

Вы должны знать, что всякая агитация поведет со стороны настоящих хозяев области к жестокой расправе. Все это вместе создаст снова страшную разруху в городе, и тогда уже не придется «мечтать о покое, налаженной жизни и проч.

После 9 часов вечера никто не смеет появляться на улице С 7 часов до 9 хождение может иметь место только посредине улицы

В любое время запрещено собираться в группы более трех человек. По не исполняющим эти требования огонь будет открыт без предупреждения.

Остерегайтесь, иначе снова смерч налетит на город и немногие из вас увидят прекрасную кавказскую весну!

Подлинное подписал: начальник гарнизона генерального штаба полковник Беликов.

Верно: начальник администр. — оперативного отделения полковник Сергеев».

Вот когда Ною Буачидзе в полной мере пригодились его талант и огромный опыт организатора и руководителя боевых дружин. Нужно было как можно быстрее, в самые ближайшие часы, создать оборону Молоканской, Курской, Верхне-Осетинской слободок, растянувшихся с севера на юг по берегам Терека. Там, в маленьких домишках, в саманных мазанках ютилась большая часть трудового населения Владикавказа.

Организация большевиками отрядов самообороны, героизм, проявленный во множестве неравных схваток с белоказаками, постоянная готовность отдать свою жизнь ради торжества революции — все это связало прочной дружбой партию и массы. Влияние ушедших в новое подполье большевиков росло.

К середине января Владикавказ казался разделенным на две части. В центре бесчинствовали офицерские банды, упивался властью главноначальствующий полковник Беликов. В своем дневнике, впоследствии переработанном в мемуары, он не стерпел — похвалился: «Во Владикавказе неожиданно объявился представитель французского правительства в России, богатый негоциант Воган, к тому же действовавший на Тереке и от имени Великобритании. Он был у меня и предложил мне денежную помощь от имени правительств двух держав, если я сорганизую для борьбы с большевиками более или менее значительные силы. Помощь эту он предлагал в двух видах: либо путем выпуска займа под гарантией Франции, либо наличными (из Английского банка в Тифлисе)… Я представил Вогана малому заседанию Терско-Дагестанского правительства».

Творил расправу бывший царский полицмейстер Иванов. Газета «Терский казак» с удовольствием сообщала: «Наблюдается усиленный спрос на кухарок, горничных, бонн. Многие состоятельные беженцы из Петрограда приобрели собственные дома».

В слободках, особенно за Тереком, отряды самообороны установили свой порядок. Кузнец Федор Серобабов, рабочие железнодорожных мастерских братья Владимир и Сергей Волковы, их соседи и друзья хорошо управились и с юнкерами и с георгиевскими кавалерами.

В помещении городской электростанции напряженно работал подпольный партийный комитет во главе с Ноем Буачидзе. Большевики собирали силы для близких и решающих боев. Вторым полулегальным центром стал Пятигорск. Туда направился Киров. А за пределами этих двух городов события приняли совсем дурной оборот.

«По Сунженской линии, — писали газеты, — сплошной фронт. Станицы и аулы грабят, убивают и жгут друг друга. Густой едкий дым пожарищ окутывает и нефтяные промыслы. Артиллерийская, бомбометная и пулеметная стрельба ведется повседневно. Соседние осетинские и ингушские села точно так же сидят в окопах, направив винтовки друг на друга. На железной дороге — бои казаков с солдатами, возвращающимися с Кавказского фронта».

Даже Грозненский военно-революционный комитет, вновь созданный в начале января с помощью моряков, присланных из Баку Степаном Шаумяном, не разобравшись на первых порах в сути дела, направил часть красногвардейцев в помощь казакам, действовавшим против чеченцев ближних к городу аулов. Такую же ошибку руководители грозненской партийной организации

чуть было не допустили и летом 1917 года. Тогда Ноя попросил приехать в Грозный старый большевик, организатор профсоюза рабочих нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов К. Б. Осипов[28]. На заседании окружного комитета в недостроенном здании немецкой кирхи и в личных беседах Буачидзе настаивал:

— Будьте чрезвычайно осторожны в разрешении национального вопроса. Не забывайте, что, с одной стороны, вас, авангард рабочего класса всей Терской области, окружает контрреволюционное казачье офицерство, с другой — чеченские националисты, так же люто ненавидящие революцию. Малейшим вашим промахом воспользуются и атаман Караулов и нефтепромышленники, миллионеры Чермоев и Бамматов.

Сейчас, в январе, ошибку Грозненского военно-революционного комитета исправили сами рабочие. Красногвардейцы, разобравшись, в чем дело, быстро покинули позиции, вернулись на нефтяные промыслы. Все же горские националисты, по преимуществу офицеры той же «дикой дивизии», не преминули воспользоваться опрометчивостью революционеров.

Националисты уверяли: «Вот вам доказательство того, что Советы не сегодня-завтра начнут вместе с казаками войну против горцев, совместно будут громить аулы. Нечего больше раздумывать, пока не поздно, надо уничтожить большевиков!..»

Казачьи атаманы охотно поддерживали эту провокацию. Помимо всего другого, они рассчитывали под прикрытием мнимого союза с советской властью перетянуть на свою сторону возвращающиеся с турецкого фронта полки Кавказской армии, которые твердо стояли за большевиков.

Дальше других пошел в те дни председатель Моздокского военного комитета казачий полковник Рымарь. Он предложил немедленно созвать в Моздоке «Всеобщий демократический съезд народов области Терского казачьего войска». По идее Рымаря, на съезд следовало допустить, разумеется, в небольшом числе, так, чтобы они растворились между казаками, и представителей от политических партий и горских народов, за исключением ингушей и чеченцев.

Этот терский «предпарламент» формально признает советскую власть, получит от нее деньги и оружие и тут же объявит войну чеченцам и ингушам. А уж в ходе «законной» войны можно будет расправиться и с другими горскими народами и, конечно же, с большевиками. Чтобы не раздражать рядовое казачество, не вредно будет бросить лозунг «Да здравствуют Советы, очищенные от большевиков!». В Моздоке он, Рымарь, уже переименовал управление атамана в «Военно-революционный

комитет».

Попробуйте после этого возразить, что умный казачий полковник не в состоянии убить одним выстрелом сразу двух зайцев! И уж, во всяком случае, это не старомодный погромщик Беликов.

Идею Рымаря полностью одобрили бежавшие из Петрограда и с фронта генералы и политические деятели, выброшенные из Центральной России.

Установили и дату съезда — 25 января 1918 года.

…Владикавказская и пятигорская организации большевиков почти единогласно высказались за самое активное участие в съезде, чтобы использовать его как трибуну, попытаться повернуть ход событий на пользу революции.

15

Член владикавказской делегации на съезде, известный в ту пору на Тереке общественный деятель и публицист, впоследствии редактор газеты «Народная власть» Дмитрий Коренев записал свои впечатления:

«Моздок стоит у грани, за которой уже пламенеют грозные отсветы военного пожара. Атмосфера гражданской войны и всех ужасов, связанных с нею, врывалась в самую работу областного съезда, ею окрашены первые речи депутатов, страстность их отношений к тому или иному вопросу.

Только что на станцию прибыл второй поезд с беженцами из Хасав-Юрта. Там с ночи идет настоящий бой. Железная дорога и вокзал захвачены чеченцами. Но последних, по слухам, выбили уже дагестанцы.

Между полустанком Кади-Юрт и Гудермесом спущен с

рельсов эшелон солдат. Сколько погибло при этом — неизвестно. Несколько поездов, относительно которых было сообщено, что они вышли из Хасав-Юрта, сюда так и не пришли.

Ясно, что в последние дни пожар перебросился на Сунжу и Кумыкскую плоскость, то есть в Хасав-Юртский округ. Не потому ли на съезде отсутствуют кумыки? Они считались нейтральным народом по крайней мере!

Нет чеченцев, нет ингушей!

Солидная группа представителей Кабарды (30–40 человек) держится поразительно благородно, с огромным достоинством. Кабардинцы просят верить, что они искренние друзья русских и сторонники мирной, культурной жизни. Готовы умереть за свободу.

Последовательная и смелая демократичность ярко проглядывает в речах представителей Осетии. Во всех заявлениях они примыкают к социалистическому блоку.

Этот блок — явление совершенно неожиданное. В его составе представители владикавказской, пятигорской, грозненской, кисловодской и кизлярской демократических организаций. Они ведут отчаянную борьбу главным образом с казаками — носителями активных воинственных планов.

В приветственной речи лидер социалистического блока депутат Буачидзе поставил ребром вопрос о мирном сотрудничестве с ингушами и чеченцами.

«Те народы, — сказал Буачидзе, — которые не пойдут сейчас с русской демократией, погибнут».

Съезд горит и волнуется от речей и раскалывается, раскалывается на две противоположные по своим устремлениям части.

«Война!» — стремление одних.

«Мир, мир и мир!» — стремление других.

Волнуется море голов в облаках табачного дыма.

Как трудно и с каким напряжением приходится бороться социалистическому блоку, чтобы спасти положение и удержать съезд на позиции, достойной демократии! Теперь больше, чем когда бы то ни было, видно, в какой страшный тупик затянута Терская область в своих трагических противоречиях.

Где выход? Сумеет ли съезд — предпарламент Терской республики — последняя надежда исстрадавшихся, истомленных, истекших кровью, тысячу раз обманутых трудовых масс, — сумеет ли съезд положить конец националистическому пожару? Или — страшное слово — война?

Председатель съезда Дмитриенко, казак Моздокского отдела, сообщил, что поступило внеочередное заявление чрезвычайной

важности от военной секции и командующего полковника Рымаря. Съезд прерывает текущую работу и постановляет обсудить это заявление при закрытых дверях.

Закрытое заседание длилось очень долго и сопровождалось бурными инцидентами. Но резолюция, внесенная Буачидзе и принятая в закрытом заседании, оглашается при открытых дверях, публично.

Содержание ее:

1) Обратиться с призывом ко всем народам, населяющим Терскую область, принять участие в работах съезда.

2) Послать немедленно делегацию к ингушам и чеченцам и ко всем народам, представителей которых нет на съезде, с предложением мирного разрешения всех вопросов, волнующих их.

3) Избрать комиссию для немедленного составления декларации и всемерного, самого широкого распространения ее среди населения Терской области.

4) Приказ о наступлении отменить.

Затем, при открытых уже дверях, по требованию части казачьих депутатов резолюция была пересмотрена вновь, и часть того, что происходило в закрытом заседании, стало явью.

Вопрос был поставлен определенно: война или мир?

Часть съезда — социалистический блок, кабардинцы, осетины и казаки Пятигорского отдела — настаивала на том, что, прежде чем объявить войну, надо исчерпать все возможности мирного улаживания националистических конфликтов. Казаки же других отделов требовали объявления войны ингушам и чеченцам.

Когда социалистический блок указывал, что в руках демократии Терской области еще не было такого могучего средства, как народный съезд, это не производило никакого впечатления на воинственно настроенную часть делегатов.

Угрожающие возгласы стали раздаваться по адресу социалистов и делегатов Пятигорского отдела.

Но все-таки и второй раз «Резолюция мира» была принята, правда, далеко не подавляющим большинством голосов. В знак протеста полковник Рымарь и его заместитель есаул Пятирублев сложили свои полномочия, покинули съезд.

Оглашена телеграмма Терского войскового правительства, присланная по прямому проводу. Войсковое правительство просит депутатов войскового круга, участников съезда, пожаловать на круг в станицу Марьинскую для организации твердой власти в области.

Почти без всяких прений съезд постановляет: «Предложить войсковому правительству прибыть на съезд в Моздок для сдачи

отчета».

Под гром аплодисментов принимается поправка какого-то депутата-казака: «Предложить бывшему войсковому правительству…»

Что-то непонятное происходит за стенами моздокского кинематографа, где уже пятый день работает съезд. Делегаты, близкие к полковнику Рымарю, те, кто больше всего настаивал на объявлении войны чеченцам и ингушам, шумно требуют признать власть Совета Народных Комиссаров. Ссылаются на наказы своих станиц.

Кабардинцы и осетины подозревают, что казаки преследуют какую-то свою тайную, злую цель. Фракция иногородних тоже сомневается: откуда вдруг такая горячая симпатия казачьих старшин к советской власти?

Первые проблески взаимного доверия снова сменяются крайней подозрительностью. Если новая трещина углубится, съезд будет сорван или пойдет по пути, который окончательно дискредитирует демократические возможности на Тереке.

Ждем, что скажет социалистический блок. Ему, как говорится, все карты в руки.

Сегодня, 29 января, 132 делегата подписали предложение признать центральную советскую власть. Решили до голосования заслушать мнение социалистического блока.

Социалисты выставили докладчиком нашего уважаемого владикавказца Сергея Мироновича Кирова. Вначале его часто прерывали негодующими возгласами, а проводили долгими аплодисментами. Все четыреста делегатов согласились с Кировым, что наша первая задача: «Объединение, объединение и объединение. Если трудовой казак не будет жить мирно с трудовым горцем, то Совет Народных Комиссаров нам не поможет».

Значит, сначала мир, объединение, участие в работе съезда представителей всех без исключения народов, населяющих Терскую область, и тогда, в спокойной обстановке, подчиняясь только своим убеждениям, признание власти Совета Народных Комиссаров России.

Буачидзе говорил депутатам, окружившим его после заседания:

— Большевики никогда не были сторонниками легких побед. Мы не желаем действовать так, чтобы дать хоть кому-нибудь повод говорить, будто социалисты раскалывают народ. Объединение и мир — это самое лучшее признание советской власти.

Если нам не удастся объединить вас теперь, то вы придете к

этому путем новых страданий, ошибок через неделю, через месяц.

Когда мы приехали на съезд, нам говорили: если вы посмеете заикнуться о мире, о дружбе с ингушами или чеченцами, казаки вас растерзают. В прошлом нас уже терзали в царских тюрьмах, на каторге, наших товарищей расстреливали, вешали. Сколько раз приходилось повторять себе слова Ленина: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем… мы… выбрали путь борьбы, а не путь примирения»[29].

Решили, пусть пострадаем и теперь, но выполним свой долг. И вы, сам народ, поняли нас, раскрыли нам свои чистые сердца. Сила власти — вы сами, ваша поддержка.

…Наблюдениями о съезде в Моздоке поделился и хорунжий эсер Фальчиков. В субботу 10 февраля 1918 года он докладывал войсковому кругу, собравшемуся во дворце наказного атамана:

«В это время мы получили сведения о начавшемся наступлении казаков. Тогда поднялся Буачидзе и произнес яркую, красивую речь. Настроение в аудитории меняется. Все заговорили о мире.

— Мир, мир и мир!

А в карманах у нас наказ: «Война, война, война…»

Под влиянием того же Буачидзе и других красных ораторов станичники согласились и на посылку мирной делегации. К великому прискорбию, должен отметить это — от начала до конца не любили своей организации сами казаки…».

16

2 февраля 1918 года в городе Пятигорске член Народного Совета и председатель Коллегии по охране общественного и

революционного порядка в Терской области Ной Буачидзе подписал декрет № 1:

«Всем революционным Советам рабочих, казачьих, солдатских и крестьянских депутатов, всем станциям Владикавказской железной дороги, городским, станичным, аульским и хуторским самоуправлениям, согласно воле съезда народов в Моздоке подчиняться исключительно Терскому Народному Совету. Ему поручена вся полнота военной и гражданской власти.

Распоряжения находящегося во Владикавказе самосозванного Терско-Дагестанского правительства исполнению не подлежат».

Другой написанный Ноем декрет обязывал все органы власти «энергично заботиться» о том, чтобы к 16 февраля в Пятигорск смогли прибыть делегаты Второго съезда народов Терской области.

Раньше других приехали кабардинцы. В солнечный день снежные вершины гор Кабарды были хорошо видны с балкона комнаты, где работал Буачидзе.

Бетал Калмыков сейчас же отправился к Ною. Могучий и крупный — скала-человек — Бетал осторожно, со скрытой мужской любовью обнял маленького Ноя, поцеловал. Ною Калмыков также очень нравился. Он многого ждал от Бетала и радовался каждой новой встрече с ним.

— Как думаешь, Бетал, чеченцы и ингуши пришлют делегатов? — не без тревоги спросил Буачидзе.

— Я знал, такой вопрос обязательно будет, — живо отозвался Калмыков. Понизив голос, хотя в комнате никого посторонних не было, Бетал продолжал: — Я посылал одного кунака к Асланбеку Шерипову. У нас говорят: «Прежде чем горячий, смелый юноша становится мужчиной, проходит время». Он вначале не знает, где настоящая дорога, разные тропы пробует. Так и Асланбек в «Горский союз» попал, рядом с Чермоевым и Капланoвым сидел. Когда понял, в лицо им бросил: «Не дам обманывать наш чеченский народ. Вы клянетесь именем Шамиля, он бы давно отрубил вам головы!» Я говорю, Асланбек Шерипов приедет. Ничего, что дорога опасная — через казачьи станицы. Будут чеченцы, тогда и ингуши обязательно придут. Они как мы, кабардинцы с балкарцами. Два народа — одна семья!

— И я, Бетал, очень верю, что чеченцы и ингуши будут с нами. Хочешь, я открою тебе маленький секрет. Мы с Кировым ходили в гостиницу, выбрали комнаты для делегатов этих двух народов. На втором этаже рядом с вами, кабардинцами.

…Пятигорский народный дом едва вместил делегатов — почти шестьсот человек. Казаки явились из всех отделов и станиц.

Слышался шелестящий говор кабардинцев, тягуче-звонкая речь осетин. Горцев представляли также балкарцы, карачаевцы. С ними соседствовали калмыки, ногайцы и караногайцы. Прибыли уполномоченные солдатских комитетов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

В каждой делегации — и казаков и горцев — вместе с «верхами» самые обездоленные бедняки.

Безземельных горцев, в большинстве впервые попавших в русский город, малейшее внимание со стороны горожан изумляло, приводило в восторг. Трудовые казаки тоже неуверенно озирались по сторонам. Им интересно было слушать, что говорили большевики, их тянуло встретиться так, чтобы никого лишнего при этом не было, с батарейцем Волгского полка Александром Дьяковым. «Что за отчаянный казак, в родной станице Марьинской старики и батюшка священник прокляли его, а он, как будто ничего не случилось, заседает с большевиками в Терском Народном Совете. Его бы расспросить!»

Чеченцев и ингушей все не было.

Образовались фракции каждой национальности и иногородних. Большевики, левые эсеры, часть меньшевиков, как и в Моздоке, объединились в «Социалистический блок».

Сразу после короткой приветственной речи Ноя Буачидзе фракция казаков внесла предложение: «Считать ингушей и чеченцев отмежевавшимися от других народов и потому враждебных как российской власти, так и народам Терека».

Председатель съезда осетин Такоев сказал, что голосование будет проведено после того, как представители всех групп огласят свои декларации. Впереди еще много заседаний.

Ингуши вошли в зал как раз во время выступления председателя казачьей фракции есаула Померанцева. Два десятка стройных, суровых, вооруженных до зубов людей. В начале пути их было больше. Троих офицеры убили во Владикавказе. В степи за станицей Змейской похоронили еще одного.

Лишь после долгих и трудных переговоров ингуши согласились приходить на заседания съезда без винтовок. Зато первый делегат Чечни Асланбек Шерипов не имел при себе даже непременного кинжала-С самого начала он держался доверчиво, охотно вступал в разговоры, заразительно смеялся. Как не согласиться, что юноше с таким складом характера действительно нечего было делать в кадетском корпусе. Напрасно Шерипов-старший ездил в Петербург, изо всех сил добивался, чтобы в виде особой милости его двенадцатилетнего сына-первенца приняли в корпус.

И уж совсем не по душе Асланбеку пришелся совет матери.

Заботясь о сыне, она написала ему: «Смотри не дерись. Если с тобой будут драться другие кадеты, тогда доложи инспектору, а сам ни в коем случае не дерись…» Мальчик ответил матери через отца: «Отец Джамалдин, скажи матери, чтобы она не писала такие вещи. Я никогда не пожалуюсь инспектору и воспитателю тоже».

Два года спустя Асланбек вырвался из Полтавского кадетского корпуса и с наслаждением принялся изучать языки, литературу, историю. В седьмом классе Грозненского реального училища Асланбек написал реферат «История кавказской войны» и перевел на русский язык чеченскую историческую песню-легенду «Абрек Геха».

Записные книжки Шерипова были полны выдержек из любимых писателей и поэтов. Асланбек красным карандашом обвел строки Коста Хетагурова:

Как долга беспросветная ночь,
Как еще далеко до восхода!
Но и днем не могу я помочь
Безысходному горю народа.

От себя юноша приписал: «На промыслах есть русские люди, которые знают, как помочь горю народа».

В кругу друзей Асланбек Шерипов охотно читал наизусть «Измаил-Бея» Лермонтова, «Песню о Соколе» Максима Горького. Асланбек и сам писал в стихах и прозе о кавказских войнах и нежных девушках, любивших мюридов Шамиля.

Но когда Шерипов стремительно вышел на трибуну, перед съездом предстал грозный и беспощадный, ни перед чем не отступающий человек. И тогда нетрудно было понять, почему в горах и в долинах, на Сунже и на Тереке слово Шерипова имеет огромную ценность, а об его храбрости складываются легенды.

Пройдет шесть-семь месяцев, и во время знаменитой стодневной обороны Грозного, когда бок о бок с рабочими сражались горцы отрядов, приведенных в осажденный город Асланбеком Шериповым, Серго Орджоникидзе скажет молодому чеченцу: «Спасибо, Асланбек. Я видел, как ты умеешь бить врага словами с трибуны[30]. Теперь я увидел, что и в бою ты так же храбр и решителен. Хорошо провел операцию. Только советую впредь таких штук не повторять. Нельзя скакать по улице под пулеметным огнем. Твоя жизнь еще очень пригодится, и рисковать ни к чему».

«Я понимаю», — согласится Асланбек, вскочит на коня и поведет своих чеченцев в новую атаку.

Покуда что на съезде в Пятигорске Асланбек Шерипов

настаивал:

— Чеченский народ требует земли и равноправия для всех трудящихся. Чечня знает, что для этого нужно отнять землю у богатых, особые права и привилегии как у казачьих атаманов, так и у «своих» богачей и мулл.

Асланбек стоял на трибуне, а из зала раздраженные голоса выкрикивали:

— За Терек и Сунжу казаков!

— За заветы Шамиля!

— В Турцию азиатов!

— Газават! Священная война!

— Оружия!!! Оружия!!!

Шерипов удивительно спокойно отвечал:

— Если кому-нибудь из нас в пятницу на базаре подсунут фальшивую монету, разве он пойдет за такой же еще и в воскресенье?! Глупость не к лицу носящему папаху. Второй раз не будет ни Шамиля, ни переселения в Турцию. Мы соседи и должны жить в мире. Да здравствует советская власть и партия большевиков!

И чтобы вы, казаки, не сомневались в том, что я сказал правду, что чеченцы не думают нападать на Сунженскую линию, отдаю себя вам в заложники.

Представители казачьей фракции попросили немедленно устроить перерыв. Когда заседание возобновилось, есаул Померанцев огласил декларацию: «Испокон веков мы, терские казаки, боролись за культуру и свободу, имели свои казачьи вольности и бывали в опале у царей. Горцам мы всегда предлагали жить в братстве с нами или же, как магометанам, переселиться из ущелий Кавказских гор в Азию для самоопределения среди своих мусульман.

На съезде мы все время голосовали за большевиков. Мы всей фракцией торжественно объявляем себя большевиками и стоящими за большевистскую программу. Если горцы будут еще и теперь против нас, казаков, то они выступают как враги большевиков и всех российских народностей, признающих власть большевиков-комиссаров, и должны быть укрощены общегосударственными мерами».

Теперь перерыва потребовали горцы. Вернувшись в зал, они также заявили, что все, не исключая мулл и шейхов, немедленно вступают в партию большевиков. Ной Буачидзе поблагодарил и казаков и горцев за выраженные симпатии и настойчиво посоветовал тем и другим сперва хорошенько во всем разобраться и провести в жизнь первое, что написано на знамени большевиков: «Мир и братство народов».

Одна за другой прибывали верхом и на бричках делегации станиц. Они предъявляли приговоры казаков о присоединении к большевикам и просили оружия и снарядов. Бетал Калмыков, Асланбек Шерипов и руководитель ингушской делегации Гапур Ахриев внесли другое предложение: аулы и станицы разоружаются. Все винтовки, пулеметы, орудия, боеприпасы сдаются Народному Совету. Большинство казаков тут же шумно выразило свое одобрение.

День спустя, в первую годовщину Февральской революции, к Народному дому подошла многотысячная демонстрация жителей Пятигорска, солдат из госпиталей и команд выздоравливающих. Демонстранты заявили, что они настаивают на признании центральной советской власти во главе с Лениным и отдают себя полностью в распоряжение съезда.

После окончания демонстрации Буачидзе созвал делегатов-большевиков. Он предложил, дольше не откладывая, прямо поставить на съезде вопрос о распространении власти Совета Народных Комиссаров на Тереке. Это будет вполне отвечать подлинному настроению трудящихся и сорвет маски с казачьих и горских контрреволюционеров.

По далеко не случайному совпадению в тот же вечер о признании Совета Народных Комиссаров и об отношении к Владимиру Ильичу вели доверительный разговор и гости недавнего редактора газеты «Пятигорское эхо» эсера Леонида Орлова. У этого не первой молодости господина была навязчивая страсть все свои статьи и речи неизменно заканчивать анафемой большевикам. Нередко он печатно призывал и к прямой расправе со сторонниками Ленина.

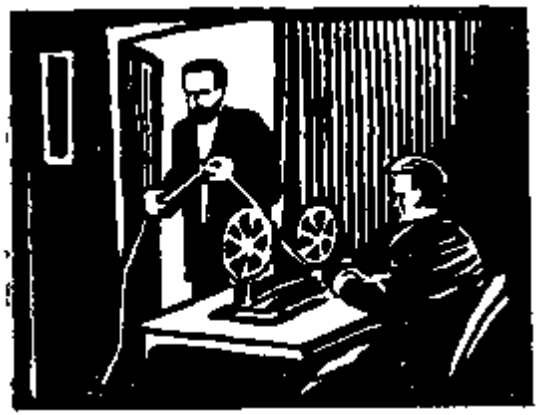
На самом почетном месте, в кресле, придвинутом к печке, выложенной пестрыми старинными изразцами, сидел величественный седобородый и седовласый последний городской голова Петрограда Шрейдер, Четыре месяца тому назад, в среду 25 октября, он на всю Россию объявил войну большевикам. Созданный им «боевой» орган оппозиции — «Комитет спасения» обратился с призывом «ко всем городским самоуправлениям, земствам, ко всем демократам и революционерам: 1) не признавать большевистского правительства и бороться с ним всеми средствами, не жалея жизни, 2) образовывать местные комитеты спасения родины и революции».

После одной особенно провокационной демонстрации на Невском проспекте, устроенной Шрейдером в конце ноября, его было арестовали. Старик тут же сказал, что на прошлое ставит крест, спасти Россию, дескать, все равно невозможно и единственное его желание — уйти на покой.

На «честное слово» Шрейдера отпустили с миром. На Тереке и на Минеральных Водах, пользуясь гостеприимством старых знакомых — атамана Караулова и генерала Половцева и вновь обретенных друзей — эсера Орлова, меньшевика Георгия Бичерахова, метко прозванного «косоротой лисицей», беженец из Петрограда обрел былое величие. Больше прежнего он готов был натравливать одну часть населения на другую, организовывать саботаж, голод, кровопролитие, все, что городской голова делал на берегах Невы в октябре.

Прикрыв глаза и ничем не выдавая своей заинтересованности, Шрейдер внимал переговорам между Орловым и хорунжим Фальчиковым об организации восстания. Ближайшая цель — изгнание с Терека горцев и большевиков.

Только и всего!



Ной хорошо знал этот казенный кирпичный дом на Евдокимовской улице во Владикавказе. На первом этаже, где была почта, ему случалось бывать. Но сейчас начальник караула предложил подняться по винтовой лестнице на третий этаж.

В самом конце коридора, в небольшой комнате, у аппарата сидел старик телеграфист. Он строго, через пенсне оглядел вошедших: «Чем могу служить?» Ной назвал себя, сказал, что пришел говорить по прямому проводу с Лениным.

Старик быстро застучал ключом. Побежала лента. Внезапно аппарат замолк. Буачидзе стеснялся спросить, что случилось. Волнение, как будто без причины охватившее его с утра, усилилось. С каждой минутой становилось все труднее ждать.

Отчетливо вспоминалась робкая петроградская весна, шумные встречи друзей, только что вернувшихся с царской каторги или, как он, Ной, из эмиграции, бурлящий с утра до ночи двухэтажный особняк Кшесинской, последний перед отъездом на Терек разговор с Лениным… Как же быстро промелькнули эти десять месяцев! А было ли хотя бы десять спокойных дней? В мандате Центрального Комитета говорилось, что он послан для разъяснения среди широких масс политики Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Как же теперь отнесется Ленин к тому, что агитатор Буачидзе стал главой правительства новой Терской советской республики? На заседании большевистской фракции Пятигорского съезда товарищи утверждали, что мандат Центрального Комитета как раз обязывает Ноя стать во главе Совета Народных Комиссаров.

— Гражданин Ленин спрашивает, кто у аппарата во

Владикавказе? — наконец донесся до Ноя голос телеграфиста.

— Отвечайте: Буачидзе, Юрий Фигатнер — народный комиссар внутренних дел, Захарий Палавандишвили — наш гость и друг из Грузии.

Ленин попросил рассказать обо всем, что товарищу Ною представляется необходимым. У Буачидзе был заранее написан сжатый рассказ о Моздокском и Пятигорском съездах, о том, что казачество и горские народы дружно высказались за советскую власть и неразрывную связь с Россией. С правительством миллионера Чермоева и князя Капланова, продолжавшим именовать себя центральной властью Терской и Дагестанской областей, окончательно покончено. Несколько часов назад помещение этого правительства опечатано его же «государственною печатью». Бежавшие министры прихватили с собой кассу Терского казачьего войска.

Созданные большевиками в начале января отряды самообороны трудового населения владикавказских окраин успешно разоружают офицерские сотни. В долинах и в горах постепенно наступает мир, но еще кое-где вспыхивают отдельные очаги войны. Накануне приезда во Владикавказ делегатов Пятигорского съезда и правительства Терской республики националисты организовали столкновение осетин и ингушей. В районе Ольгинская — Базоркино еще продолжается перестрелка.

Главари меньшевиков и правых эсеров все более сближаются с казачьими атаманами. Они курсируют между английской военной миссией во Владикавказе и поместьем полковника Рымаря под Моздоком.

Сейчас усилия большевиков направлены на быстрейшее проведение земельной реформы. Некоторые станицы, например Сунженская и Терская — это бывший аул Онгуш, откуда и название «ингуши», — будут освобождены от казаков и возвращены горцам. Казаки сразу же получат пахотные земли в Пятигорском округе, им дадут субсидию для устройства на новом месте.

Так же неотложно восстановление железнодорожного движения от Грозного и особенно от Моздока через Гудермес на Порт-Петровск[31]. По этой линии пойдут хлеб и продовольствие для Баку.

Владимиру Ильичу сообщение Ноя показалось недостаточным. Он попросил ответить на вопросы. Буачидзе с радостью ухватился за возможность продолжить этот крайне нужный ему разговор по прямому проводу. Ной перестал виновато поглядывать на часы и совсем как при былых встречах с Лениным в Женеве или в Берне живо объяснил, при каких

обстоятельствах была признана власть Совета Народных Комиссаров и какую отповедь дали горцы меньшевикам, в каком положении пролетариат Грозного, что делается для ликвидации пожаров на нефтяных промыслах, какими вооруженными силами располагает Терская республика.

Как-то непроизвольно, должно быть по старой привычке, возникшей в Швейцарии, Ной перешел на французский язык, Палавандишвили решительно вмешался:

— Нет, товарищ Буачидзе, это не годится! Говорите по-русски, чтобы я понял и потом мог передать народу. Сами понимаете, ваш разговор всех интересует…

Ной рассмеялся и тут же передал Ильичу замечание Палавандишвили.

Ленина беспокоило: достаточно ли энергично большевики Терека решают земельный вопрос, почему медлят, не создают национальные военные части, налажена ли достаточно хорошая связь с партийными организациями близлежащих областей России и Закавказья, установил ли уже Буачидзе контакт с чрезвычайным комиссаром Кавказа Степаном Шаумяном, что известно о положении в Грузии?

Владимир Ильич попросил председателя Совета Народных Комиссаров многонациональной Терской республики передать привет всем народам Терека. Пусть помнят, что за их спиной стоит революционная Россия, всегда готовая им помочь.

Тогда же телеграфная лента донесла до Ноя Буачидзе слова Ленина, впоследствии облетевшие весь мир: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять»[32].

Буачидзе еще не раз приходил в небольшую угловую комнату на третьем этаже Владикавказской почтово-телеграфной конторы. Старик телеграфист вызывал Москву, и Ной с волнением ждал, покуда быстро бегущая лента сообщала: у провода Ленин[33].

18

Совет Народных Комиссаров Терской республики издавал свою газету — «Народная власть». В марте и в апреле 1918 года ее заголовки сообщали: «Ликвидация осетино-ингушского франта… Заключение мира между ингушами и казаками… Пленные возвращаются домой… Восстановление свинцово-цинкового завода «Алагир» и Садонских рудников… Отмена арендной платы за землю… Трудовое крестьянство получает бесплатно семена… Открытие во Владикавказе Терской конторы Государственного банка с правом выпуска общереспубликанских денежных знаков… Изменение терского герба… Серп и молот вместо черных орлов… Георгиевские ленты сохраняются как символ ратных подвигов казаков… Учреждение штаба Красной Армии во Владикавказе. Члены штаба: солдат Яков Сидоров, кузнец Федор Серобабов, технический руководитель с совещательным голосом офицер Терского казачьего войска Томашевский Михаил».

Национальные съезды — в Нальчике — кабардинцев и балкарцев, в селе Христиановке — осетин, в Назрани — ингушей. Три с половиной тысячи делегатов ингушского народа переполнили огромный двор старой крепости. В центре сидели почетные старики. За ними стояли более молодые. Позади всех сомкнутыми рядами поместились всадники. Войсковой съезд казаков приветствует советскую власть.

Обращение Грозненского Совета к чеченцам: «Товарищи чеченцы! Ввиду того, что наши взаимоотношения близки к благополучному исходу, рабочие усиленно готовятся приступить к восстановлению всех Ново-Грозненских промыслов и тушению горящих фонтанов нефти в частности. Но для того, чтобы мы успешно могли определить, какие для этой цели понадобились бы технические средства, необходимо послать на промыслы специалистов-инженеров и уполномоченных исполкома Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов.

Так как работа этой комиссии сопряжена с риском для жизни со стороны малосознательных личностей, мы просим по возможности не замедлить сообщить Совету, согласны ли вы гарантировать безопасность членам комиссии во время проезда и пребывания на чеченской стороне. Верим, что вы, чеченцы, пойдете широко навстречу рабочим».

Вскоре на кургане, вблизи горящих Ново-Грозненских промыслов, делегаты Совдепа встретились с представителями Чеченского Народного Совета. Член рабочей делегации Осипов задал вопрос о том, какое впечатление на чеченский народ произвело обращение грозненцев. Представитель Чечни Мациев ответил: «Ваше воззвание мы обсудили на сходе в Алдах, и сход единогласно постановил употребить все свое влияние и все силы для того, чтобы ликвидировать пожар, в пламени которого гибнут народные миллионы. Мы решили идти только с вами вперед, и никакие силы не заставят чеченцев изменить своему слову. С нашей стороны приняты все меры для охраны комиссии, и ручаемся за безопасность. Просим заранее уведомить нас, когда таковая комиссия будет ехать, с указанием дня и часа и также места для встречи, куда бы могла прибыть чеченская охрана своевременно».

…Как-то после поездки Ноя Буачидзе в Ингушетию на первой странице газеты появилась статья:

«ПАШУТ!

Мы так долго и много говорили о войне на Тереке, об окопах, проволочных заграждениях, что понятно удивление человека, попавшего в Ингушетию, окруженную столькими мрачными легендами, и первое, что поразило, это как раз отсутствие почти всякого намека на военную обстановку.

Правда, около самого железнодорожного полотна наш автомобиль был остановлен внезапно выскочившими из-за пригорка шестью ингушами, грозно направившими на нас свои винтовки и берданы. Но это даже и на секунду никого из нас не смутило и не обескуражило, так подкупающе доверчивы были все окружающие картины.

Недоразумение выяснилось моментально. Это оказалась общественная железнодорожная охрана. А кругом, перекатами на волнистой местности, поля, кое-где покрытые зеленью новой весны. На горизонте зеленеет лесок, опоясанный белой каймой деревьев в цвету, видимо алычи.

В чем был глубокий основной тон радости в этой картине черных и зеленых полей, залитых блеском весеннего солнца? Конечно же, в этих пахарях, юных и стариках, что так старательно и так красиво взрыхляли покорную землю.

Право, можно было стать сентиментальным на час-другой и позволить себе роскошь размягчить свою душу и поверить совершенно в близкую победу жизни труда и порядка над силами разрушения и хаоса…

Потом мы сидели на высоком Назрановском обрыве со стариками ингушами и вели беседу о горестях и радостях жизни. Ломаными русскими словами они объясняли, почему «надо пахать», «надо дорога» и т. д. Перед нами открывалась широкая долина, по которой снизу протекала какая-то речушка. Там пашут, там роются в огородах, там кто-то купает коня.

И на всю эту мирную ширь и раздолье сурово смотрят полуразрушенные старые стены крепости Назрань, где помещается сейчас Ингушский Народный Совет. А когда-то в этой крепости содержали политических и, как говорят старожилы, вешали и расстреливали здесь более охотно, чем где бы то ни было.

…Вероятно, что и среди других народов и племен нашего края начинается такая же мирная жизнь, наполненная трудом».

Газета печатала также декреты Совета Народных Комиссаров:

«ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ

На народную власть Терской республики возложены: охрана интересов труда, народного здравия, общественное призрение, проведение всеобщей трудовой повинности, улучшение путей сообщения, телеграфа, телефона и почты, социальное страхование на случай инвалидности, старости, болезни, беременности, строительное дело, проведение общественных работ, энергичнейшее воспособление земледелию и промышленности, продовольственное дело и ряд иных задач, кои будут выдвинуты жизнью и в согласии с основными законами российскими… Народная власть следит за тем, чтобы было достаточно и русских и горских школ, в которых бы обучалось все молодое поколение. Родители и опекуны не имеют права оставлять детей без достаточного начального образования… Пользование гражданскими и публично-государственными правами не зависит от религиозного исповедания, но пользование религиозной свободой не должно стеснять исполнения гражданских и государственных обязанностей. Церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом».

…«О передаче казенных, удельных, церковных и частновладельческих земель, тонкорунного овцеводства, садов и виноградников в распоряжение местных Советов для

немедленного распределения между трудовым крестьянством без различия национальностей и пола».

…«О формировании, обучении и политическом воспитании бойцов и командиров отряда китайских добровольцев».

В своем первом обращении к китайским добровольцам — рабочим Грозного, Владикавказа и Нальчика, рыбакам из Астрахани и тем, кто, спасая жизнь, бежал в Россию из песков Месопотамии и Персии — с английских военных строительств, где от безводья, голода, болезней тысячами гибли безгранично выносливые китайские кули, — Буачидзе писал:

«Ваши соотечественники, китайцы, проживающие в Петрограде, в грозный час единодушно сказали; «Китайские рабочие должны понимать, что судьба революции в Китае тесно связана с судьбой русской рабочей революции. Только в тесном единении с трудящимися России возможна победа революции в угнетенном Китае. Да здравствует единство рабочих всего мира!»

На заседании Совета Народных Комиссаров было одобрено предложение Ноя о формировании первой роты китайских добровольцев. В нее вошли восемьдесят человек. Командиром избрали крепкого, подтянутого, малоразговорчивого Лю Си. Ной познакомился с ним несколькими месяцами раньше на одном из бурных собраний в Ольгинской гимназии и по-дружески звал китайца «Люся».

Очень скоро начальнику штаба Якову Сидорову пришлось доложить председателю Совнаркома, что в китайской роте непорядок. Личный состав более не соответствует списку: вместо восьмидесяти бойцов в строй вчера стали двести девяносто пять! Ной не выдержал, рассмеялся:

— Яков Никифорович, побольше бы нам таких нарушений!

Китайцы прибывали отовсюду, самыми различными путями. Одни уже знали о существовании роты добровольцев и спешили присоединиться к соотечественникам, другие оказывались на Тереке просто по воле случая.

Цзи Шоу-шань[34] услышал о призыве Ноя к китайским рабочим, скрываясь в Тифлисе у друзей большевиков. Власти его искали не одну неделю, должны были судить за то, что он уговорил китайских кули присоединиться к забастовке русских землекопов на строительстве оросительных сооружений в верховьях Куры. Еще раньше, в начале войны, молодого Шоу-шаня вместе со многими тысячами постоянно голодных китайских крестьян из провинции Шаньдун русские вербовщики доставили на строительство железнодорожной линии Петрозаводск — Сорокинская бухта и дальше через безлюдную заполярную тундру к незамерзающему глубоководному порту

Мурманск.

«По встретившейся надобности», как говорилось в приказе военного ведомства, часть китайских рабочих— среди них и Цзи Шоу-шаня — перевезли с дикого Севера в Закавказье. Здесь Шоу-шань близко сошелся с большевиками, впервые услышал от них, что свободу и счастье в России и в Китае можно завоевать, лишь победив богачей и угнетателей.

И когда из-за Крестового перевала, с берегов неспокойного Терека донесся призыв к китайцам, Цзи Шоу-шань тут же собрался в дорогу. Единственно, на что он претендовал, вступая в отряд, это чтобы «русская товарища учи» стрелять из пулемета. Просьба была выполнена. Цзи стал замечательным пулеметчиком. Его искусство особенно пригодилось год спустя, когда Шоу-шань, едва встав на ноги после тифа, вступил в русско-китайский отряд, который действовал на Северном Кавказе в тылу войск Деникина.

Землекопами на строительстве тех же оросительных сооружений в Закавказье или на трассе будущей черноморской дороги работали и многие другие китайские добровольцы, пробравшиеся во Владикавказ по Военно-Грузинской дороге. А вот Ли Чен-тун попал на Терек из окрестностей Петрограда. Он работал лесорубом в имении великого князя Николая Николаевича. Сразу после революции Ли записался в Красную гвардию. Ему не повезло: он заболел и долго лежал в больнице. Там, в больнице, Чен-тун познакомился с пожилым осетином, приезжавшим в столицу разыскивать своего сына, неизвестно куда исчезнувшего всадника «дикой дивизии». Осетин очень хвалил свой край, говорил, что там войны нет, хлеб можно найти, с работой не так трудно. Чен-тун решил: «Поеду с осетином, немного поработаю, поднакоплю денег, и тогда можно будет вернуться в Китай, в давным-давно покинутый Харбин».

Во Владикавказе, недалеко от базара, Ли показалось, что идущие в строю красноармейцы похожи на китайцев. Он приблизился: сомнений нет, это китайцы, и командует ими тоже китаец! Чен-тун набрался смелости и вежливо попросил разрешения поговорить. Прозвучала команда «вольно», и Ли оказался в кругу своих соотечественников.

— А ты откуда родом? — спросил командир.

— Из Харбина, — ответил Ли.

— Иди к нам. У нас в роте много красноармейцев из Харбина, хорошие люди.

Ли быстро, боясь, чтобы командир не раздумал (это был «Люся»), дважды повторил: «Сесе, сесе»[35] и пристроился левофланговым.

Позднее Ли Чен-тун, герой гражданской войны, вступил в

Коммунистическую партию, восстанавливал угольные шахты в Донбассе, снова вернулся на Северный Кавказ, поселился в Нальчике, стал одним из самых умелых и уважаемых в городе машиностроителей.

Два полных взвода китайцев-красноармейцев с боевым оружием и хорошей военной закалкой прибыли во Владикавказ вместе с отрядом харьковского рабочего Григория Третьякова. Этот красногвардейский отряд с боями отходил под натиском немецких дивизий с Украины, воевал на Дону, на Кубани и впоследствии стал ядром «Ударного летучего батальона имени Совета Народных Комиссаров Терской республики». На каком-то степном, дотла сожженном разъезде Третьяков встретил полураздетых, давно голодающих китайцев. Сначала китайцы хотели было бежать, но, увидев на шапках бойцов красные ленты, бросились обнимать их и наперебой объясняли, что давно ищут случая вступить в революционный отряд.

Третьяков и сам был рад пополнению, но, чтобы не ронять достоинства командира и чести отряда, строго заявил: «Сначала срежьте косы, и тогда будет разговор, может быть и примем». Косы не без колебания были срезаны, и китайцев приняли в отряд. Еще несколько десятков их соотечественников сели в эшелон в Армавире.

В первых числах апреля китайская рота была уже вполне официально переформирована в отдельный батальон. Первой ротой остался командовать Лю Си, вторую принял Лю Фа-лей, не раз удивлявший своих товарищей исключительной храбростью. Под Астраханью белогвардейцы любой ценой хотели взять его живым. Последнюю пулю из маузера Фа-лей пустил в себя.

Оставалось утвердить командира батальона. «Люся» усиленно рекомендовал недавно появившегося во Владикавказе Пау Ти-сана. Буачидзе и Киров, в тот период возглавлявший Владикавказский городской Совет, попросили до окончательного решения познакомить их с Ти-саном. Встреча состоялась в небольшой, тесно заставленной книгами комнате Сергея Мироновича. Пау Ти-сан свободно говорил по-русски и оказался таким же заядлым любителем книг, как Сергей Миронович и Ной. Ти-сан, он называл себя на русский лад — Костя, признался, что, покидая Петроград, не стерпел, на последние деньги купил томик Блока и «Мартина Идена» Джека Лондона. Наверное, это было слишком легкомысленно? Ной поспешил засвидетельствовать, что подобный грех не раз случался и с ним, более старшим по возрасту, чем Пау Ти-сан.

Без особой охоты Ти-сан рассказал о себе. Он родился в Мукдене. Совсем еще мальчиком попал в Грузию. Его увез с собой

на Кавказ русский генерал. Учился «Костя» в тифлисской гимназии. Революция застала его в Петрограде, и он, не раздумывая, записался в красногвардейцы. Союз китайских рабочих, насчитывавший в своих рядах до пятидесяти тысяч человек, поручил Пау Ти-сану отправиться в знакомые ему места, установить связь с соотечественниками на Северном Кавказе и в Грузии.

До Владикавказа Пау добрался сравнительно быстро, а уж в Грузию, с детства родную ему, удалось вновь попасть лишь в 1921 году. Среди документов, сохранившихся в Самаркандском областном отделе социального обеспечения (там до окончания медицинского института получала пенсию за отца дочь Ти-сана Элеонора), есть удостоверение, выданное «военкому 10-го Отдельного Восточно-интернационального батальона Пау Ти-сану в том, что он командируется в Тифлис для организационной работы среди китайцев».

Добрую память о себе Пау оставил и в Средней Азии, где он командовал Мусульманским кавалерийским дивизионом и был грозою басмачей. «Товарища Пау Ти-сана можно поистине назвать первым героем басмаческого фронта», — сказано в грамоте, выданной Самаркандским исполкомом. За победу под Раджаф-Алином и окончательный разгром отряда знаменитого курбаши, хитрого и вероломного Бахрам-бека, Пау представили к ордену Красного Знамени.

Последнее, что известно о Ти-сане, — в 1924 году он был вызван в Москву, оттуда уехал в Китай. Тринадцать лет спустя бывший комиссар красногвардейского полка во Владикавказе, ныне полковник в отставке, Павел Кобаидзе получил письмо из Китая от своего друга Темира Джелиева — выпускника Института народов Востока. Темир писал, что виделся с Пау Ти-саном, он служил в китайской Красной армии. Должно быть, Пау разделил судьбу десятков тысяч революционеров, отдавших свою жизнь за свободу великой страны.

…Буачидзе не стал откладывать решения. Он тут же сказал:

— Хочу предложить вам, Пау Ти-сан, командовать батальоном китайских добровольцев. Пойдете?

— О, у меня не хватит сил отказаться, — не скрывая радости, ответил Пау.

— Тогда по примеру Джузеппе Гарибальди сзывайте под наши знамена верную «тысячу». Помните его обращение «К людям с чистой совестью»: «Я не обещаю вам ни легкой жизни, ни удобств, ни квартир, ни сытного хлеба. Вы будете в походах под огнем и под дождем, но совесть ваша перед родиной, человечеством будет чиста».

Буачидзе умолк. По его лицу пробежала улыбка. Он негромко продолжал:

— Я вспомнил один эпизод, связанный с памятью Гарибальди. Он не имеет отношения к нашей теме… Вы знаете, я грузин и хочу, чтобы мои друзья хорошо понимали душу моего народа. После смерти Джузеппе Гарибальди его семья получила телеграмму с трогательным выражением соболезнования и горячим приглашением приехать погостить к жителям Гори. Телеграмма обошла газеты многих стран. Все искали, где же этот Гори? К сожалению, на самых подробных картах Российской империи Гори не был обозначен. Наконец в Италии историки припомнили, что Гори — это древняя крепость и две тысячи лет назад храбрые защитники Гори оказали сильное сопротивление полководцу Помпею. Прославленный полководец не смог штурмом взять крепость даже при помощи своей новой стенобитной машины…

В конце апреля, когда пятьсот бойцов китайского батальона научились стрелять, получили военную форму и винтовки, Ной вручил им Красное знамя Совета Народных Комиссаров. Вслед за своим командиром Пау Ти-саном каждый доброволец дал торжественную клятву: «Революционная Россия стала нашей второй родиной. Мы клянемся быть ее верными бойцами, солдатами революции».

В первых же боях китайцы подтвердили, что они верны своей клятве.

«Помню, — рассказывает Павел Кобаидзе, — неравный бой, который вела с белоказаками Бичерахова, внезапно ворвавшимися во Владикавказ в августе 1918 года, группа китайских бойцов. Китайцы дрались пять суток, дрались до последнего патрона, а когда патроны кончились, продолжали отбиваться штыками и прикладами. В конце концов от всей группы остались только трое израненных и измученных китайцев. Бичераховцы навалились на них по десятку на каждого, одолели, принялись зверствовать. Китайских товарищей подвесили за руки на деревьях и вырезали на их спинах пятиконечные звезды. Довольно скоро китайцев удалось отбить. Двое уже были мертвы. Третий, придя в сознание, спросил: «Где моя винтовка?» Не имея сил, он пытался подняться на ноги, снова рвался в бой.

Другая группа бойцов батальона Пау Ти-сана — Ван Ден-шин, Ти Фун-чо и Ко И-лу — засела в те трагические дни на колокольне Линейной церкви. Они оказались в самом центре вражеских сил; бичераховцы окружали их плотным кольцом. Отбиваясь день и ночь, китайцы продержались десять суток. У них не было воды, не было продуктов, патроны подходили к

концу, и все же они выстояли. На одиннадцатые сутки мятеж был подавлен, и белоказаки бежали из Владикавказа. Красноармейцы бережно сняли с колокольни обессилевших китайцев. Все мы смотрели на них как на героев. Это было действительно так».

И на Северном Кавказе, и под Астраханью, на Кубани, под Ростовом и Воронежем красногвардейцы-китайцы всегда стояли насмерть. Командование с полной уверенностью в успехе посылало их на самые важные участки. 27 декабря 1921 года правительство Горской автономной республики — так впоследствии называлась Терская республика — утвердило текст специального аттестата китайскому батальону. Вот последние строки этого документа: «Отряд китайцев под командованием Пау Ти-сана, будучи материально не обеспечен, полураздет и иногда голоден, вдали от родного края, безропотно выполнял все многочисленные боевые задания в горах Северного Кавказа, борясь как с отдельными бандами, так и с организованными, руководимыми контрреволюционерами, хорошо вооруженными воинскими единицами, являя собой яркий пример подлинного Интернационала, пример истинных защитников прав трудящихся».

В революционные и свои национальные праздники китайцы устраивали концерты, пели песни далекой родины, играли на тростниковых дудочках, танцевали под удары барабанов, состязались в ловкости. Непременным гостем у них был Ной Буачидзе.

Накануне первой встречи Пау Ти-сан предупредил своих бойцов, что к ним приедет председатель Терского правительства.

— А почему у председателя такой болезненный вид? — не удержался, спросил кто-то из китайцев, несших караульную службу у здания Совета Народных Комиссаров. — В открытые окна слышно — председатель сильно кашляет.

Ти-сан объяснил, что Ной много пережил и все свои силы отдает ради свободы и блага людей.

— Председателя очень уважает Ленин, — добавил Пау.

Финал беседы был неожиданным. Пулеметчик Ли Сан-тин попросил разрешения отправиться в горы за душистыми травами. «Как можно, чтобы уважаемый председатель, у которого слабое здоровье, дышал у нас прокуренным воздухом!»

Вместе с Ли Сан-тином, главным образом для его охраны, в горы пошли еще несколько добровольцев. Покуда они бродили по склонам хребта, собирали цветы и душистые травы, в казарме распахнули все окна и двери, никто не позволял себе закурить.

Войдя в. зал, Ной с удовольствием полной грудью вдохнул с детства любимый аромат горных цветов, потрогал развешанные

по стенам связки пахучих трав.

Лю Си и Пау Ти-сан научили Ноя, как будет по-китайски «здравствуй», «хорошо», «дружба», несколько особенно дорогих человеку слов, которые вдвойне радостно услышать на родном языке. В каждый новый приезд в батальон Буачидзе все более уверенно произносил по-китайски «ни хао» («здравствуйте»). Отличившихся или более близко знакомых ему бойцов председатель Совета Народных Комиссаров многонациональной Терской республики приветствовал: «Хэнь хао! Юи» («Очень хорошо! Дружба»).

По просьбе китайцев Буачидзе не раз рассказывал им о Ленине. Рассказал, что Владимир Ильич напечатал в первом номере газеты «Искра» за 1900 год статью «Китайская война»[36]. Ленин гневно осуждал царское правительство за участие в подавлении знаменитого народного ихэтуаньского (боксерского) восстания и призывал рабочий класс России всеми силами бороться против тех, кто разжигает национальную вражду и пытается отвлечь внимание пролетариата от его истинных врагов.

Ной часто бывал и в сводном отряде грозненских рабочих. Это был первенец, основоположник вооруженных сил Терской республики. Еще в феврале Буачидзе направил в Петроград с письмом к Ленину одного из первых грозненских революционеров, члена партии с 1904 года К. Б. Осипова. Ной просил Владимира Ильича выделить оружие для грозненских рабочих.

Осипова принял председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлов. Яков Михайлович сказал, что Ленин, народный комиссар по делам национальностей Сталин и он обсудили письмо товарища Ноя и приняли его предложение. Сейчас время крайне трудное, враг рвется к Петрограду, каждая винтовка на счету, но для грозненских рабочих правительство выделит оружие из последнего. Через несколько дней Осипов получил эшелон с винтовками, боеприпасами и легкими пулеметами, а также пять миллионов рублей.

На станции Минеральные Воды Буачидзе встретил эшелон с оружием и сам занялся его дальнейшей судьбой. Осипов, вернувшись в Грозный, сообщил окружному комитету партии: «Я обстоятельно рассказал Буачидзе о своей поездке в Петроград, о беседах со Свердловым и вручил письмо Владимира Ильича Ленина, адресованное товарищу Ною… Буачидзе просит передать большевикам Грозного, что теперь все зависит от них. Оружие уже есть. Из грозненских рабочих можно создать первоклассные вооруженные силы, и наша партия будет иметь на Тереке

солидную опору».

При Грозненском Совете тотчас же начала работать военная коллегия во главе с прошедшим через все испытания войны георгиевским кавалером, большевиком Николаем Гикало[37] и офицером-патриотом, впоследствии одним из крупнейших работников Красной Армии — Михаилом Левандовским. В отряд записывали лишь тех, кто имел рекомендацию от рабочих коллективов или партийной организации. Вскоре Грозный увидел красноармейскую пехоту, конницу и артиллерию.

Буачидзе уже мог сообщить Ленину, что его поручение успешно выполняется: Терская республика имеет национальные части — чеченскую, кабардинскую, осетинскую, имеет батальоны добровольцев — рабочих и казаков, имеет красногвардейцев — грузин и китайцев.

19

Над Владикавказом гремели весенние грозы, и высокое небо озаряли сполохи зарниц. Зазеленели долины. Белыми, желтыми, розовыми лепестками покрылись сады. Распустились кусты сирени. Теплый бодрящий воздух наполнился веселым щебетанием птиц.

Первомайское утро выдалось солнечным. Над белой скатертью Столовой горы ни единого облачка. Ною, так и не ложившемуся спать в эту праздничную ночь, показалось, что хлопотливые солнечные лучи раньше обычного тронули ледяные вершины Мкинварцвери, сделали их розовыми, живыми; скользнули ниже, к альпийским лугам, в тесные заросли дуба, бука, ели; заиграли на быстрых студеных водах горных рек.

Вместе с солнцем в распахнутые окна ворвалась медь оркестров. Ной удовлетворенно улыбнулся. Он вспомнил:

современник Пушкина декабрист Одоевский мечтал, что через тысячу двести лет наста-нет пора, когда на улицах городов российских слышна будет доступная народу музыка. Прошло меньше столетия, и вот гремят оркестры. Музыка и песни в честь пролетарского праздника на берегах вечно беспокойного, «погибального», как говорили в Государственной думе, Терека.

Впрочем, сейчас Терская республика более походила на обетованный остров, вокруг которого бушевали, ярились волны контрреволюции и иностранной интервенции. В Таганроге и в Батуме, в приемных у командующих немецкими оккупационными войсками послушно ждали своего часа русские белогвардейцы, украинские гайдамаки, грузинские меньшевики, азербайджанские мусаватисты. В Константинополе доставленное из Батума на немецком угольщике «правительство независимой Северо-Кавказской республики» заключило «дружеский» договор с императорским оттоманским правительством, по которому «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления политических стремлений цивилизованных слоев Северного Кавказа».

Уже севернее, восточнее, южнее Терской республики сосредоточивались немецкие и турецкие дивизии. Летом 1918 года пушки неминуемо снова должны были заговорить и на Тереке.

И все-таки сегодня впервые за свои тридцать шесть лет Ной Буачидзе встречал международный рабочий праздник окрыленный победой, как человек, дождавшийся торжества своих идей. Теперь он был не только агитатором, борцом против старого, но и строителем нового, главой народного правительства.

Втайне от всех (это проскользнуло только в письме к брату Николаю Григорьевичу) Ной твердо решил, что как только на Тереке воцарится мир, он уйдет из правительства, займется пропагандистской, а еще лучше — педагогической деятельностью. Но пока он был главою правительства и все энергичнее пользовался своей властью. По его приказанию за несколько часов до праздника управляющий делами Совета Народных Комиссаров Колка Кесаев распространил экстренные сообщения. Первое из них касалось тянувшихся весь апрель бесплодных переговоров народного комиссара труда и промышленности с представителями господина Дюкенна о возобновлении работ на заводе, обогатительной фабрике и рудниках акционерного общества «Алагир». Начав с того, что «владельцам невыгодно пустить предприятие до тех пор, покуда не будут выяснены возможности конкурировать на зарубежных рынках, а также

последствия нового таможенного договора Украины с соседними государствами», представители Дюкенна в конце концов потребовали субсидии в один миллион рублей и гарантии того, что «все убытки будут покрываться правительством Терской республики». В то же время рабочие делегаты сообщали, что на складах акционерного общества хранятся большие запасы топлива и сырья для производства кислоты, удобрений и других химических продуктов.

Вчера Ной Буачидзе своей властью написал резолюцию: «Ввиду явного нежелания открыть действия на предприятиях общества «Алагир» принять завод во Владикавказе и Садонские рудники с Мизурской обогатительной фабрикой и всем имуществом горнохимического общества, арендованного А. Дюкенном, в чем бы оно ни состояло, в собственность Терской республики.

Завод и рудники пустить в двухдневный срок.

Рабочее время на всех предприятиях и хозяйствах, независимо от их размеров и от того, кому они принадлежат, не должно превышать восьми часов в сутки и 46 часов в неделю, включая сюда и время, употребляемое на чистку машин и приведение в порядок рабочего помещения.

Рабочее время не достигших восемнадцати лет не может быть продолжительнее 6 часов в сутки».

Второе сообщение Совета Народных Комиссаров, также приуроченное Ноем к празднику 1 Мая, касалось неотложных нужд народного образования Грамотность среди осетинского населения в ту пору не превышала десяти-двенадцати процентов. Грамотных кабардинцев, балкарцев, ингушей и чеченцев было и того меньше. Да и во Владикавказе обстояло немногим лучше. «Классы реального училища, — сообщала одна из газет незадолго до революции, — как известно, помещались в одном здании с баней Береславцева. Санитарная комиссия признала такое совместительство недопустимым. А администрация училища утверждает, что другого помещения в городе будто бы нет. С закрытием этих классов на улицу выброшены еще двести сорок учеников».

Вместе с Яковом Маркусом, народным комиссаром просвещения, блестящим организатором и талантливым педагогом, Буачидзе разработал декрет о коренном преобразовании школ и обязательном бесплатном обучении.

Из чрезвычайно скудных средств отрезанной от Центральной России Терской республики Ной сумел выделить довольно большую сумму на открытие национальных школ, созыв учительских съездов в горских национальных районах,

организацию издательств на горских языках, на открытие народных курсов в Пятигорске и срочное окончание строительства Дома народного чтения во Владикавказе.

К одиннадцати часам утра манифестанты с красными знаменами подошли к кадетскому корпусу. (Там после Пятигорского съезда помещался Народный Совет.) Играли военные и рабочие оркестры, музыканты из китайского батальона. Вскоре показалась группа вооруженных всадников. Это приехали из ближайших к городу осетинских селений члены партии «Кермен». Немного позже появились ингуши из Базоркино. Подоспели и казаки-фронтовики.

Буачидзе поднялся на трибуну. Он огласил телеграмму, только что полученную по железнодорожному телеграфу со станции Назрань:

«Мы, железнодорожники и ингуши, занятые восстановлением пути между Бесланом и Грозным, устроили собрание на месте работы и вынесли такую резолюцию: решили не останавливать работы в наш светлый первомайский праздник, но каждый в своем сердце празднуем его и приветствуем наших товарищей во Владикавказе. Председатель собрания Литвинов».

— От имени Совета Народных Комиссаров, — продолжал Ной, — если вы позволите, от всех участников митинга мы тотчас же пошлем ответную телеграмму, поблагодарим товарищей, проявивших высокую сознательность.

Вы знаете, на всех национальных съездах и на войсковом круге казаков делегаты справедливо требовали немедля открыть железнодорожное сообщение. Я вместе со всеми поднимал руку, голосовал за это необходимое дело. И, как большинство делегатов, не представлял, как велики разрушения. Двадцать семь километров железнодорожного пути совсем исчезли, рельсы куда-то увезены, шпалы вывернуты, спалены. Шесть мостов уничтожены… Теперь работы остается всего на несколько дней. Спасибо русским рабочим-железнодорожникам, спасибо их добровольным и бескорыстным помощникам, ингушским крестьянам.

Революционная дисциплина и самопожертвование во имя впервые обретенной пролетариатом Отчизны приведут нас к празднику возрождения всей страны…

После митинга Буачидзе попросил всех участников считать себя гостями правительства. Комендант Народного Совета с несколькими добровольными помощниками выкатил бочки с пивом, расставил столы с бутербродами.

Неделю спустя, в среду, 8 мая, в 2 часа дня по петроградскому времени, было соединено железнодорожное

полотно.

В четверг около полудня два празднично украшенных паровоза доставили из Грозного первый товарный состав — пятьдесят цистерн с нефтью. К тому времени народное правительство, не колеблясь, национализировало все нефтяные промыслы, взяло на себя тяжкую заботу о восстановлении и немедленном пуске всех не охваченных пожаром скважин.

Май, как никакой другой месяц, был богат событиями. В ночь со второго на третье член Пятигорского военно-революционного штаба, бывший кустарь-сапожник Нижевясов поднял мятеж. Пьяные приспешники Нижевясова арестовывали и расстреливали большевиков, грабили магазины и квартиры.

Недели за три до мятежа Нижевясова Ной получил из Ростова телеграмму от Серго Орджоникидзе. Серго сообщал, что по предложению Ленина назначен чрезвычайным комиссаром Крыма, Донской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку. Отныне все местные совнаркомы, Советы, ревкомы, военно-революционные штабы, флот должны действовать в полном контакте с чрезвычайным комиссаром, как представителем центральной власти.

«На твою поддержку, Ной, я надеюсь в первую очередь», — дружески писал Серго. Он просил, не медля ни часу, выслать хотя бы полторы-две тысячи обученных бойцов под Таганрог, где срочно создавался заслон против наступавших с Украины гайдамаков и немцев.

Тогда ближе всего к Таганрогу и наиболее многочисленным был отряд Нижевясова. Он имел пулеметную роту, несколько батарей, кавалерийские подразделения. Этот отряд и послали на фронт.

Еще через несколько дней Буачидзе направил в Ростов за оружием для второго батальона, сформированного из рабочих Владикавказа, демобилизованного солдата Кавказской армии Якова Сидорова. Ной, конечно, надеялся на помощь Серго, да и у Сидорова были хорошие связи. В Ростове Якова Никифоровича хорошо знали в рабочей революционной среде. Он был первоклассным мастером, кузнецом и партийным боевиком. В камере ростовской тюрьмы в начале 1913 года завязалась дружба Сидорова с Сашей — Алексеем Александровичем Гегечкори. После революции друзья — они называли себя побратимами — очень много сделали для создания вооруженных сил Терской республики[38]. Оба показали себя незаурядными военачальниками.

С письмом Буачидзе Сидоров явился в штаб чрезвычайного

комиссара, помещавшийся в гостинице «Палас-отель» — в самом центре Ростова на Таганрогском проспекте. В той же гостинице в небольшом помещении жил Серго. Он повел Якова Никифоровича к себе ночевать, познакомил с женой Зинаидой Гавриловной, долго расспрашивал о Ное, о положении дел на Тереке.

Рано утром в дверь кто-то нетерпеливо постучал. Вошел Нижевясов в новом офицерском кителе, бриджах, в шевровых сапогах. Правая рука на перевязи. Небрежно поздоровался, спросил:

— Зачем звали?

Орджоникидзе побагровел:

— Идите в штаб, там поговорим. И не кокетничайте ранением. Мне известно, что шальная пуля оцарапала вам два пальца. Гайдамаков вы в глаза не видали, станицы грабили… Ступайте!

По возвращении Сидоров рассказал Буачидзе о поведении Нижевясова.

— Он, мерзавец, и близко к Таганрогу не подходил, разбойничал в станицах. Чрезвычайный комиссар хотел его расстрелять, потом подобрел, сказал, что это не поздно будет сделать и через несколько дней, может быть, горлопан все-таки образумится.

Ной схватился за голову: нечего сказать, помогли Серго. Надо сейчас же поставить в известность председателя Пятигорского Совета Анджиевского, послать в отряд Нижевясова крепких большевиков.

Председатель Пятигорского Совета Григорий Григорьевич Анджиевский был прекрасным человеком, безгранично преданным революции, но совсем неопытным руководителем. Слишком часто он принимался воевать против ветряных мельниц. Ему все казалось, что терская партийная организация, Буачидзе и народные комиссары ведут неправильную политику. В одном из своих выступлений перед довольно широкой аудиторией Анджиевский заявил:

— Терский Народный Совет и Совнарком, беря вправо, равняются на правые соглашательские партии и реакционное казачество.

Еще в январе, во время Моздокского съезда народов Терека, Анджиевский объявил себя «левым большевиком» и решительно осудил Буачидзе и Кирова за создание «социалистического блока». Позже он всячески подчеркивал, что «в Пятигорске нами установлена железная диктатура пролетариата». И тут же жаловался: «Пятигорск населен обывателями и полубуржуями. Из улицы в улицу, из дома в дом надо идти с метлой и винтовкой».

Ной все пытался понять, откуда бы это? Анджиевский прошел нелегкий путь, много испытал, жизнь не скупилась на суровые уроки.

Григорий был сыном сосланного на азовское побережье поляка-рыбака и еврейки из богатой фанатичной семьи. Пятнадцати лет от роду она бежала из дому, чтобы выйти замуж. Григорию едва исполнилось три года, когда умер, простудившись во время шторма, отец. На руках у все еще очень красивой, но совершенно не приспособленной к жизни матери осталось шестеро ребят. Туберкулез быстро унес ее.

Мальчик-сирота служил учеником в лавке, рассыльным в типографии. Из Темрюка Григорий пеш-ком, без копейки денег добрался до Ростова. В конце концов ему удалось устроиться учеником в наборный цех газеты «Приазовский край». Паренек понравился рабочим, его охотно учили мастерству, со временем вовлекли в социал-демократический кружок. В начале войны подпольная группа была разгромлена. Пожилых отправили на каторгу, а молодых, таких, как Григорий, погнали на фронт. Солдатом Анджиевский был храбрым, смекалистым, но… «за дерзкую агитацию среди нижних чинов» его наказали розгами.

После ранения в феврале 1917 года Григорий Анджиевский попал в Пятигорск. На митинг в «цветнике» его привела медицинская сестра. Сначала Григорий очень стеснялся своего короткого госпитального халата, потом все-таки не стерпел, пробился к трибуне, выступил, благо обладал он незаурядным даром слова.

Все более увлекаясь игрой в самостоятельность и «оппозицию» Терскому Совнаркому, Анджиевский и сейчас расценил предупреждение Ноя относительно Нижевясова как нежелательное вмешательство в деятельность Пятигорского Совета. Зато времени не терял Нижевясов. Он снял отряд с фронта и вернулся в Пятигорск.

Аппетит, известно, приходит во время еды. Вдоволь пограбив на Дону, Нижевясов теперь пожелал «очистить» ближайшие к Пятигорску станицы. С группой своих приспешников он пришел на заседание президиума Совета и с места в карьер потребовал, чтобы Анджиевский подписал приказ о разоружении станиц Пятигорского отдела. Авантюрист хотел этим путем поднять свой авторитет «революционера», а главное — на вполне «законных» началах — пограбить. Анджиевский заявил, что ни он, ни кто иной из работников Совета такого приказа не подпишут и никакого разоружения мирных станиц не допустят.

— Я давно подозревал, что вы продались буржуям! — разгневанно объявил Нижевясов и приказал арестовать всех

членов Совета.

На рассвете Анджиевскому удалось бежать. Но даже в этот критический момент он попытался возобновить игру в самостоятельность. 9 мая на собрании членов Пятигорского Совета Анджиевский честно признал:

— Видя, что советская власть у нас в городе находится на краю гибели, мы решили в самом спешном порядке приступить к организации силы. Бросились в Ессентуки, где нас чуть не расстреляли, затем в Кисловодск и, наконец, в Георгиевск. Нашли очень мало реальной силы. Что делать? Вдруг узнали, что на бронированном поезде из Владикавказа приехал Буачидзе. Товарищ Ной находился в большой опасности. Над ним издевались и чуть было не совершили самосуд. Был момент, когда приложили револьвер к его виску.

В Пятигорск Ной приехал вместе с командующим революционными силами Северного Кавказа А. И. Автономовым, бывшим хорунжим 39-го Донского казачьего полка. Невысокий, худощавый, в золотых очках, Автономов мало походил на героя многих жестоких боев, каким он в действительности был. После смелого революционного выступления осенью 1918 года на съезде казачества в Киеве Автономов пользовался большой популярностью среди фронтовиков.

Во время боев под Екатеринодаром с частями генерала Корнилова Автономов уже имел под своей командой тридцать-сорок тысяч бойцов. В дальнейшем он под руководством Серго Орджоникидзе формировал национальные части из горских народов, сражался с белыми на Северном Кавказе. Вместе с Серго в феврале 1919 года Автономов отступил в горы, где умер от тифа.

На вокзале в Пятигорске Буачидзе и Автономова ждал крепко сложенный коренастый человек с тонким интеллигентным лицом. Это был художник и поэт, несколько лет проживший в Париже после бегства с сибирской каторги, большевик Оскар Лещинский. В октябре 1917 года по поручению Военно-революционного комитета Лещинский с несколькими матросами занял Центральный телеграф в Петрограде, был его первым комиссаром. Сейчас в Пятигорске Лещинский оказался проездом. Он возвращался из районов, захваченных турками. По своей инициативе Оскар хорошо изучил обстановку, завел знакомства в отряде Нижевясова и спешил поделиться важными наблюдениями.

— Надо действовать смело и быстро, — советовал Лещинский. — Многие участвуют в мятеже против своего желания, из боязни быть расстрелянными. Вторая рота не

выходит из казарм. Гаубичная батарея и часть пулеметчиков ночью ушли куда-то в сторону Ессентуки. Все зло в самом Нижевясове.

Не успел уйти Оскар Лещинский, как в вагон ввалился Нижевясов.

— Зачем приехали? Кто звал?

Буачидзе оборвал Нижевясова.

— Вопросы буду задавать я. Прежде всего требую объяснить, почему отряд покинул фронт, как вы посмели арестовать членов Совета?

Нижевясов начал стучать кулаком по столу.

— Я от Терского Совнаркома ничего не прошу, и вы в мои дела не вмешивайтесь! Мой отряд будет существовать сам, а станете мне мешать, я и Совнарком разгоню. Или убирайтесь из Пятигорска, или расстреляю. Пушки двух батарей уже наведены на вокзал! — кричал авантюрист.

Угроз Нижевясова не испугались. Его тут же обезоружили и заперли в купе. Тем временем к вагону подошли несколько десятков мятежников. Чтобы избежать кровопролития, Буачидзе заставил Нижевясова крикнуть в окно вагона:

— Все идет по-хорошему, приказываю всем отправиться на места!

Сам Ной без оружия и охраны пошел на Подкумск в казарму артиллеристов-мятежников, отличавшихся особой приверженностью к Нижевясову. Встретили Буачидзе враждебно, сорвали с него шляпу, оскорбляли, угрожали самосудом. Ной возможно спокойнее сказал, что к смертной казни его приговорил царский военный суд еще после первой русской революции.

— Убить меня вы всегда успеете, я полностью в вашей власти, будьте же людьми, дайте произнести последнее слово.

Согласились, что желание справедливое. Ной получил возможность говорить. Потом уже сами артиллеристы проводили Буачидзе до бронепоезда.

Ночью Буачидзе подписал смертный приговор Нижевясову. Тот стал плакать, просить:

— Вы не простой мужик, вы интеллигент. Зачем вам моя кровь?

Ной сказал:

— Нет, теперь не унижайся, не проси. Сумей хотя бы умереть как человек!

Порядок в Пятигорске, а затем в Кисловодске и Ессентуках был восстановлен, но разногласия между Буачидзе и Анджиевским вновь разгорелись. На заседании исполкома Пятигорского Совета Ной категорически потребовал:

— Победа, Григорий Григорьевич, дана вам нашими руками, а потому извольте работу Совета и его политику ввести в намеченные нами рамки. Надо переизбрать Совет, чтобы все демократические элементы приняли в нем участие. Надо привлечь старое офицерство для технической работы в войсках. У вас в Пятигорске живут такие выдающиеся военачальники, как Николай Владимирович Рузский и Радко-Дмитриев, болгарин по происхождению. Оба они не имеют ни малейшего отношения к контрреволюции[39].

Прочтите напечатанную сегодня в газете «Народная власть» речь Радко-Дмитриева на митинге в Ессентуках, посвященном защите Терской республики. «Я ни на один момент не сомневаюсь, — сказал генерал, — в том, что русская революция открывает новую эру для всех народов, и нет также никакого сомнения в том, что после мировой войны вся Европа придет в состояние революционного брожения.

Оборона России сейчас имеет особенно важное значение, и народ, сбросивший цепи, сумеет это сделать».

— В переговорах со мной и Автономовым, — продолжал Ной Буачидзе, — Радко-Дмитриев заявил, что он привлечет к работе в штабе северокавказских войск ряд опытных офицеров. Что касается генерала Рузского, то болезнь и преклонный возраст не позволяют ему сейчас стать активным членом штаба, но он готов подавать нужные советы и участвовать в разработке планов боевых операций.

На все это Григорий Анджиевский ответил:

— Задачи, которые поставил перед нами Буачидзе, расходятся в корне со взглядами большевистской фракции Пятигорского Совета. Призывать Радко-Дмитриева и других генералов мы считаем преступлением.

Далее Анджиевский обвинил Ноя в том, что он ведет неправильную национальную политику и совершенно не по-большевистски подобрал состав народных комиссаров.

— Раз политика Терского Совнаркома такова, мы уходим! — воскликнул Анджиевский.

По требованию Буачидзе собралась большевистская организация Пятигорска. Ной терпеливо докладывал:

— Нельзя работать опрометчиво. Нельзя, наконец, идти напролом и на все смотреть только со своей пятигорской колокольни. Во Владикавказе тоже сидят коммунисты. Но они учитывают, что Кавказ — это не Центральная Россия и что отсталость местных национальностей и их национальная рознь требуют от нас некоторых компромиссов.

Верно, что из четырнадцати народных комиссаров лишь трое

большевиков: Яков Маркус, Юрий Фигат-нер и ваш покорный слуга. Военный комиссар Яков Бутырин — меньшевик-интернационалист. Ингуш Гапур Ахриев и чеченец Асланбек Шерипов — беспартийные. В ходе борьбы, уверен, они неминуемо станут большевиками. Совсем не исключено, что часть членов правительства и Народного Совета из числа меньшевиков и эсеров в будущем окажется по другую сторону баррикад. И тогда придется с ними беспощадно бороться. А сейчас мы не можем позволить даже такому уважаемому нашему товарищу, как Анджиевский, устрашать партийную организацию правой опасностью, якобы исходящей из Владикавказа.

Слишком близки от Терека дивизии кайзера Вильгельма, гайдамаки, турецкие аскеры. В прошлом месяце Закавказский сейм, подстрекаемый из Берлина и Константинополя, объявил Закавказье «независимой федеративной республикой», порвал с Советской Россией. Далеко не покончено с контрреволюцией, с враждебным нам подпольем и внутри республики.

Анджиевский любит называть себя «левым большевиком». Я не хочу проводить аналогию — преданность Григория Григорьевича и его кристальная честность не подлежат сомнению, но не могу умолчать о том, что мы с народным комиссаром внутренних дел Юрием Фигатнером отсюда направляемся в Кизляр, где терроризирует население группа «сверхреволюционеров», назвавших себя «зубастыми большевиками».

Неизвестно откуда появившийся некий солдат и бывший кизлярский городской голова меньшевик Амирагов распространили объявление о том, что в помещении женского монастыря они открывают «запись в настоящую социал-демократическую партию «зубастых большевиков». Каждому записавшемуся положено жалованье. Навербовав около двух тысяч человек, «зубастые» разогнали мягкотелый Кизлярский Совет и потребовали от жителей миллион рублей контрибуции. Это в заштатном-то городишке!

Левые не преминули обзавестись и «революционным» трибуналом. Во главе его поставили бывшего служащего полиции Алиева. Приговоры этого трибунала обжалованию не подлежали, поскольку Кизляр был объявлен совершенно независимым от Владикавказа или от какого-нибудь другого центра, и приводились в исполнение здесь же, в ограде монастыря.

Я приглашаю Анджиевского поехать со мной и в натуре познакомиться, что это за фрукты «зубастые большевики», — не без лукавства заключил Ной.

Собрание большевиков Пятигорска по предложению Буачидзе

потребовало от Анджиевского взять обратно заявление об отставке, остаться председателем городского Совета и прекратить «оппозицию». Работа Совета Народных Комиссаров и его председателя получила высокую оценку и на областной партийной конференции, состоявшейся вскоре в Грозном.

Коммунисты Терека единодушно выразили «полное доверие политике и тактике тов. Буачидзе, как председателя Терского Совета Народных Комиссаров».

Анджиевский подчинился, работал, и все-таки Ной чувствовал, что Григорий не убежден до конца, что в душе он еще сохраняет сомнение.

— Знаешь что, Григорий Григорьевич, — предложил Буачидзе, — поезжай в Москву, добивайся приема у Ленина или у наркома по делам национальностей Сталина. Откровенно выскажи все свои сомнения, мысли, так же честно изложи мои позиции. Пусть наши руководители решат — я всегда подчинюсь и, если в чем ошибся, честно исправлю. В национальном вопросе, особенно у нас на Тереке, малейшая путаница, и та очень опасна!

Анджиевский побывал у Ленина. Вернувшись в Пятигорск, Григорий созвал городской Совет и доложил:

— Я, товарищи, ошибся. Политика местной колокольни бесповоротно осуждена. Ленин не только раскритиковал мою линию, но сказал, что политика Буачидзе единственно возможная. Национальный вопрос на Кавказе можно решать только так.

20

В последнюю ночь перед открытием III съезда народов Терека в Грозном Буачидзе удалось связаться по прямому проводу с

народным комиссаром РСФСР по иностранным делам Чичериным. Георгий Васильевич Чичерин, хорошо знавший Ноя по эмиграции, не отказал себе в удовольствии пошутить:

— Что же это вы, батенька, себе позволяете, ай-ай-ай, выставили правительство «независимого Северного Кавказа». Из-за вас уважаемому миллионеру Чермоеву и его коллегам пришлось путешествовать в Константинополь. Вот вы какой оказались, наш милый, застенчивый товарищ Ной!

А теперь слушайте внимательно. Я познакомлю вас с содержанием ноты, посланной в Денежный переулок графу Мирбаху. Читаю текст: «По поводу переданной вчера Народному Комиссариату по иностранным делам Германским дипломатическим представителем императорским посланником графом Мирбахом радиотелеграммы, заключающей в себе заявление так называемого «правительства Союза горцев Кавказа» о том, что этот союз объявил себя самостоятельным государством, простирающимся от Черного моря до Каспийского, Народный Комиссариат считает долгом указать, что народы и племена Черноморского побережья Кубани, Терека и Дагестана давно уже высказались на своих демократических съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией. Против попытки небольшой кучки попрать волю широких слоев своего народа, а также узурпации власти этой кучки Российская советская власть будет выступать самым решительным образом».

Что я вам могу еще сказать? Американская газета «Нью-Йорк таймс» призывает президента Вильсона: «Необходимо подготовить крупные силы для использования их в Персии и на Северном Кавказе. Возможно, что это направление — важнейшее для союзников. Первоочередная задача союзников — занятие важнейших нефтяных районов Кавказа».

Тифлисские газеты вы, верно, получаете раньше, чем мы в Москве, поэтому не буду касаться их сообщений. Пишут о вас много и зло, отсюда заключаю, что работаете успешно…

Ной согласился, что на отсутствие внимания со стороны грузинских меньшевиков жаловаться не приходится. На этих днях их газета «Борьба» на первой странице афишировала: «Терский Совет Народных Комиссаров — это осиное гнездо большевизма в горах Кавказа — распался. Во Владикавказе политический переворот».

— Об этом я обязательно расскажу Владимиру Ильичу, пусть посмеется, — пообещал Чичерин.

Затем Ной спросил, дошли ли до центрального правительства резолюции чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, казачьей и иногородней фракций Народного Совета, в которых

они заявляют, что «народы Терека составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной республики и выражают свое удивление политической близорукостью и наивностью турецкого правительства, которое могли ввести в заблуждение проходимцы».

Чичерин подтвердил: документы получены, их читал Ленин, сейчас они у наркома по делам национальностей. Очень возможно, что Сталин выступит со статьей.

— В таком случае, Георгий Васильевич, не откажите в любезности, — попросил Ной, — передайте Сталину, что шестнадцатого мая в Москву выехал Киров[40].

Телеграмма: «Совнаркомиссаров Москва, Владикавказа, получ. пчт. РстДона.

Терский обл. нар. Совет своем заседании 27 апреля решил послать к вам чрезвычайную делегацию в составе товарищей Шерипова и Кирова для освещения положения в Терской области

НР 052 Комиссар внутренних дел Фигатнер».

Шерипов поехать не сумел. В далекий и опасный путь через фронты, образовавшиеся на Дону и Кубани, в Москву к Ленину отправился один Сергей Миронович. Ною очень не хотелось отпускать Кирова, душу томили нехорошие предчувствия. Нельзя подавать и виду. Поездка необходима. От нее во многом зависела судьба республики. Касса Терского банка катастрофически пустела, в ход уже пошли почтовые марки, банкноты собственного производства. Еще хуже обстояло дело с оружием. Патроны приходилось покупать по пяти рублей за штуку.

Киров был очень весел, затащил провожающих в станционный буфет По кругу пошли две оловянные кружки с вином. Бетал Калмыков по-братски поделил подаренные ему кем-то из кабардинцев кукурузные лепешки. Когда поезд тронулся, Киров крикнул из окна вагона.

— Ждите меня со щитом или на щите, но обязательно вернусь!

Сергей Миронович смог вернуться лишь несколько лет спустя, когда Буачидзе давно уже не было в живых.

Добравшись до Москвы, Киров с удивительной энергией и напористостью принялся готовить экспедицию на Терек. Его первым помощником стал хорошо знакомый Ною Оскар Лещинский. Делали вот что.

1 июня 1918 г. «В тыловую мастерскую Северного фронта. Бежецк.

Всероссийская коллегия по вооружению Красной армии приказывает отпустить тов. Лещинскому для нужд Терского Народного Совета пулеметов «максим» — 70, машинок для

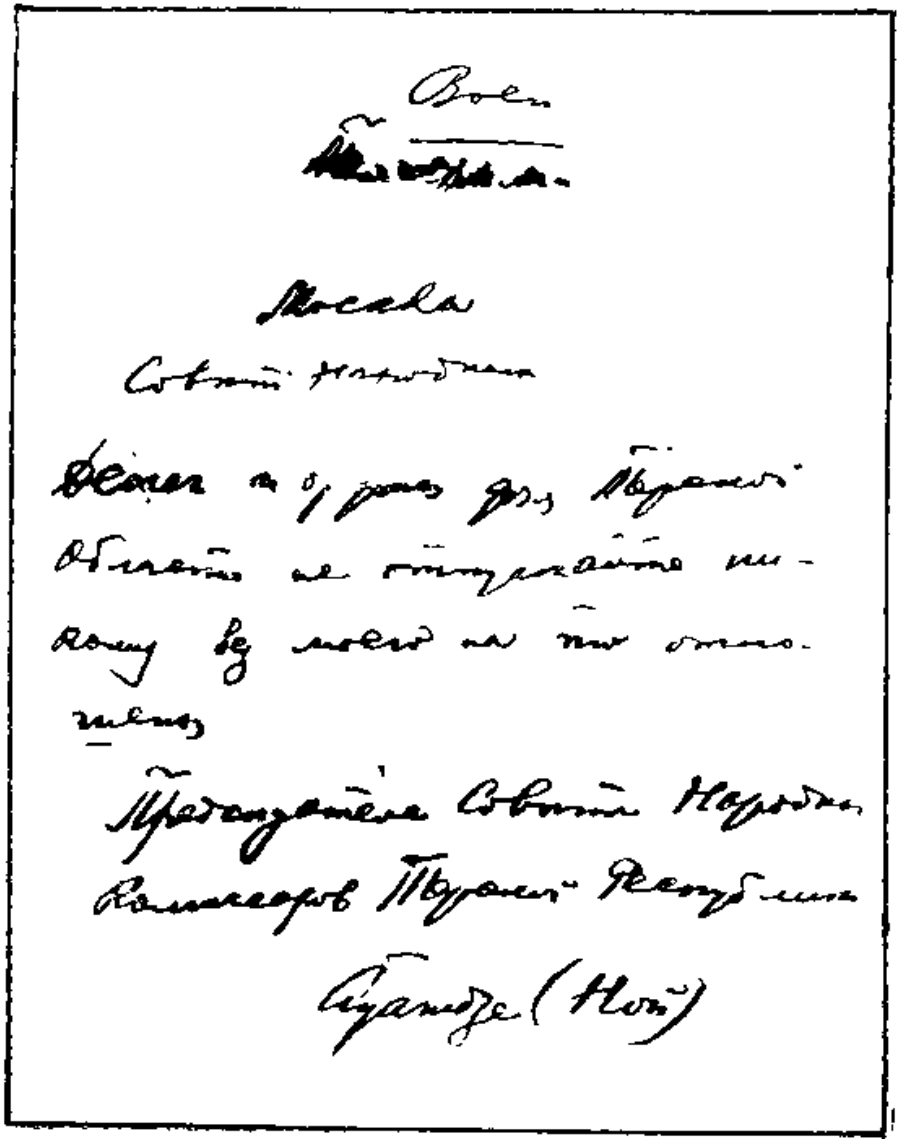
набивки лент — 2, русских винтовок трехлинейных — 10 тысяч. Заведующий распределением оружия» (подпись).

2 июня. «Всероссийская коллегия просит выдать т. Лещинскому для нужд Терского Народного Совета патронных ящиков с пулеметными лентами системы «максим» — 1 000 штук и системы «кольт» — 300 штук».

11 июня. «Расписка. Получил от тов. Кирова тридцать пять тысяч рублей на организацию первого транспорта военного снаряжения от Москвы до Владикавказа. Лещинский».

Он имеет поручение от партийной организации и Совнаркома осветить положение дел и разрешить в Центральном Комитете и правительстве все наши насущные вопросы.

1 июня в «Правде» действительно появилась большая статья И. В.Сталина «О Донщине и Северном Кавказе (факты и махинации)». До Владикавказа московские газеты тогда уж не доходили, и Ной не смог прочесть этой статьи, весьма положительно расценивавшей работу всех трех съездов народов Терека. Зато в начале июня, на второй или на третий день после приезда Сталина в Царицын, он сам по телеграфу обратился к Буачидзе.



Автограф письма С. Г. Буачидзе в Совнарком РСФСР.

Они знали друг друга давно. Первое знакомство произошло летом 1905 года. В Кутаисе от туберкулеза умер Александр Цулукидзе — выдающийся деятель революционного движения в Закавказье. Вместе со Сталиным и Ладо Кецховели он представлял революционное марксистское крыло «Месамедаси»— первой грузинской социал-демократической организации. Блестящий публицист и пламенный агитатор, Цулукидзе пользовался большой любовью. На его похороны со всей Грузии устремились тысячи людей. Ной Буачидзе и Георгий Елисабедашвили представляли белогорскую социал-

демократическую организацию.

По дороге в Кутаис Ной несколько раз спрашивал Елисабедашвили:

— Как ты думаешь, Коба придет?

— По-моему, обязательно придет, — отвечал Георгий. — Сам знаешь, Коба и Саша были большими друзьями, как ты с Серго.

Сталин действительно пришел и произнес речь. Его выступление произвело на Ноя огромное впечатление. Он восторженно сказал Елисабедашвили:

— Коба помог мне убедиться, что мы на правильном пути.

К вечеру похоронная процессия достигла местечка Хони — родины Цулукидзе. После похорон в доме врача Полиэкта Кикалейшвили Буачидзе подошел к Кобе, они познакомились, разговорились. Ночью Ной вместе со Сталиным участвовал в дискуссии с меньшевиками.

Сейчас у Сталина — руководителя продовольственного дела на юге России, облеченного Советом Народных Комиссаров чрезвычайными правами, — было важное государственное дело к главе Терской республики Буачидзе. Нужно было как можно скорее открыть доступ к Каспийскому» морю и дальше, к Волге, хлебу и другим грузам Терека, всего Северного Кавказа.

Наиболее удобным и кратчайшим (около 75 верст) Сталину представлялся путь от Кизляра к станице Старотеречной. Там имелась естественная гавань, защищенная с юга и востока Аграханским полуостровом, с северо-востока — островом Чечень, а с севера — подводной косой, разбивающей моряну. В гавань свободно могли входить суда с осадкой тринадцать-четырнадцать футов. Местность, по которой должна была пройти железнодорожная ветка к гавани, — равнина, что облегчало земляные работы. Требовался всего лишь один небольшой мост через старое русло Терека. Новая гавань и Порт-Петровск могли бы ежемесячно грузить более полутора миллионов пудов хлеба. «Кажется, что это борьба только за хлеб, — говорил в ту пору Ленин, — на самом деле это борьба за социализм».

Осуществление проекта зависело от восстановления железной дороги между Хасав-Юртом и Порт-Петровском и строительства новой ветки, хотя бы облегченного военно-полевого типа, от Кизляра к Старотеречной. К этому делу Сталин и привлек Ноя Буачидзе.

По проводам Владикавказской железной дороги, простиравшейся от Ростова до Царицына, Ной связался с Серго, затем со Сталиным, который сразу же и охотно согласился на предложение Буачидзе установить некоторое разделение забот и труда. Силами и средствами Терской республики Ной брался в

короткий срок открыть движение поездов до Порт-Петровска, а руководство строительством новой линии от Кизляра рекомендовал поручить члену Центрального Комитета партии, бывшему председателю Совнаркома Донецко-Криворожской республики Артему (Сергееву).

10 июня Сталин телеграфировал Артему в Кизляр: «Двигайте быстрее дело постройки ветки, кончайте в один месяц. Деньги не жалейте. Совнарком готов на все материальные жертвы, лишь бы ветка была выстроена поскорее».

Днем позднее Сталин радировал Степану Шаумяну: «Линия Хасав-Юрт — Петровск будет исправлена во что бы то ни стало».

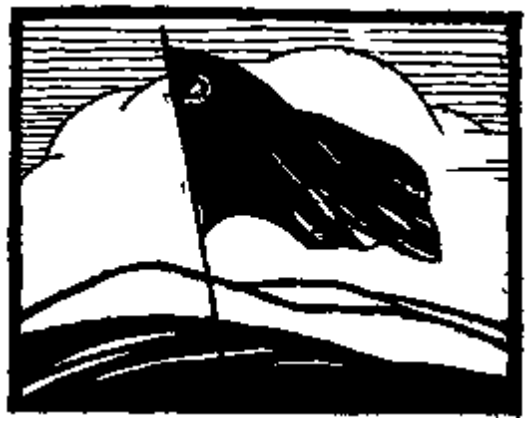
Ной успел выполнить и другое свое обещание. «Ввиду осады старой цитадели российской революции — города Баку темными бандами контрреволюции и крайне тяжелого продовольственного положения города, — телеграфировал Буачидзе, — предписываю всем начальникам станций Владикавказской железной дороги, всем Совдепам и районным комитетам все грузы, без исключения, принадлежащие бакинским продовольственным организациям, направлять немедленно по назначениям, указанным бакинскими особоуполномоченными. Представителям Баку оказывать всяческое содействие».

Во Владикавказе, в Минеральных Водах, в Георгиевске были погружены и под охраной бронепоезда и китайских добровольцев доставлены в Баку рабочим нефтепромыслов около пятидесяти эшелонов с зерном и продуктами.

Узнав об этом, Сталин полушутя, полусерьезно сказал Орджоникидзе:

— Серго, подскажи по старой дружбе Буачидзе, пусть он потребует от бакинцев в знак благодарности за хлеб, чтобы они последовали примеру Терского Совнаркома, перестали колебаться и национализировали нефтяные промыслы.

21



Ной тяжело болел и только 20 июня поднялся и рано утром направился в Совет Народных Комиссаров.

На большой поляне, рядом с бывшим кадетским корпусом, Буачидзе увидел толпу, окружившую аэроплан. Откуда бы это?

Он подошел и вскоре познакомился с двумя летчиками — Александром Русановым и Николаем Просвириным. Оказалось, сегодня в 5 часов 15 минут утра они поднялись с военного аэродрома под Тифлисом и в 7 часов 8 минут сели вот здесь на поляне. Летели над Главным Кавказским хребтом на высоте 3 870 метров. Кажется, никто раньше на такое не решался, но и обстоятельства были чрезвычайными. Они, военные летчики, не могли изменить присяге и служить интервентам, оккупировавшим Грузию. Летчики отдают себя в распоряжение советской власти.

— Вот и чудесно! — воскликнул Ной. — От имени народной власти я говорю вам спасибо, русские офицеры. К вам сейчас же приедет комиссар по военным делам товарищ Бутырин.

День начинался радостно. В приподнятом настроении Ной зашагал дальше. Через несколько минут он уже звонил из своего кабинета Бутырину, связался по телефону с редактором газеты «Народная власть» Георгием Ильиным.

Совсем еще молодого, коротко остриженного на гимназический лад, улыбчивого Георгия с легкой руки Кирова во Владикавказе называли «ходячей энциклопедией». По хорошей журналистской привычке Ильин всегда был в курсе событий. Но сейчас, к немалому удовольствию Ноя, редактор вынужден был признаться, что об аэроплане, перелетевшем через Главный Кавказский хребет, он слышит впервые. Впрочем, Георгий тут же нашелся и добавил: в завтрашнем номере дает триста строк репортажа и фотографии летчиков.

Посмеялись. Затем Буачидзе серьезно попросил:

— Георгий Николаевич, надо, не откладывая, лучше всего в завтрашнем номере и обязательно на видном месте, дать сообщение о том, что Чрезвычайная Комиссия заключила рассмотрение дела Беленковича. Честнейший революционер, смелый и дисциплинированный человек, он снова поставлен во главе отряда, прибывшего с ним из Ростова. Хорошо, что газета не побоялась в самый острый момент напечатать письмо группы красноармейцев его отряда. Это очень помогло!

Содержание этого письма Буачидзе хорошо помнил, не раз перечитывал в дни тяжелых раздумий по поводу судьбы человека, встречи и разговора с которым он, Ной, намеренно избежал.

— Пусть лучше разберется Чрезвычайная Комиссия в Екатеринодаре, — только и сказал тогда Ной.

Меж тем каждое слово письма заставляло больно сжиматься сердце:

«Товарищи читатели, нам мучительно слышать, что мы — изменники делу обороны Революции. Среди нас много революционеров, насчитывающих за собой несколько лет каторги или тюрьмы. Сам Беленкович — бедный белорусский крестьянин по происхождению — не мартовский социалист. Он инвалид империалистической войны, был приговорен при Николае к смертной казни.

Мы не дети революции, а ее творцы. Но гнусная, кошмарная провокация шла за нами по пятам и забегала вперед. Все время — от станции Кавказская до станции Беслан — нас встречали, думая, что едут гайдамаки или кадеты, германцы или даже бандиты. Невдалеке от станции Минеральные Воды Беленкович получил распоряжение Совета Народных Комиссаров Терской республики сдать оружие. Мы сложили его без всяких эксцессов, без единого слова ропота, хотя оружие это было освящено в боях против буржуазии, гайдамаков, германцев.

Дело теперь в Чрезвычайной Комиссии, и, всегда доверяя ей, мы будем ждать справедливого и беспристрастного товарищеского решения. Верим, что наш командир Беленкович еще поведет нас в бой за дело Революции» (подписи 37 человек).

Беленкович был начальником штаба резерва Южного фронта. По приказу чрезвычайного комиссара Орджоникидзе этот штаб занимался формированием новых частей для отправки на фронт, а также разоружением отрядов, потерявших боеспособность, вел борьбу с дезертирами, грабителями.

Из Ростова штаб и приданный ему отряд ушли за несколько часов до взятия города немцами. Пробиться на Царицын эшелоны Беленковича уже не смогли, пути были перерезаны. Оставалось двигаться дальше по Терской линии Владикавказской железной

дороги.

Приближение неизвестных эшелонов со стороны Дона, где уже хозяйничали войска кайзера Вильгельма, вызвало опасение. Тревога еще более усилилась, когда на запрос народного комиссара внутренних дел Юрия Фигатнера по железнодорожному телеграфу ответила, что «эшелоны идут усмирять восстание в Чечне и Ингушетии и помочь советской власти в борьбе с горцами».

На станции Минеральные Воды представители Совнаркома Юрий Фигатнер, Асланбек Шерипов и Яков Сидоров заявили Беленковичу, что в Чечне и Ингушетии, как и всюду в Терской республике, мир и спокойствие. Сохранение мира и укрепление советской власти требуют, чтобы эшелоны были разоружены. Фигатнер откровенно добавил:

— Мы уже научены горьким опытом только что ликвидированного мятежа Нижевясова, так что не обижайтесь… Свою преданность советской власти докажите немедленным исполнением наших условий.

Беленкович ответил, что как раз он первым докладывал чрезвычайному комиссару Орджоникидзе о ненадежности Нижевясова, и поэтому не нужно ставить на одну доску людей, не сумевших по обстоятельствам, от них не зависящим, выполнить приказ и попавших в ложное положение, с авантюристами и мародерами.

— Спорить бесполезно, — повторил Фигатнер.

— Вот приказ о сдаче оружия и всех ценностей, вывезенных нами из Ростова, — минуту спустя твердо сказал Беленкович. — Я прошу дать мне возможность встретиться, поговорить с Буачидзе. Он должен понять!

…Возможно, что Буачидзе встретился бы с Беленковичем и поверил бы, что тот действительно был не в состоянии выполнить приказ Орджоникидзе направиться в Царицын. Но… Ной боялся быть необъективным. Мягкий, кристально чистый, органически не терпящий малейшей лжи, Ной мучительно переживал несколько случаев, когда он, поверив честному слову, возвратил свободу политическим врагам, и те немедленно принялись снова вредить революции.

«Впредь я буду непримиримым», — сказал себе Ной и велел направить Беленковича под конвоем в Екатеринодар— в Кубанскую чрезвычайную комиссию. Теперь, когда все счастливо окончилось, Ной строго выговаривал себе: «Надо уметь видеть, что за человек перед тобой. Неспроста Владимир Ильич в каждом разговоре по прямому проводу требует: «Учитесь, товарищ Ной, управлять. Это архиважно!»

Ной вздохнул. Время было начинать прием. Одной из первых в кабинет вошла уже немолодая женщина. Увидев Ноя, остановилась, всплеснула руками:

— Батюшки, неужели это вы?

Ной поспешил обнять владелицу квартиры, где он жил в 1906 году, Любовь Владимировну Осипову.

— Почему же вы опять к нам не пришли, или теперь свою квартиру имеете?

Несложное дело Осиповой было благополучно разрешено, и Ной пошел проводить ее до крыльца. Навстречу спешил Яков Бутырин[41], красный, взволнованный. Новый, еще совсем не обношенный военный костюм висел как-то особенно неуклюже на сутулой спине военного комиссара. На левом стеклышке очков в железной оправе — они служили Якову Петровичу еще в ссылке — разбежались мелкие трещинки.

— В Апшеронские казармы проникли две сотни неизвестно откуда появившихся казаков! — издали крикнул Бутырин. — Они подбивают красноармейцев взять пушки, идти совместно на ингушей.

— Едем туда скорей! — тотчас же решил Ной.

Они сели в автомобиль и поехали на Тифлисскую улицу, в казармы. Навстречу попался открытый автомобиль английской военной миссии, обосновавшейся в старинном особняке на тихой улице Лорис-Меликова. Толстый полковник Пайк приложил руку к фуражке. Когда машина Ноя удалилась, Пайк весело подмигнул своему спутнику — они только что побывали в казармах. Пайк дал строгий приказ покончить, наконец, с Буачидзе.

Во дворе казармы шумела толпа — перемешались красноармейцы, казаки, сбежавшиеся на шум горожане. Ноя узнали, приветствовали, солдаты помогли ему взобраться на стол, заменявший трибуну.

— Куда и против кого вы собрались идти? — спросил Ной. — Разве вы не видите, что перед вами не трудовые казаки — провокаторы. Каждый, кому дорога наша республика рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, сейчас пойдет на свое место и даст возможность народной власти спокойно вести дела.

Выдвинувшийся вперед казачий есаул выкрикнул:

— Не слушайте защитника азиатов! Под станицей Терской ингуши льют кровь «наших братьев. Берите пушки! Русские вы чи турки?

Ной поднял руку:

— Я призываю вас сохранить мужество, твердость. Проклятое царское прошлое говорило сейчас устами того гражданина, который назвал трудящихся горцев азиатами. От старого строя

остался страшный яд, который отравляет наше сознание. Поэтому мы так легко поддаемся провокации. Я не сомневаюсь, вы все хотите мира. Довольно крови!

Из группы казаков-провокаторов грянули выстрелы. Ной пошатнулся, схватился рукой за шею. Попытался продолжать речь:

— Товарищи!.. Не давайте войне…

Захлебываясь кровью, Ной Буачидзе упал.

Бутырин доставил Ноя на автомобиле в центральную больницу — в недавнем прошлом военный госпиталь.

Видавшие виды хирурги молча склонили головы: три пулевые раны, и каждая смертельная. Пуля, вошедшая с правой стороны шеи, перебила крупные сосуды в грудной полости, последовало внутреннее кровоизлияние. Зияющая рана у десятого ребра. В правом надплечье большая дыра от разрывной пули, она раздробила ключицу и плечевые кости.

Не приходя в сознание, Ной умер.

…С полудня 20 июня Владикавказ был объявлен на военном положении. Без особого пропуска никто — ни пеший, ни конный — не смел покинуть город или въехать в его пределы. Начальник заставы, выставленной у много раз описанной русскими поэтами почтовой станции Ларе, китайский доброволец Лю Си на свой риск сделал исключение для седоков одного запыленного экипажа. Старший из путешественников, высокий грузин в полотняной блузе, протянул Лю Си сверток с винными ягодами:

— Пожалуйста, угощайтесь! Инжир из нашего сада. Мать сама собирала для Ноя… Не знаете, он сейчас во Владикавказе?

Лю отвел глаза. Нет, пусть кто-нибудь другой скажет брату Буачидзе — это был Николай Григорьевич — страшную правду.

— Извините, не могу ответить.

— Ничего, ничего, — по-своему понял замешательство китайца деликатный Николай Григорьевич. — Чхубиани будут знать.

Ночью Яков Бутырин и Сандро Чхубиани проводили братьев Буачидзе в больницу. Николай Григорьевич попросил до утра оставить их в маленькой комнате, где на железной солдатской койке лежал укрытый красным полотнищем мертвый Ной.

В это время в степи, на перегоне, стоял поезд. Роза в который раз устало спрашивала проводника:

— Когда двинемся, сколько еще до Владикавказа?

Утренние выпуски владикавказских газет известили, что в пять часов вечера 21 июня тело председателя Совета Народных Комиссаров Терской республики будет перенесено в здание

Народного Совета. Одновременно сообщалось, что на экстренном заседания Совнарком рассмотрел и удовлетворил просьбу братьев покойного: он будет похоронен в селении Парцхнали, в горах Западной Грузии.

22 июня Терская республика прощалась с главой своего правительства, бесстрашным солдатом ленинской гвардии товарищем Ноем. По обеим сторонам Александровского проспекта выстроился почетный караул: красноармейцы, ингуши, осетины, кабардинцы, казаки, китайцы. У гроба стояла Роза Шабалина. Она, наконец, приехала, но Ной, отдавший революции всю жизнь, не дождался своего друга.

В воздухе кружился аэроплан. Верные своей присяге, офицеры русской армии, военные летчики Александр Русанов и Николай Просвирин сбрасывали обращение терской коммунистической организации к населению Владикавказа. Просто и очень точно было написано: «Буачидзе не знал, что такое страх, отчаяние или жалобы. Своим влиянием он не раз предотвращал ужасные кровавые столкновения между народами, населяющими Терек. И любовь к нему загоралась всюду, где он появлялся… Надо так жить, чтобы так умереть».

Из Грозного и Кизляра, Нальчика, Пятигорска и Моздока, из Минеральных Вод и Порт-Петровска, из аулов Чечни, Ингушетии и Кабарды, из казачьих станиц и осетинских селений, из ближних и дальних мест — от всего разноплеменного и многоязычного населения Терской республики делегаты везли венки. Один венок, к немалому удивлению владикавказцев, был с белой лентой — венок от батальона китайских добровольцев. В Китае белый цвет считается траурным. Иероглифами была выведена надпись: «Ты жил для людей, ты погиб за людей, ты вечно останешься в наших сердцах, товарищ Ной».

Траурная процессия двинулась в путь. До границы с Грузией гроб сопровождал воинский эскорт от всех частей Владикавказского гарнизона. Свою программу встречи праха Ноя Буачидзе, оказалось, разработали и движимые чувством мести меньшевистские власти. Вопреки «гарантиям», данным по прямому проводу главой правительства, лидером меньшевиков Жордания, у въезда в село Казбек разыгралась дикая сцена. По наущению священника Кавкасидзе какие-то темные личности, кликуши, фанатики набросились на гроб.

«До сих пор я не в состоянии вспоминать об этом без содрогания, — говорит Нина Аладжалова, в ту пору член Кавказского краевого комитета партии. — Негодяи стали срывать и втаптывать в грязь изодранные в клочья венки, красные полотнища, сопровождали это оскорбительными выкриками по

адресу покойного товарища Ноя и большевиков. Когда Кавкасидзе выкрикнул, что в гробу не труп Буачидзе, а бомбы для восставших против меньшевиков душетских крестьян, произошло нечто совсем безобразное, чудовищное. Топором была сорвана заколоченная крышка гроба.

И только тогда, когда в гробу вместо оружия был обнаружен труп, погромщики отхлынули. Грузовик с братьями Буачидзе был отпущен».

Из Мцхеты гроб был отправлен поездом в Белогоры. По пути на всех станциях к вагону с прахом Ноя подходили рабочие, крестьяне, выражали свои симпатии покойному и сочувствие родственникам. На больших станциях и уж само собой в Белогорах возникали летучие митинги.

Три тысячи железнодорожников и крестьян 26 июня сопровождали гроб до Парцхнали. Там, не считаясь со строжайшим запретом и яростными угрозами меньшевиков, несколько часов длилась демонстрация, не расходился митинг. Было оглашено до тысячи телеграмм с соболезнованиями и клятвами продолжать дело товарища Ноя.

Две недели спустя на ранней июльской заре к Владикавказу подошел поезд чрезвычайного комиссара юга России Серго Орджоникидзе. В пути, на станции Прохладная, Орджоникидзе узнал от Якова Маркуса и Бетала Калмыкова о гибели Ноя. Серго попросил рассказать подробности.

— Расспросите Бутырина, на его глазах все это произошло, — прикрывая глаза вздрагивающей ладонью, ответил Маркус.

Бетал добавил:

— Так умереть не жалко. Смерть человека на него похожа.

Орджоникидзе пожал ему руку. Бутырина Серго знал хорошо. Еще в 1907 году они сидели в одной камере Баиловской тюрьмы в Баку.

Новая встреча друзей произошла на квартире Бутырина. Расцеловались, вспомнили юность, долгие разговоры в полутемной камере Баиловской тюрьмы, мечты..

— Я спрашивал о тебе у Ноя, — вполголоса произнес Серго. — В последний раз я говорил с ним по прямому проводу из Царицына за три-четыре дня до этого дикого убийства. Я понимаю, не виню, но свыкнуться, а тем более признать неизбежность этой смерти не могу… Расскажи, Яков…

— …Еще должен сказать тебе, Серго, — заключил свой невеселый рассказ Яков Петрович, — что в бумагах Буачидзе Маркус и редактор Ильин нашли проекты открытия во Владикавказе народной гимназии и создания первого на Тереке института — политехникума. Маркус берется сделать. Это было

бы самым лучшим ознаменованием памяти Ноя.

— Да, это в его духе. Ничего другого он бы не позволил, — решительно подтвердил Серго.

Мятеж «терского Керенского» — Бичерахова, бои в центре Владикавказа, стодневная осада белоказаками Грозного на время отложили осуществление дорогих Ною планов. Но как только приумолкли пушки, председатель Совета Народных Комиссаров Терской республики Яков Бутырин и чрезвычайный комиссар юга России Серго Орджоникидзе подписали положение о первой народной гимназии и Владикавказском политехническом институте.

1 декабря 1918 года Серго торжественно прибил к фасаду одного из лучших зданий города эмалевую табличку: «Народная гимназия имени Буачидзе».

Выдался ясный солнечный день. Мороза еще не было, но воздух стал заметно прозрачнее, и дали ощутимо приблизились. Отчетливо виднелись плоская вершина Столовой горы, под белоснежной скатертью и на дальнем плане почти совсем голубые вершины Мкинварцвери. Дальше, за Мамисонским перевалом, Серго угадывал кудрявые склоны гор Рачи, волнистые долины Имеретии, Белогоры, любимую поляну в глубине ущелья, где от мальчика Самуила Буачидзе он впервые услышал, что должны существовать люди, ведущие борьбу с самодержавием. Надо их искать и найти. Теперь мальчика Самуила, испытанного товарища Ноя, нет, и он, Серго, должен действовать за двоих.

Предаваться воспоминаниям было некогда. Тысяча восемьдесят семь маленьких гимназистов — мальчиков и девочек, взятых Терской республикой на полное свое попечение, — ждали, что скажет им большой человек в бурке. Серго бросил последний взгляд на горы, улыбнулся, может быть он увидел, как некогда, в разгар зимы, сотворив невозможное, во Владикавказ через забитый льдом и снегом Мамисонский перевал пришел Ной.

Так какую же речь сказать этим детям? Серго просто поделился своими мыслями.

— У Ноя Буачидзе была большая душа человека, который умел любить людей. Он хорошо знал, как и что надо делать для их счастья.

г. Орджоникидзе — Тбилиси
1956–1959 гг.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С Г. БУАЧИДЗЕ

1882 г., 5 (17) июня — В селении Парцхнали Кутаисской губерния родился Самуил Григорьевич Буачидзе.

1895 г., весна — Ученик Белогорского двухклассного министерского училища Самуил Буачидзе публично выступает против попечителя Кавказского учебного округа, позволившего себе оскорбить крестьянских детей. Школьный бунт.

1897 г., осень — С. Г. Буачидзе поступает в Кутаисское сельскохозяйственное училище. Олин из преподавателей, М. Г. Цхакая, вовлекает Самуила в подпольный политический кружок

1902 г., весна — В выпускном классе сельскохозяйственного училища С. Г. Буачидзе вступает а Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Осень — После окончания краткосрочных курсов по подготовке сельских учителей С. Г. Буачидзе получает назначение в один из самых глухих уголков Грузии — высокогорное селение Никорцмянда Там Буачидзе организовывает первый в Рачинском уезде социал-демократический кружок и первое профессиональное объединение учителей.

1903 г. — По настоянию Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП С. Г. Буачидзе возвращается в Белогоры. Он преподает в том самом двухклассном министерском училище, где когда-то учился вместе с Серго Орджоникидзе, и руководит подпольной, партийной организацией Белогорья, важного географического пункта, ключа к Сурамскому перевалу и Чиатурскому марганцевому бассейну.

1904 г. — Ночные сходки крестьян, тайные собрания в училище, в железнодорожных будках, на рудниках Люди ищут встречи с приезжим агитатором товарищем Ноем. Даже мать и отец Буачидзе не подозревают, что пожилой, рыжеватый, заметно припадающий на правую ногу человек — их двадцатидвухлетний сын Самуил.

1905 г., январь — март — С. Г. Буачидзе призывает к созданию рабочих комитетов на железнодорожных станциях и в горняцких поселках, крестьянских комитетов в деревнях. Вместе с учителем-большевиком Иакинте Маградзе Буачидзе формирует первую «красную сотню» — боевую вооруженную дружину.

Июнь — На похоронах выдающегося деятеля революционного движения в Закавказье Александра Цулукидзе С. Г. Буачидзе знакомится с И. В. Сталиным. Ночью, после демонстрации,

Сталин и Буачидзе участвуют в дискуссии с меньшевиками, громят их лидеров.

Август — Многолюдный митинг железнодорожников и крестьян на станции Марелиси. С. Г. Буачидзе зовет готовиться к решительной схватке. Полиция разыскивает Буачидзе. Он уезжает на Карскую линию Закавказской магистрали, устраивается рабочим в строительную артель.

Сентябрь — Кавказский союзный комитет РСДРП вызывает С. Г. Буачидзе в Тифлис — помочь организаторам всеобщей забастовки железнодорожников. Ожесточенные дискуссии с меньшевиками.

Октябрь — С. Г. Буачидзе участвует в Кутаисской губернской конференции большевиков, избирается в состав Имеретино-Мингрельского комитета, получает задание разработать план вооруженного восстания в Белогорье.

Декабрь — Боевые дружины Буачидзе разоружают Тенгинский пехотный полк и казачьи сотни, овладевают тоннелем на Сурамском перевале. Вся власть в руках революционных комитетов. Центральная администрация на Кавказе окрестила этот район Квирильско-Белогорской республикой.

1906 г., январь — Выполняя решения Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП, С. Г. Буачидзе распускает боевую дружину, прячет оружие. В разгар зимы Ной переходит через забитый льдом и снегом Мамисонский перевал на Главном Кавказском хребте, вырывается из плотного кольца сыщиков.

Февраль — апрель — С. Г. Буачидзе после недолгого пребывания на нефтяных промыслах Грозного обосновывается во Владикавказе — центре Терского казачьего войска — и организует подпольную типографию на квартире учительницы Елены Казахишвили. Разгром этой типографии полицией. Создание запасных «кочующих» типографий в разных районах Владикавказа.

Июнь — С. Г. Буачидзе с несколькими друзьями средь бела дня захватывает самую большую в городе типографию «Казбек», печатает прокламации и несколько тысяч экземпляров «Манифеста ко всем русским крестьянам». Ной проводит грандиозный митинг у Сапицкой будки, вблизи Владикавказа.

Октябрь — ноябрь — Терское областное жандармское управление нападает на след подпольной большевистской организации. Знакомые ингуши проводят С. Г. Буачидзе через горы в Грозный. Там также идут массовые аресты большевиков. Буачидзе едет в Ростов, оттуда — в Москву

1907 г., начало — С. Г. Буачидзе, по паспорту князь И. С. Абуладзе, устанавливает связь с московским большевистским

подпольем. Арест. Буачидзе категорически утверждает, что он бродяга, не помнящий родства, паспорт нашел в Поти на пристани. Охранке не удается установить, кем в самом деле является князь Абуладзе. «На всякий случай» суд приговаривает мнимого Абуладзе к четырем годам каторги и бессрочной ссылке.

Весна — Попытка С. Г. Буачидзе бежать из вологодской каторжной тюрьмы заканчивается провалом. Его избивают, заковывают в кандалы, бросают в одиночку.

1910 г. — С. Г. Буачидзе болеет в тюрьме сыпным и возвратным тифом, переносит воспаление легких. Во второй половине года каторгу заменяют ссылкой в одно из самых отдаленных глухих сел Якутии.

1911 г., май — С. Г. Буачидзе совершает побег из ссылки. Снова активная революционная работа в Грузии. Выступления на собраниях в Кутаисе, Батуме, в уездных центрах. Всего лишь несколькими месяцами раньше особое присутствие Кавказского военного суда заочно приговорило Буачидзе «как особо опасного главаря» к смертной казни.

Август — Неудачная попытка С. Г. Буачидзе уехать из Батума в Турцию. Его по пятам преследуют агенты охран-ного отделения и жандармы» Окольными путями Буачидзе пробирается в Новороссийск, оттуда в Одессу и, наконец, за границу.

1912 г. (сентябрь)—1914 г. (сентябрь) — С. Г. Буачидзе, по паспорту Калистрате Гурули, устраивается в Турции преподавателем русского языка. Он ведет непримиримую борьбу с окопавшимися в Турции грузинскими национал-демократами, социал-федералистами, всеми, кто стремится оторвать Грузию от России. Турецкие власти отдают приказ о немедленном аресте «возмутителя спокойствия». Буачидзе тайно в одежде странствующего монаха переходит турецко-болгарскую границу, направляется в Софию.

1914 г. (октябрь)—1915 г. (осень) — С. Г. Буачидзе на Балканах. Через него осуществляется связь В. И. Ленина с балканскими социалистами, особенно с Благоевым, Кабакчиевым, Димитровым. Выполняя поручения Ленина, Буачидзе нередко тайком отправляется в Сербию и Румынию, проникает в Грецию, бывает в самых отдаленных уголках Балкан. Через руки Ноя проходят и транспорты с ленинской газетой «Социал-демократ». За подписями Гуриели и Самбуа он публикует статьи в левых балканских газетах против «беспримерной войны народов». На собраниях болгарских рабочих, в беседах с крестьянами Буачидзе разъясняет, почему оружие надо направлять против своей буржуазии. Болгарская полиция арестовывает Буачидзе. Доказать его связи с левыми болгарскими социалистами — тесняками —

не удается. Буачидзе как «нежелательного иностранца» высылают из Болгарии.

1915 г., поздняя осень — С. Г. Буачидзе в Швейцарии. В горной деревушке Соренберг Ной знакомится с В. И. Лениным.

1916 г., январь — С. Г. Буачидзе информирует В. И. Ленина о состоявшемся в Баку 4 октября 1915 года совещании закавказских большевистских организаций. В дальнейшем В. И. Ленин неоднократно запрашивает мнение Буачидзе по национальному вопросу, переписывается с ним по различным кавказским делам, посылает ему свои тезисы «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии». У Ноя устанавливаются прочные связи с левыми социал-демократами Швейцарии.

1916 г., лето — С. Г. Буачидзе поступает на социально-экономический факультет Женевского университета.

1917 г., март — В. И. Ленин, покидая Швейцарию, предлагает Буачидзе задержаться и взять на себя хлопоты, связанные с возвращением в Россию второй группы политэмигрантов.

Конец апреля — начало мая — С. Г. Буачидзе возвращается из эмиграции в Петроград. В. И. Ленин просит Ноя побыстрее отправиться на Северный Кавказ, там позарез нужны люди, знающие национальный вопрос.

Май — С. Г. Буачидзе приезжает во Владикавказ. Начало дружбы с С. М. Кировым.

Лето — осень — С. Г. Буачидзе и С. М. Киров готовят большевистские организации Терской области к решающим боям. На нефтяных промыслах Грозного, Садонских рудниках, в железнодорожных депо и мастерских, в горах и долинах Осетии, Кабарды, Балкарии, Ингушетии, Чечни, в казачьих станицах и в ногайских степях Буачидзе рассказывает о Ленине, объясняет, почему необходимо навсегда покончить с национальной враждой, раздирающей Терскую область.

Октябрь — В ночь с 25-го на 26-е экстренное заседание Владикавказского Совета совместно с революционными организациями города принимает предложенную С. Г. Буачидзе резолюцию: «Собрание шлет свой привет и свидетельствует свою преданность новому пролетарско-крестьянскому правительству. Да здравствует революционная Россия!»

Декабрь — Контрреволюционное Терско-Дагестанское правительство князя Решид-хан Капланова приказывает офицерам «дикой дивизии» разгромить Владикавказский Совет. С. Г. Буачидзе и других большевиков — членов президиума Совета — арестовывают. Их должны повесить на центральном Александровском проспекте в ночь под новый 1918 год. Ноя и его друзей спасают осетины — члены революционной партии

«Кермен» и рабочие железнодорожных мастерских.

1918 г., январь — С. Г. Буачидзе возглавляет подпольный партийный комитет большевиков, организует оборону рабочих слободок. 25 января в Моздоке открывается I съезд народов Терека. Лидер социалистического блока С. Г. Буачидзе предлагает «резолюцию мира». Съезд вопреки воле его организаторов — казачьих атаманов — высказывается за мирное улаживание националистических конфликтов, за единение трудовых казаков с трудовыми горцами.

Февраль — В городе Пятигорске член Народного Совета и председатель Коллегии по охране общественного и революционного порядка в Терской области С. Г. Буачидзе подписывает декрет № I о том, что вся полнота военной и гражданской власти переходит к Терскому Народному Совету. Второй съезд народов Терека, собравшийся в середине февраля в Пятигорске, избирает С. Г. Буачидзе председателем Совета Народных Комиссаров Терской республики. Совнарком переезжает во Владикавказ. Буачидзе устанавливает связь по прямому проводу с В. И. Лениным.

Март — май — С. Г. Буачидзе — глава народного правительства. Национализация промышленности, железной дороги, банка, установление восьмичасового рабочего дня, передача казенных, удельных, церковных и частновладельческих земель, тонкорунного овцеводства, садов и виноградников в распоряжение местных Советов для немедленного распределения между трудовым крестьянством без различия национальностей и пола. Введение бесплатного обучения и открытие национальных школ. Формирование национальных воинских частей и отряда китайских добровольцев.

20 июня — Гибель С. Г. Буачидзе.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Статьи о жизни и революционной деятельности Самуила Григорьевича Буачидзе, известного в партии под именем товарища Ноя, начали появляться в газетах Северного Кавказа, Грузии, Дона и Кубани еще в 1917 году.

Русская, грузинская, осетинская, чеченская, кабардинская, ингушская, дагестанская пресса широко откликнулась и на трагическую смерть Буачидзе летом 1918 года.

Со временем стало доброй традицией печати Грузии и Северного Кавказа каждый год публиковать статьи, воспоминания, новые документы о товарище Ное, выдающемся российском революционере, посланце Ленина на Балканах, первом председателе Совета Народных Комиссаров многонациональной Терской республики.

О школьных годах, формировании характера Самуила Буачидзе, о том, как он вовлек в революционное движение своего друга Серго Орджоникидзе, увлекательно рассказывает в книге «Путь большевика» (Москва, Госполитиздат, 1956 г.) Зинаида Гавриловна Орджоникидзе.

«…о т. Буачидзе, как о человеке в высшей степени способном и в высшей степени популярном среди населения Терской области», рассказано и в первом томе трудов Серго Орджоникидзе — «Статьи и речи» (Москва, Госполитиздат, 1956 г.).

Много ценных исторических материалов о партийной и государственной деятельности Буачидзе в 1902–1918 годах содержат:

«Очерки истории Коммунистической партии Грузии», часть I, Тбилиси, 1957 г.

М С. Тотоев, Очерки революционного движения в Северной Осетии, г Орджоникидзе, 1957 г

«Борьба за советскую власть в Северной Осетии. Документы и материалы», г. Орджоникидзе, 1957 г.

«Борьба за советскую власть в Чечено-Ингушетии». Грозный, 1957 г.

«Борьба за установление советской власти в Дагестане», Москва, АН СССР, 1958 г

Следует отметить также книги:

Коба Иванидзе, Самуил Буачидзе (биографический очерк на грузинском языке) Тбилиси, 1956 г.

И. Никонов. В. Гальцев, Ной Буачидзе, г, Орджоникидзе, 1957 г.

ОБ АВТОРЕ

Илья Моисеевич Дубинский-Мухадзе родился в 1911 году в г. Херсоне. Там же в 1929 году начал работать в редакции окружной газеты Позднее был корреспондентом «Комсомольской правды» в Харькове, корреспондентом «Известий» в Ташкенте, Челябинске, Куйбышеве и Тбилиси, военным корреспондентом на Южном, Кавказском и Закавказском фронтах. Ряд очерков и корреспонденций с фронтов опубликовал в «Правде» и «Известиях».

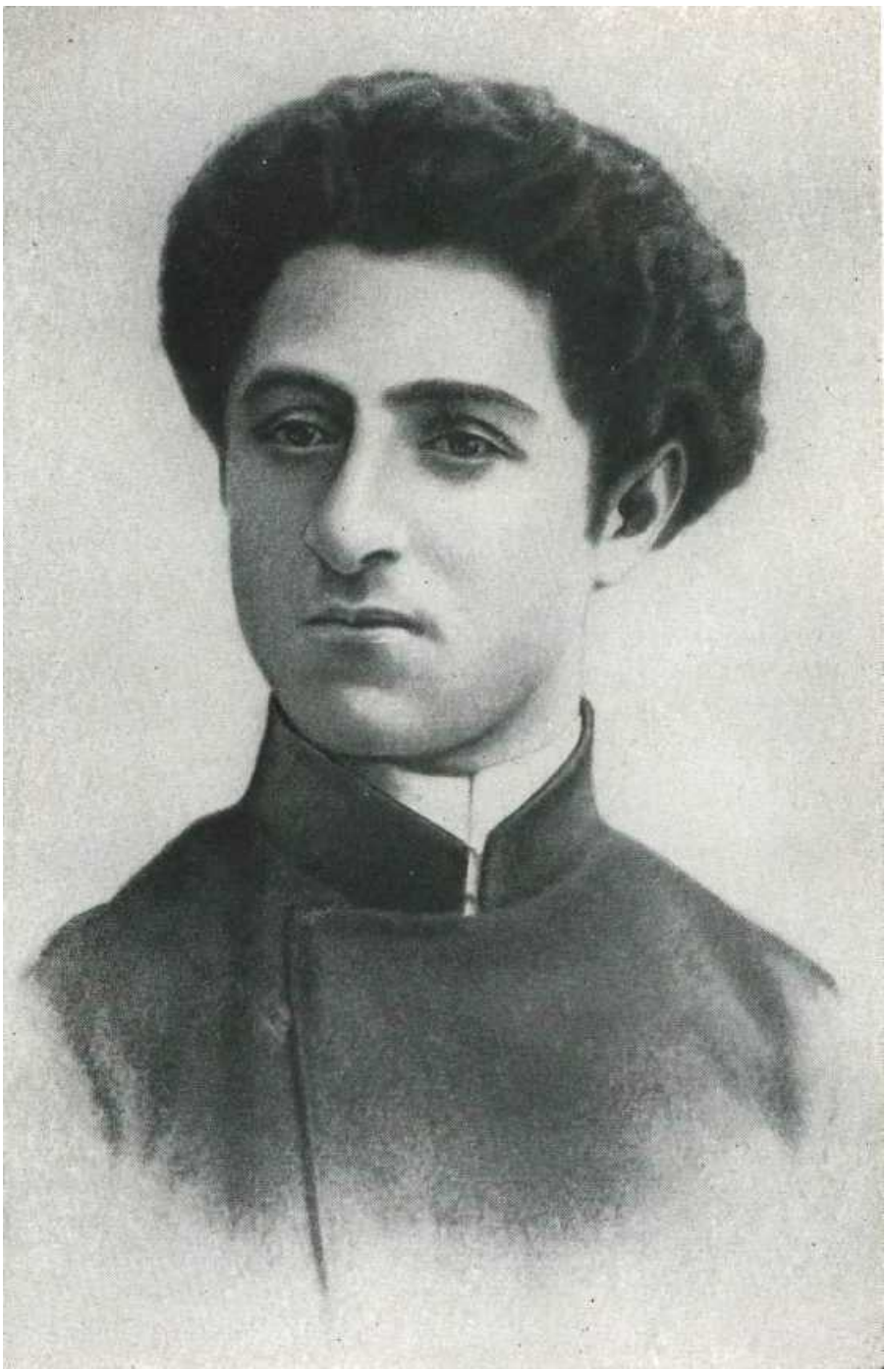
После демобилизации был корреспондентом Советского Информбюро по республикам Закавказья, разъездным корреспондентом-очеркистом радио.

Первая книжка очерков И. М. Дубинского-Мухадзе «Победители» вышла в Челябинске в 1935 году.

В 1958 году в Государственном издательстве Грузии «Сабчота Сакартвело» вышла на грузинском языке документальная повесть И. М. Дубинского-Мухадзе «Узнаю героя Сталинграда».

В 1959 году в издательстве «Заря Востока» вышла его повесть «Товарищ Ной». В том же году Детюниздат Грузии выпустил в свет на грузинском языке повесть «Не забывайте его».

ИЛЛЮСТРАЦИИ



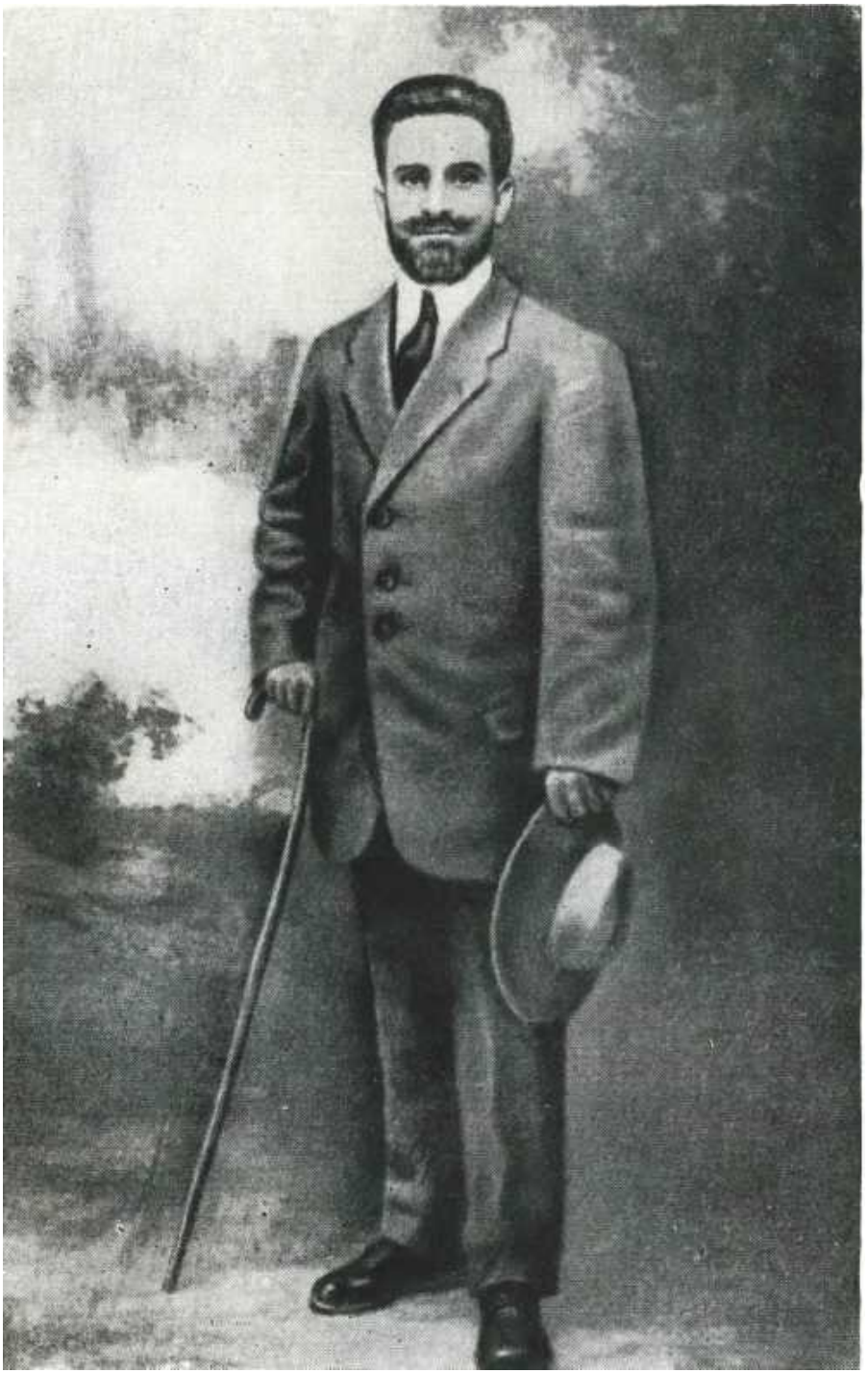
Серго Орджоникидзе (1905 г.).

Самуил Буачидзе — ученик Кутаисского сельскохозяйственного училища (1898–1899 гг.).

Миха Цхакая (апрель 1905 г.).

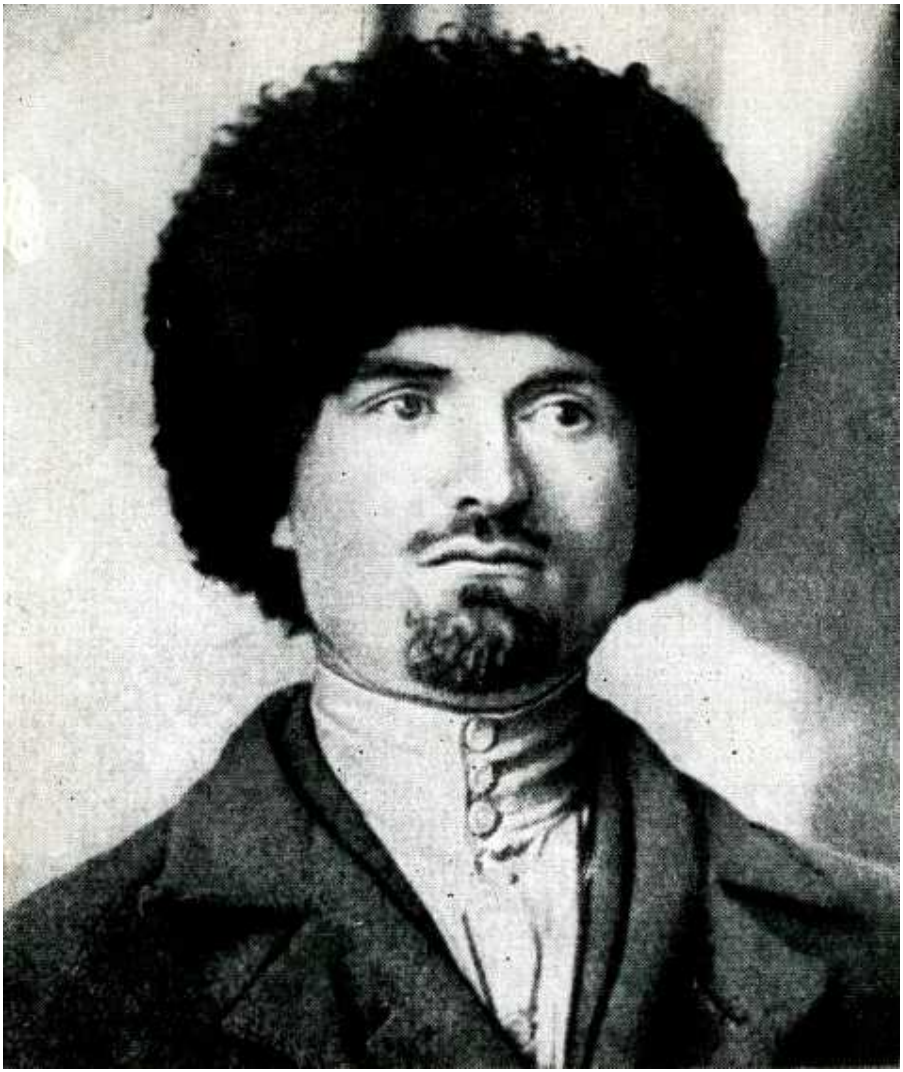
Комната Ноя в Софии.

София, ул. Веслец, дом № 63, в котором жил Ной.



Товарищ Ной (снимок 1912 г.).

С. М. Киров. Редкий снимок периода работы в редакции газеты «Терек».



Георгий Цаголов.

Асланбек Шерипов.

Мария Орахелашвили.

Мамия Орахелашвили.

Бетал Калмыков.

notes

Примечания

1

Белогоры — сейчас станция Харагоули. (Здесь и далее прим. авт.)

2

Озургеты — сейчас город Махарадзе, районный центр в Западной Грузии.

3

В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 53.

4

Головинский проспект — сейчас проспект Руставели — центральная магистраль Тифлиса,

5

Даты до марта 1918 года даются по старому стилю.

6

В. И. Ленин Соч., т 9, стр 391.

7

Алдаро-баделят — осетинские дворяне, помещики

Газета «Пролетарий», 1905 г., № 5.

9

Лишь в 1910 году особое присутствие Кавказского военного суда рассмотрело шесть томов дела о Квирильско-Белогорской республике. Буачидзе был признан «особо опасным главарем» и заочно приговорен к смертной казни.

10

Написанную рукою Ноя копию этой ранее никогда не публиковавшейся резолюции я нашел в августе 1959 года в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Копия адресована Ленину. На конверте по-французски написан адрес: Bibliothèque russe 7, rue H. de Senger 7, для У. Genève. Suisse.

Перед текстом в правом верхнем углу написано и подчеркнуто: «Копия нашего решения».

Полный текст резолюции понадобился Владимиру Ильичу в связи с появлением в буржуазной прессе Балканских стран статей, клеветнически утверждавших, что якобы грузинские социалисты подали руку феодальной Турции для совместной борьбы против России Предполагалось, что с отповедью клеветникам выступит большевистская газета «Социал демократ» (она выходила в Женеве под редакцией Ленина) Очевидно, позднее Владимир Ильич посчитал вполне достаточным гневный ответ самого Буачидзе, напечатанный 22 июля 1915 года в «Работническом деле», органе левых болгарских социалистов «Только пролетарская революция, — писал Буачидзе, — освободит Грузию от русского царизма, и социалистическая Грузия войдет в семью социалистических республик».

11

В 1903 году революционное марксистское крыло Болгарской социал-демократической партии, возглавляемое Димитрием Благоевым, Георгием Димитровым, Георгием Кирковым и Василем Коларовым, основало партию тесняков — левое крыло социал-демократии. Тесняки близко стояли к ленинской «Искре» и русским большевикам.

В мае 1919 года партия тесняков преобразовалась в Болгарскую коммунистическую партию.

12

«Чего не хочешь себе, не делай другому».

13

От болгарских друзей я узнал, что в 1914–1915 годах связь Ленина с балканскими социалистами, особенно с Благоевым, Кабакчиевым, Димитровым, осуществлялась через Буачидзе. Он часто и подробно писал Ленину. Долгие годы ни одно из этих писем найти не удавалось. Причина, оказывается, была очень проста. Буачидзе свои сообщения Владимиру Ильичу, должно быть в целях большей конспирации, подписывал не давнишним, сравнительно известным псевдонимом «товарищ Ной», а простым и хорошо звучащим сочетанием первых букв имени и фамилии — Самбуа — Самбуа? — переспросили меня в один из августовских дней 1959 года работники Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Помнится, что-то есть!

Совсем уже недолгие поиски — и на столе несколько папок, в каждой бесценные документы революционной борьбы — письма Самбуа к Ленину и Крупской.

И будто преднамеренно, чтобы у самых больших скептиков не осталось тени сомнений, что Самбуа и Ной — это один и тот же человек — Самуил Буачидзе, я нахожу письмо, датированное: «Женева, 14. XII 1915 г.». Письмо послано в Берн Надежде Константиновне Крупской для Владимира Ильича. Отвечая на запрос Ленина, Буачидзе сообщает о легальных и конспиративных связях с болгарами и румынами, рассказывает о докладе Василя Коларова Центральному комитету партии тесняков о Циммервальдской конференции.

Заключительная строка: «Дорогой товарищ! Скажу лишь одно: здешняя жизнь не жизнь, а бескровная гильотина». И самим Буачидзе расшифрованный псевдоним: «С тов. приветом Самбуа (Ной)».

14

Юмрукчал — высшая точка хребта Стара-Планина, высота 2 376 метров.

15

Коло — хоровод.

16

В предисловии к третьему тому Ленинских сборников с сожалением говорится: «…утерянными, очевидно, нужно считать и упомянутые в одном из писем Владимира Ильича его письма к т. Буачидзе (Ной)». Не эти ли письма Ленина вместе с другими документами Ноя зарыли под большим камнем вблизи Терека руководители владикавказских большевиков, не надеявшиеся уйти живыми от деникинцев, захвативших в феврале 1919 года столицу Терской республики? После освобождения Владикавказа близкие Ною люди пытались найти документы. Коварный Терек успел уволочь камень, размыл поблизости все, унес драгоценный сверток.

17

1916 год, № 51.

Скрынников впоследствии перешел к большевикам, убит белогвардейцами в 1920 году.

19

При Временном правительстве Гражданский комитет во главе с гражданским комиссаром считался высшей властью на местах.

Уаллахи-биллахи — так мусульманин клянется богом.

20

В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 187.

21

Ныхас — место, где собирались для беседы мужчины в осетинских селениях. Обычно на перекрестке дорог, у журчащего родника или оросительной канавки бросали несколько бревен, груду камней. Вокруг них на несколько метров утаптывали землю. Здесь часами сиживали мужчины, неторопливо решали дела.

22

Михайлово — сейчас станция Хашури.

23

Киров был избран делегатом II съезда Советов и находился в Петрограде.

24

Английский разведчик с недюжинными способностями, командир «туземного полка» в царской армии, О'Рэм несколько времени спустя, перед тем как навсегда расстаться с Кавказом, организовал поджог пяти самых богатых нефтяных фонтанов Грозного. Почти восемьсот дней и ночей полыхало чудовищное пожарище. Свыше ста пятидесяти миллионов пудов нефти превратилось в клокочущие факелы, в непроницаемые тучи густой липкой копоти.

После освобождения Грозного весной 1920 года его судьбой занялся Ленин. В помощь нефтяникам была брошена специально сформированная Кавказская армия труда.

25

В Ставрополе Анисимов был назначен губернским комиссаром по военным делам. Весною 1918 года переведен политическим комиссаром Брестского военного района, участвовал в переговорах с немецким командованием о перемирии.

В последующие годы Николай Анисимов — член Военного совета Астраханского края и каспийского побережья, член Военного совета XI, XII и IX Кубанской армий.

25 января 1920 года умер от тифа в Новочеркасске.

26

«Дикая, или туземная, дивизия» была сформирована последним наместником Кавказа великим князем Николаем Николаевичем из ингушей, чеченцев, осетин и других горцев.

27

Доктор Рискин был вполне благонамеренным меньшевиком, горячим сторонником Временного правительства и учредительного собрания.

28

Николай Анисимов был тогда в Петрограде.

29

В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 328.

30

С. Орджоникидзе познакомился с Шериповым на IV съезде народов Терской республики.

31

Порт-Петровск — сейчас Махачкала — главный город Дагестана.

32

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 214.

33

Покойный Филипп Евсеевич Махарадзе, бывший в начале 1918 года членом бюро Кавказского краевого комитета партии и народным комиссаром финансов Терской республики, вспоминал: «Несмотря на то, что Терская республика была отрезана от центра многочисленными фронтами, связь с Москвой поддерживалась и Владимир Ильич говорил с Буачидзе по прямому проводу и по радио. Это чувствовалось даже в отношении Ноя к нуждам населения».

34

Эту фамилию хорошо знают наши советские специалисты, бывавшие или сейчас работающие в Китае. Худощавый, коренастый, с заметно тронутыми сединой смоляными волосами и розоватым давним шрамом на лице, Шоу-шань много лет работает по связи с советскими специалистами в одном из ведущих пекинских научно-исследовательских институтов.

В составе делегации китайских трудящихся Цзи Шоу-шань приезжал в Советский Союз на празднование 40-летия Великого Октября.

35

«Сесе» — спасибо.

36

В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 347–352.

Позднее Николай Федорович Гикало был командующим войсками Терской республики, затем руководил партизанами и повстанческими войсками Северного Кавказа, действовавшими в тылу Деникина. После гражданской войны до последних дней своей жизни Гикало на руководящей партийной работе.

38

Саша Гегечкори со своим отрядом грузин-красногвардейцев пришел во Владикавказ летом 1918 года, тайно переправившись через Мамисонский перевал.

39

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях пишет: «Осенью 1918 года Радко-Дмитриев вместе с Рузским и группой всякого рода титулованных «беженцев» попали в число взятых Кавказской Красной Армией заложников и были расстреляны. В Москве смерть этих несомненно выдающихся генералов… была встречена с огорчением, и я не раз слышал от В. И. Ленина, что оба эти генерала, не кончи они так трагически, могли бы с пользой служить в рядах Красной Армии».

40

В Государственном историческом архиве — в фондах Совнаркома — и в Центральном партийном архиве я отыскал несколько документов, относящихся к этой поездке Сергея Кирова.

41

Яков Петрович Бутырин родился в 1884 году, провел детство в Тифлисе. Учился в железнодорожном училище, потом работал на станции Баладжары, вблизи Баку. В 1903 году вступил в РСДРП, принимал активное участие в революционной борьбе 1904–1905 годов, был председателем стачечного комитета железнодорожников. Арест, ссылка на три года в заштатный городок Мезень Архангельской губернии. Побег. Нелегальная революционная работа в Екатеринославе, затем в Пятигорске.

В июне 1917 года Бутырин принял участие в работе I съезда Советов. Огромное впечатление на него произвело выступление Ленина. Формально все еще оставаясь меньшевиком-интернационалистом, Яков Петрович все более решительно поддерживал большевиков. Он участвовал в работах Моздокского, Пятигорского и Грозненского съездов народов Терека. По предложению Ноя Бутырин был назначен военным комиссаром внутренних дел, а позднее военным комиссаром республики. Вскоре после трагической гибели Буачидзе Бутырин возглавил Совет Народных Комиссаров Терской республики.

В январе 1919 года на 11 краевом съезде коммунистов Кавказа — в самое трудное время, когда XI армия отступала под бешеным натиском деникинцев и вот-вот должен был пасть Владикавказ, — Яков Бутырин попросил принять его в Коммунистическую партию.

Во время одной из поездок по горной Ингушетии Бутырин заболел тифом. Серго Орджоникидзе пришлось вспомнить свою старую специальность фельдшера. Три дня и три ночи Серго не отходил от постели Якова. Болезнь оказалась сильнее. 24 февраля 1949 года в высокогорном ауле Гули на руках у Серго Яков Петрович скончался. В июне 1920 года прах Бутырина был перенесен во Владикавказ.